

ISS № 0130-3600

საქართველოს
ლიტერატურის

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

2

1986

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

- ШОТА НИШНИАНИДЗЕ. Стихи. Перевел Михаил Синельников 3
- ТЕНГИЗ ГОГОЛАДЗЕ. Человек человеком жив...
Роман. Перевела Камилла Коринтэли 7
- ЗУРАБ КУХИАНИДЗЕ. Стихи. Перевел Лев Озеров 40
- ЛЕВАН ЧЕЛИДЗЕ. Там, на отдаленной планете...
или Тринадцать бросков из жизни Артема Гаспарова. Роман. 44
- БИДЗИНА МИНДАДЗЕ. Стихи. Перевели Владимир Леонович и Владимир Дагуров 96
- ГЕОРГИЙ ГУБЛИА. Стихи. Перевели Владимир Мощенко и Л. Левенсон 99

НАВСТРЕЧУ XXVII СЪЕЗДУ КПСС

- ВЛАДИМИР ОСИНСКИЙ. Честность. Очерк. 101

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- АЛЕКСАНДР БАРАМИДЗЕ. Марр-руствелолог.
К 120-летию со дня рождения Н. Я. Марра. 121
- САРГИС ЦАИШВИЛИ. Николай Яковлевич Марр 129

2

1986

АПОЛЛОН ЦАНАВА. Метафора луны в романах «Похищение луны», «Тутарчела» и «Дата Туташиа» 147

СЕРГЕЙ АЛИХАНОВ. Стоя на земле. 147

НУГЗАР ЦХОВРЕБОВ. «Перевод—двойник оригинала» 150

ШУРАДДИН МАМЕДОВ. Страницы дружбы. Грузинская периодика второй половины XIX века и азербайджанская литература 159

РЕЦЕНЗИИ

АЛЕКСАНДР ЗЛАТКИН. Поле доброты. 164

СЕРГЕЙ БИРЮКОВ. Дорога поэзии. 167

ВЛАДИМИР НОВИК. Подарок грузинского мариниста 170

ИЗ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО

ГЕОРГИЙ ДЗИДЗАРΙΑ, ИГОРЬ ЛЕЙБЕРОВ.
«Осужден: по обвинению в большевизме». Продолжение совместного поиска ленинградских и абхазских ученых-историков 172

НАУКА

МИХАИЛ БУЯНОВ. Некоторые уроки 191

ДОКУМЕНТЫ. ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ

ВАСИЛИЙ МЖАВАНДЗЕ. От Пулково до Праги 208

ИСКУССТВО

МИРА ПИЧХАДЗЕ. По велению сердца. На встречу XXVII съезду КПСС 218

НЕКРОЛОГ

ВЛАДИМИР МАЧАВАРИАНИ 223

ХРОНИКА 163, 224

Шота НИШНИАНИДЗЕ

ЖАТВА НА АЛГЕТИ

Бадри, Усуп, Амирани, в Алгети мы собирались
втроем...
Нами хлеба бесконечные эти скошены — по оком.
В пенистой мы окрестились купели, в шумной дубраве
легли.
Дали обед принесла, и взлетели вечера тени вдали.
Вышла на крышу Камар, и в смятенье, в ужасе мы
отбежали, как тени.
Нагородил урожай Амирани — выстроил стог
за стогом.
Тулова дэвов безглавых кабаньи выставлены кругом.
...Плыли, поигрывая светотенью, над глубиной деревень
Быль и сказание, явь и виденье, миф и сегодняшний
день.
Кто же там, жнущий побольше раз в девять и
поднимающий стог?
И побледнел сын Дареджан — что делать, — и
потягаться не смог.
В сказках чудней он не слыхивал чуда, стал слабосилен
и мал.
Может быть, он незнакомца за удаль крестным отцом
посчитал?
— Эге-ге-гей, эй, алгетские лвята! —
крикнул прохожий тогда...
Руки громадны,
бела и космата, словно руно, борода.
Сноп развалился, колосьями брызнув, —
Солнце осыпало светом отчизну.

Вся закутана Колхида в гриву конскую и в ржанье.
Предок мой... Моряк, охотник, воин, первогорожанин...
Это — сказки сновиденья иль века обетованья:
Я лежу, божок-младенец, примостясь в мегрельской
«нане».

Небожителей жилище перевито виноградом.
Щеки мне щетина колет — Ментор бородатый рядом.
Визг шакалий, малярия, эпитафия и ливень
Здесь толклись, как белый козлик, и на привязи
ходили.

Но в углу присело солнце, как старуха на покое,
И запело, завертело веретенце золотое:
— Как звезда, взойди, надежда, в колыбели
встань впервые,

Воссияй и унаследуй клюв птенца, воловью выю.
Мир вспаши тяжелым плугом, ульи умножай и нивы,
Возблагодари кормильцев песнопением счастливым!
— Родина, я — твой! Пусть плачу, узнавая горечь дыма,
Дым твой пусть меня покроет копотью неистребимой.

В гривы конские, в легенды вся закутана Колхида.
Этот край — иной, особый... Сохрани его, не выдай!

Ты, мастер,
Ты, воин,
Ты, инок,
Когда набегала орда,
Со смертью ты вел поединок...
Но что там — за глыбой труда?!
Ведь жил ты, удачи не чая,
Но, словно мне путь облегчая
За гранью грядущего дня,
Сражался и пел за меня...
Сражался и пел —
за меня!

Всё — чтобы не знал я беды..
Как рог для «алаверды»,
До старости сам ты не дожил.
Но зная меня и любя,
Ты жизнь подарил мне... И что же—
Я буду стареть за тебя!
Тебе и достоинство мужа,
И львиное сердце дано.
Убит за меня. Почему же?
Ведь умер бы ты все равно
Ты умер, а я и взаправду
В долгу за Дидгори, Марабду,
Ты дал мне займы, не солгу!
Дал фрески и башен громаду,
О юноше с тигром балладу..
За жизнь и за смерть я в долгу.
С тобой
И собою,
И с богом
Мне — мериться силой борца,
Сравниться мне в подвиге строгом,
Пройти мне по многим дорогам,
Работая в поте лица,
Чтоб — где-нибудь перед итогом —
Весь выплатить долг до конца!

●
В Грузии я мимо крепости каждой
Шел горделиво... И множеством лиц
Прошрое жило и с горестной жаждой
В спину смотрело из черных бойниц.

Предок мой! Нам от времен буревала
Крепость осталась. Развалины тронь —
Даже и тень твою там, где упала,
С травкой монгольский повыщипал конь...

Кто я, какую исполнился силой,
Что так ликует душа и скорбит?
Знаю одно только: в Грузии милой
Был я у крепости каждой убит.

Отчего, к очам прихлынув,
Слезы жгут? О чем так смело,
Тесное гнездо покинув,
Сердце ласточкой пропело?
К солнцу взмыли врассыпную
Насекомые и птицы.
Словно чуя жизнь иную,
Сияясь к тайне приобщиться.
Вся в лучах — земли рогожа,
Тронь — и солнце расплеснется...
Были муравьи похожи
На бредущих крестonosцев.
Сок в корнях плескался глухо,
Ритм взорвался в жилах камня.
Я с природой слился духом,
Вся она была близка мне.
Что за миг блеснул, тревожа,
В дивный сон меня бросая, —
Пробежала быстрой дрожью
Вечность, вдруг пережитая.
Лес притих, камыш склонился,
Небо лишь на миг раскрылось...
Ангел ли взлетел и скрылся,
Вздохом ли заворожил нас?

Перевел Михаил СИНЕЛЬНИКОВ

В ФЕВРАЛЕ, когда большевики подняли над Тбилиси красное знамя, Геронти Эристави заперся у себя дома. Несколько дней спустя из Мухрани прибыл к нему управляющий и сообщил, что у них отобрали поместье, что в господском доме устраивают школу. Управляющему, как сам он считает, повезло: он нашел себе место заведующего складом на железнодорожной станции.

Семья Эристави жила в Сололаки, в квартире, обставленной на современный манер. Юность Геронти Эристави провел в Германии, учился в Берлине, потом служил на электростанции. Самостоятельно разработал проект новой гидроэлектростанции, с ним уже считались, как с опытным специалистом. Но его тянуло на родину. И он покинул Германию. Приехав в Грузию, он долго искал возможность применить свои знания и опыт, но развернуться его таланту здесь было негде. Лишь спустя годы по его проекту построили в Тбилиси теплоэлектростанцию для городского трамвая.

Тенгиз ГОГОЛАДЗЕ

ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКОМ ЖИВ...

●
Р о м а н

Деревня приносила ему хороший доход, так что жилось его семье неплохо. Но для человека творческого склада, каким был Геронти, бездеятельность была мучительна.

После советизации Грузии у большей части богатей отобрали квартиры и передали их беднякам.

Геронти Эристави со дня на день ждал, что очередь дойдет и до него. Он каждый день ждал большевиков. И наконец они появились... Были вежливы, оставили ему какую-то бумажку и ушли. Геронти попросил жену, Мариам, прочесть, что же в ней написано. Каково же было его изумление, когда жена прочла, что Закавказский ревком объявляет Геронти Эристави неприкосновенной личностью, никто не имеет права обыскивать его квартиру, тем более конфисковать у него лишнюю площадь.

Этот небольшой клочок бумажки развеял черные тучи его недоверия к большевикам. Но что предвещало ему просветлевшее небо?

В тот день, получив столь неожиданный документ, впервые после долгого перерыва он вошел в свой кабинет, сел за стол и стал что-то рисовать. Рисовал он молча и старательно.

Мариам, войдя к нему, увидела, что Геронти нарисовал цветок. Это так растрогало ее, что на глазах у нее невольно появились слезы, и она поспешила незаметно выйти. А Геронти все так же старательно выводил лепестки, думая о своем. Удивлению его не было предела.

Никаких уступок от большевиков он не ждал, тем более в экономике. Но прошло время, большевики ввели нэп, и Геронти Эристави пришел к выводу, что большевики, вожаки новой жизни, оказались людьми умными.

...По узкой улице мимо горсовета шли Коба и Алекси. Навстречу катил фаэтон. Коба увидел в нем отца и от неожиданности застыл на месте. Геронти, заметив сына, попросил извозчика остановиться.

Рядом с Геронти сидел незнакомец. Коба его никогда прежде не видел. Отец был чем-то взволнован.

Геронти был одет изысканно, словно собирался на званый обед.

— Это мой сын, — сказал он незнакомцу.

— Очень приятно, — незнакомец протянул Кобе руку, но не представился.

— Здравствуй, Алекси, сынок! — обратился Геронти к Алекси.

Последний поклонился.

— Подождите меня дома, — сказал им Геронти, — я скоро вернусь.

— Ты куда, отец?

— Я вызван к Серго Орджоникидзе: наверное, по делу. Не так ли, любезный? — обратился он к незнакомцу. Тот утвердительно кивнул головой и велел извозчику трогать.

Геронти на прощание улыбнулся сыну и помахал рукой.

— К Серго Орджоникидзе? — Коба повернулся к Алекси. — Могу поспорить, что им понадобился мой отец.

— А я не собираюсь спорить с тобой, — отозвался Алекси.

— Не зря они не трогали его. Но я не успокоюсь, пока не узнаю, зачем вызвали отца.

Дома встретила их заплаканная Мариам.

— Ты почему плачешь? — чмокнув мать в щеку, спросил Коба.

— Сама не знаю, — улыбнулась сквозь слезы Мариам и протянула руку Алекси. — Что-то творится, только я не могу понять, к счастью это или к несчастью.

— Ты не печалься, мама, все идет к лучшему. Вот увидишь, отец вернется и скажет... что именно, не знаю, но вести будут хорошие, я в этом уверен.

— Скажет, что нам вернули поместье? Нам ведь сегодня уже не на что жить. У отца даже нет работы! Хорошо, можно еще продать мебель и... Я схожу с ума, когда думаю, что нас ожидает.

— Я никогда не слышал от тебя таких речей, мама. Ты ведь всегда поддерживала и подбодряла отца.

— Больше нет сил... Пришел какой-то человек. Был вежлив и предупредителен. Но кто знает, что за этой вежливостью...

Алекси пожалел, что пошел с другом. Ему хватало своих забот. Видеть других в горе было выше его сил.

Ему хва-
тало выше его
сил.

Они с Кобой вышли в галерею.

— Смотри, не проговорись при матери, что случилось у вас, — предупредил его Коба.

— Я и не думал что-либо говорить. Я вот сейчас говорю с тобой, а все мысли мои там, дома. Представляю, как волнуется тетя Тасо, что меня до сих пор нет. Вот-вот придут солдаты, и если я вовремя не вернусь, может, меня даже не впустят в дом.

Коба засмеялся.

— Хочешь мятной настойки?

— Признаться, я проголодался, наверное потому и чувствую себя так скверно.

— Что же ты молчал до сих пор? Мама! Мама! — крикнул Коба. — Что у тебя на обед? — и повернулся к Алекси. — Хорош я, ничего не скажешь, не мог сам сообразить...

Уже смеркалось, когда раздался звонок. Мать с сыном одновременно бросились к двери. Так, наверное, встречали ссыльных, отвоевавших солдат, тех, кого не видели много лет. Геронти, войдя, поцеловал жену и сына так, словно он в самом деле вернулся из далекой Сибири.

— Говори же, — только и вымолвила Мариам. Но Геронти не слышал ее слов, возбужденный, он горячо пожал руку Алекси, точно не видел его совсем недавно на улице.

— Отец сейчас скажет, что... — торжественно объявил Коба и устоял на Геронти.

— Сначала ты поцелуй меня, — отец подставил щеку. Коба, как маленький ребенок, звонко поцеловал отца в бритую щеку.

...В Закавказском ревкоме инженера Геронти Эристави ждал Серго Орджоникидзе. Когда навстречу Геронти встал, улыбаясь, молодой человек с густыми черными волосами и усами, у него отлегло от сердца, вмиг исчезли страх и настороженность, владевшие им столько времени.

Серго протянул гостю руку, предложил стул, когда Геронти сел, устроился рядом.

— Я знаю вас, батона Геронти, — начал Серго Орджоникидзе, — как талантливого инженера-строителя.

Геронти невольно улыбнулся.

— Чем я заслужил столь лестные слова?

— Прошу простить меня, но без вашего согласия я ввел вас в комиссию, которой поручается руководство строительством первой в Грузии крупной гидроэлектростанции. Я думаю, вы не откажетесь, как не отказывается врач посетить больного.

Геронти от волнения несколько раз развел руками, потом потер лоб.

— А я думал о вас совсем иначе...— начал было он и не закончил свою мысль.

— Что же вы думали? — улыбнулся Орджоникидзе.

— Ничего, это я так.. Могу ли я не согласиться! Я очень рад! Я рад бесконечно! Еще и потому, что вы, большевики, оказывается, вот какие люди!.. Внимательные и..

— Наверное, в этих словах есть и доля иронии, не так ли, простите меня за откровенность, — снова улыбнулся Орджоникидзе.

— Ну что вы! Как можно! — растерялся Эристави и уже не знал, что сказать.

Серго сам пришел на помощь.

— Большевики отняли у вас поместье, естественно, вы можете иронизировать. Но что бы вы ни думали о большевиках, сегодня вы нужны для большого, общего дела. Грузия должна ожить. Вы инженер и в этом оживлении должны принять самое деятельное участие.

— Я хорошо сознаю мой долг перед отечеством,— сказал Эристави и тотчас вспомнил, как несколько лет назад с таким трудом построили в Тбилиси теплоэлектростанцию, потому что не было техники, как везли установки из Германии, Швейцарии и Финляндии. Он вспомнил все это и сказал:

— А сумеем мы построить?

— Должны суметь. Первая мощная электростанция в Грузии предусмотрена планом ГОЭЛРО, это личное поручение Ленина.

— Техника? Аппараты? Материалы?

— Материалы должны достать. Техника... Вот сегодня наша техника, — Серго протянул вперед свои руки. Геронти невольно посмотрел на руки Серго. Это были руки рабочего. Смуглые, сильные, с красивыми пальцами.

— Руки, руки рабочего — вот основное оружие, вот главная сила.

— Какой мощности электростанцию вы намечаете?

— Приблизительно в десять тысяч лошадиных сил.

— На какой реке предполагается ее строить?

— Желательно поближе к Тбилиси, на Храми или Куре. Где обойдется дешевле и будет удобнее строить... Пока надо все обстоятельно изучить.

— Несомненно.

— Так вы согласны быть в комиссии?

— Безусловно! Я могу даже возглавить составление проекта... Только бы у меня получилось... Вы не представляете, как мучительны были для меня последние месяцы.

— Поместье мы вам не вернем, я не могу вам этого обещать, — улыбнулся Орджоникидзе.

— Я любил свою деревню... но что поделать. Может быть, большое и настоящее, полезное для страны дело со временем станет мне дороже всего...

— Вас и в самом деле ждут огромные дела. Наверное, вы больше страдаете без работы.

— Это ужасно, когда хочется что-то делать, а у тебя нет возможности.

— Теперь этот груз упал с ваших плеч, если вам придется туго, скажите, мы во всем пойдем вам навстречу. Свяжитесь с товарищем Шалвой Элиава, председателем комиссии, он ознакомит вас с программой действий.

— Благодарю вас, — Геронти встал.

— Всего вам доброго, — встал и Серго. Он проводил гостя до дверей кабинета и еще раз пожал ему руку.

Дальше Геронти уже никто не провожал. Когда он вышел на улицу, он не остановил фаэтон. Решил идти домой пешком.

Какая-то удивительная бодрость и легкость овладела всем телом Эристави. Он шел не спеша и рисовал в мыслях будущие кипучие и шумные дни своей жизни.

Алекси вернулся на Пикрисгора лишь поздно вечером. Тетя Лиза уже ушла. Алекси запер калитку и снова уединился в кабинете дяди. Едва улегшись, он сразу погрузился в сон.

Тасо не спала. Когда совсем стемнело, ей вдруг послышался шум у ворот. Кто-то изо всей силы колотил в ворота. Тасо в испуге вскочила, накинула халат и пошла к Алекси.

— Может быть, это красноармейцы?

На всякий случай Алекси взял пистолет и вышел на балкон. Тасо застыла с лампой в руке.

Алекси приоткрыл парадную дверь и спросил громко:

— Кто там?

— Караул, — был короткий ответ.

Алекси спрятал оружие в карман и пошел открывать калитку. За ней стояли трое красноармейцев.

— Мы не ошиблись адресом? — спросил стоявший впереди солдат.

— Нет. Прошу вас.

Алекси вошел вместе с ними в дом и громко крикнул Тасо:

— Тетя, походи к себе. Спи спокойно, все в порядке.

Красноармейцы были вооружены короткоствольными берданками. Тасо вышла из кабинета и оглядела парней, таких же молодых, как ее Алекси.

— Вы останетесь у нас? — спросила растерянная женщина и слабо улыбнулась.

Красноармейцы разместились в комнате Алекси. Когда он стал стелить им постели, солдаты наотрез отказались—мы, мол, прибыли не в санаторий. Двое, не раздеваясь, прилегли на тахту, третий стал на кара-

ул во дворе. Ночью они сменяли друг друга. Тасо спала беспокойно, вздрагивала при малейшем шуме. Стоило красноармейцам перекинуться словом, как она открывала глаза, а потом долго уже не могла уснуть.

Так провели они еще одну ночь. На третье утро Тасо сказала красноармейцам:

— Я думаю, опасность миновала... Вы уже можете заниматься своими делами. Да и Алекси стреляет, слава богу, отлично.

В ту ночь красноармейцы не пришли.

* * *

Гиго Гиунашвили не одобрил поступка Алекси. Разве можно было убивать Эстатэ Бебуришвили? Теперь беды не оберешься, бандиты будут преследовать... Правда, он никому не поведал о своем страхе, но с наступлением темноты всякий раз ждал беды. Ему все казалось, что с минуты на минуту на них кто-то нападет, подожжет дом...

Даже Барна, своему другу детства, будущему куму, главе села, он ничего не сказал. Горькие думы рассеивались лишь поутру, когда он приступал к работе.

Он послал сыну несколько писем, просил подробно написать ему обо всем, вести себя разумно и беречь себя.

Нино и Кетэван не знали о том, что Алекси вербовали в банду, и новость эта испугала женщин.

По вечерам к ним заглядывал учитель Окруашвили. Нино оправдала его надежды, она принялась за работу с радостью и увлечением. Будь у него еще несколько таких учителей, наконец-то осуществилась бы его мечта.

Жизнь сорокапятилетнего одинокого мужчины отныне приобрела смысл. Он покинул свой старый, сырой домишко и перебрался на жительство в школу, в маленькую, уютную комнатку с окном на горку. Одет он был, разумеется, плохо, в старый пиджак и заштопанные на коленях брюки. Как-то он скопил немного денег и думал купить себе новые брюки, но в Гори он набрел на писчую бумагу и потратил все свои

сбережения. Что поделаешь, придется еще раз старательно заштопать пиджак и брюки и ждать.

Приближалась зима, и прежде всего надо было позаботиться о дровах. Крестьяне отправлялись за дровами в лес, но однажды на них напали бандиты, быков угнали, а крестьян раздели догола и пустили восвояси.

Случай этот вконец озадачил Гиго. Он думал, что бандиты находятся за горой, а они окопались, оказывается, и совсем рядом.

Последние два года в жизни Гиго были особенно беспокойные. С того самого проклятого дня, как убили Шалико, все не клеится жизнь и пока еще ничего хорошего не обещает. Шутка ли, в течение двух лет потерять двух мужчин? И у Алекси жизнь еще не налажена. Из Тбилиси Гиго каждый день ждал дурных вестей. Сам он не мог туда поехать, боялся оставлять дом на попечении женщин и Важи. А как ему хотелось поговорить с сыном, научить его уму-разуму.

Алекси же в письмах только успокаивал отца, просил не беспокоиться, потому что у него, мол, есть оружие.

Хорошо еще, что у них стал бывать Окруашвили. В беседах с ним время проходило незаметно. Нередко Бесо засиживался до полуночи.

Прежде он заглядывал к ним не так часто. Гиго объяснял его визиты тем, что Бесо теперь живет в школе, а школа совсем рядом.

И никому не приходило в голову, что причина тому — Нино. Даже сама Нино не догадывалась об этом. Могла ли она представить себе, что этот молодой уже мужчина с юношеской пылкостью увлечен ею?

Утро, гомон детворы, школьные звонки — все это радовало Бесариона. Особенно дороги были ему минуты, когда он мог видеть Нино в учительской.

Но с каждым днем сердце его наполнялось новой тоской. Сорок пять лет давили на него как тяжелый груз. Собственно говоря, из этих сорока пяти лет половину он пожертвовал другим. Но в самом сокровенном тайнике сердца, там, где некогда, в позабытые

годы юности, сверкнула искорка первой любви, родилось страстное желание начать жизнь сначала. И теперь он жил только этой мечтой.

Окруашвили не представлял школы без Нино. Ее всегда окружали ребяташки, они могли и имели право быть рядом. Окруашвили же мог любоваться ею лишь издали, не смея проявить свои чувства.

Разве он сам не понимал, как губительна для него любовь к девятнадцатилетней Нино.

Любовь эта стала для него страданием, но в этом страдании, считал он, его счастье.

Однажды, это было в субботу вечером, Бесо взглянул к Гиунашвили.

Гиго мыл кевври в винном погребе, Кетэван помогала ему. В доме были Нино и Важа. Нино гладила, а Важа, сидя поодаль, учил уроки. Все было обычно, буднично, мог ли Бесо представить себе, что вечер этот окажется роковым в его жизни? Едва он присел рядом с мальчиком, как за окнами послышался стук колес. Перед домом Гиунашвили остановился экипаж.

Нино выбежала на балкон. Вскоре Бесо услышал чьи-то торопливые шаги и радостные возгласы Нино.

В комнату вошел Алекси, а следом — незнакомый юноша. Важа повис на шее брата и засыпал его вопросами.

— Дай перевести дух, я все успею рассказать тебе, — Алекси расцеловал брата. — Как ты вырос, постреленок! А это мой друг, Коба. А, батано Бесарион, — повернулся он к Окруашвили и почтительно протянул ему руку. — Как поживаете? Это мой друг, Коба.

— Да как мы можем жить?.. — пробормотал Бесарион и пожал обоим руку.

Неожиданно он перехватил взгляд, который Коба устремил на Нино. Эта минута была ужасной для Бесо. Он тотчас почувствовал себя стариком в сравнении с этими молодыми, жизнерадостными ребятами.

На шум пришла Кетэван. Обняла Алекси, всплакнула, потом сорвалась с места и побежала в марани сообщить мужу радостную весть.

Гиго старательно скреб стенки кевври, когда жена крикнула ему:

— Сын приехал!

царили тишина и покой, а по осеннему небу неспешно плыли темные облака.

— Люблю осень в деревне... — задумчиво проговорил Коба. — В Мухрани у нас был хороший виноградник. Нас всегда встречали там с радостью. Отец мой не был жадным и большую часть урожая отдавал крестьянам. Они же у нас отняли все. Что поделаешь, жизнь изменилась, а мы должны идти с ней в ногу. Признаться, если бы поместье перешло мне по наследству, я бы и не мог управлять им, и сам раздал бы все крестьянам. У вас большой виноградник?

— Нет, небольшой. Дед мой был урядником, он и приобрел поместье, потом оно перешло к отцу. Вот завтра увидишь, как он любит свой виноградник, как заботится о нем. Он и кузнец, и виноградарь. Ты прав, я тоже не смог бы вести хозяйство, растить виноград, даже не представляю, как это делается...

— Алекси! — послышался голос Нино. — Прошу вас.

— Пойдем, поужинаем, — Алекси обнял друга, и они вошли в комнату.

Анаиду и Жужуну ждали еще в субботу утром, но они прибыли только в воскресенье.

В винограднике уже всюю кипела работа.

Помочь Гиго в сборе винограда пришли и соседи. Вокруг, в других виноградниках, давно уже собрали урожай. Деревья сбрасывали желтое одеяние и готовились к зиме.

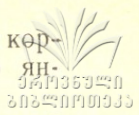
Склоны Триалетского хребта были окутаны туманом, южный край неба заволокла темная туча. Солнце дарило людям последнее свое тепло.

Анаида и Жужуна, радостные, прибежали в виноградник, расцеловали родных. Алекси познакомил их со своим другом.

Коба, Алекси и Нино работали в одном ряду, складывали виноград в одну корзину. Алекси был весел, шутил, резвился как ребенок.

Важа и Бесарион работали в другом ряду.

За всю свою жизнь Окруашвили никому не завидовал, а сейчас это чувство терзало его. Ему было больно видеть рядом с Нино Кобу, неприятно, что они

могут беседовать, складывать виноград в одну корзину. Когда же Коба преподнес Нино огромную тарную гроздь винограда, у Бесо заняло сердце.

Бесо заметил, как у Нино загорелись глаза; она взяла из рук Кобы гроздь, поблагодарила, полюбовалась и бережно опустила ее в корзину. Тогда Коба преподнес ей вторую гроздь.

— Эта еще лучше, Нино.

— Благодарю вас.

И вторую гроздь она так же бережно уложила в корзину. А парень все ближе подходил к девушке, и эта невинная игра поднимала в душе Бесо целую бурю, потому что он сам не мог позволить себе такого.

Алекси перешел к сестрам, которые шушукались, исподтишка поглядывая на Нино и Кобу.

В это время послышалась песня. Конечно же, это был Вана.

— Забыл обо мне, да? — обратился он с упреком к Гиго.

— Да как я мог забыть тебя, Вана?

— Почему же ты меня не позвал? Самое большее, съел бы одну кисть винограда. Хорошо, не съем ни одной. Так и быть. Говори, что мне делать? Вижу, корзина полная, надо ее вынести. Подсоби-ка!

— Не надорвись, парень!

— Ты так заботишься, словно я беременная женщина! Ну же, поднимай!..

Вана с трудом устоял на ногах под тяжестью корзины.

— Да помогите вы человеку! Еще упадет, — крикнула Кетэван.

Вана бросил на нее обиженный взгляд, но не произнес ни слова. Когда же с помощью ребят он водрузил корзину на телегу, повернулся к Кетэван и сказал многозначительно:

— Ну что, упал я? Ну-ка, пусть ваш интлидент Алекси поднимет такую корзину!

— Не интлидент, а интеллигент, — поправила его Анаида.

— Ох, не все равно? Ведь поняли, что я хотел сказать, — махнул рукой Вана.

Вана внес еще большее оживление. Он снова запел, но никто не подхватил песню. В семье Гиунашвили еще не оправились от горя.

Вана вынес из виноградника еще одну корзину.

— Почему ты не съешь винограда? — спросила его Кетэван.

— Что я, винограда не видел? Скажи-ка, а барашка вы не зарезали ради такого случая?

— Нет, барашка не резали, но еды у нас вдоль. Смотри, не пропадай, и вино у нас отличное, — сказал Гиго.

— Разве я не заслужил его!

Вана ждал, пока наполнят следующую корзину. Виноград он не собирал.

— Ты что так медлишь? — обратился он к Бесо. — Слава богу, пока еще не старик.

— Обнадежил ты меня. А я решил было, что уже совсем постарел, — улыбнулся Бесо. Слова Вана подействовали на него как бальзам. В самом деле, разве можно на все махнуть рукой и не думать о будущем. Но попробуй-ка, рискни, как Коба, сорвать красивую гроздь и протянуть ее Нино! Девушка поблагодарит, конечно, но в глазах ее не будет того огня, который вспыхивал в них от близости юноши.

«Не надо было приходить на этот ртвели», — думал Бесо.

После работы все сели за стол. Окруашвили не хотел оставаться, но его непустили. Он предпочел бы остаться наедине со своими мыслями. В мечтах он был таким, каким ему хотелось себя видеть. Но жестокая действительность отрезвляла его, наполняла все его существо болью и печалью.

Юноши стали собираться в дорогу. Коба, прощаясь, поцеловал руку Кетэван, поклонился Жужуне и Анаиде. Он поступил, как подобает воспитанному мужчине. Но перед Нино он склонил голову особенно низко и как-то иначе. Это не ускользнуло от взора Бесо.

На следующий день Нино пришла в школу до начала занятий. Окруашвили пожал ей руку. Она удивилась и вырвала руку. Бесарион виновато улыбнулся.

— А ты знаешь, мне понравился Коба, — вдруг сказал он.

Нино покраснела и отвела взгляд. Когда занятия окончились, Окруашвили сказал ей:

— Может быть, ты еще год останешься в школе, не покинешь нас.

— Почему вы это говорите? Я не думаю уходить из школы.

— Кто знает... Вы, девушки, как птицы, вот-вот выпорхнете из родного гнезда.

— Вы заставляете меня краснеть, батона Бесарион.

— И все-таки я боюсь, что в школе я останусь сиротой, — у Бесо задрожал голос.

Он нередко говорил об этом Нино, но никогда мысли об ее отъезде не были для него столь мучительными, как сейчас. Нино видела, что он страдает, но не могла понять, в чем причина.

В каждой грузинской деревне был человек, подобный Бесариону Окруашвили, ратующий за образование. Если в деревне не имелось помещения для школы, детей собирали у кого-нибудь в доме.

В течение многих лет Бесарион следил за работой Соломона Девсурашвили, живущего в Чочети. Все его попытки открыть школу не дали результата. Уездный отдел народного образования посоветовал собрать всех детей и обучать их в гарикульской школе, которая находится недалеко от их села.

Соломон Девсурашвили так и поступил. В один прекрасный день он привел своих воспитанников в Гарикулу.

Звонок только что прозвенел, когда Окруашвили увидел во дворе школы Соломона с ребяташками. Соломон что-то говорил детям, потом посмотрел на окна школы и, заметив Бесо, улыбнулся. Бесо вышел к ним.

— Неудачное ты выбрал время для экскурсии, Соломон. Надо было привести ребяташек, когда здесь все цвело. А теперь и посмотреть-то не на что.

— Мы пришли не на экскурсию... Мы думаем учиться в вашей школе.

— Не понимаю...

— В уездном отделе образования вчера мне сказали, что не могут открыть в Чочети отдельную школу, и велели нам перебраться к тебе. Ну что, примешь?

— Конечно же, охотно! — радостно воскликнул Бесо.

— Дожил до седин, а в этом дворце не бывал, — сказал Соломон, разглядывая разрисованные стены.

— Да, другой такой школы в уезде не сыщешь. А вот с учителями у нас туго. Значит, вы останетесь у нас? А как дети, им не трудно будет посещать школу, особенно в зимнюю пору: грязь, ветер, снег...

— Что поделаешь. Зато учиться в такой школе одно удовольствие!

— Ты очень обрадовал меня, Соломон. Лиха беда начало... Все образуется. Вот в этой комнате у меня первоклассники и второклассники. Зайдем, я познакомлю тебя с нашим молодым коллегой.

Бесарион открыл дверь. Нино стояла посреди класса, держа в руке счетные палочки. Дети шумно встали и так же шумно сели на свои места.

— Вот наш молодой педагог Нино.

Нино увидела в дверях удивленные лица ребятишек и улыбнулась им.

— А это кто? — спросила она, подходя к детям.

— Некоторых из этих ребятишек мы оставим у вас.

— Так пусть входят! — Нино взяла за руку стоящую впереди самую маленькую девочку с круглыми, блестящими глазенками и алыми губами. Носик и щеки у девочки сплошь были усыпаны веснушками.

Самых маленьких оставили у Нино. Теперь в классе за одной партой сидели по три и даже по четыре ученика. Дети, насупившись, оглядывали друг друга, хозяева, хотя и уступили места, были очень недовольны, что их стеснили.

В этот же день рассадили ребятишек третьего и четвертого классов. Пепе и Важа оказались в разных комнатах. У девочки от обиды выступили на глазах слезы, но она сдержалась — не плакать же при новом учителе!..

В тот день Окруашвили не проводил занятий. Он только переходил из класса в класс и беседовал с детьми.

— Завтра нас будет еще больше, — потирая от удовольствия руки, радостно говорил он.

В тот день он сам звонил в школьный звонок. Звонил так усердно и громко, словно хотел, чтоб слышали его по всей стране.

* * *

Бердо и Пело вспахали землю, засеяли. В начале весны они придут сюда полюбоваться зеленеющей нивой. А Бердо может уже сейчас мечтать о том, каким будет первый урожай, как он будет ходить, опьяненный запахом пшеницы. Совсем скоро будет у него свой собственный урожай. Когда же дом пропитается запахом теплой муки, вот тогда можно иметь и ребенка — и к скрипу жерновов прибавится скрип колыбели и звон погремущек.

Думы об этом наполняли все его существо блаженством, но стоило ему вспомнить о своей слепоте, как сердце щемила боль. Он видел все близкое благодаря рукам своим и все еще надеялся на свои руки. И младенца увидеть ему, конечно, помогут руки.

Пело приходилось нелегко. Но она не роптала. Едва она принялась за хозяйство, как посадила на яйца трех наседок, вывела цыплят, вырастила их на продажу. Бедняку необходимо многое. Хотя бы повезло мне продать курочек, мечтала Пело, чтобы можно было купить себе платье, а мужу рубаху и штаны.

— Смотри, не заблудись в городе, — беспокоилась Бердо. Он сидел у порога мельницы, а рядом Пело плела корзину из прутьев. Жаль, что не мог он видеть ее работы. А ведь было время, он сам плел прекрасные корзины!

— Скажешь тоже... Что я, иголка? Да и Вана знает город.

— Знает, конечно, — улыбается Бердо. — А я и не знал, что ты можешь плести клетки. Умелые у тебя руки, Пело!

— Еще многому научишься в жизни. Вот ведь в город я еду впервые.

— Не вздумай там поднимать тяжелое. Не на-

дорвись... Не то потом... Если с тобой что случится, жизнь моя копейки не будет стоить!

— Разве я не понимаю? Со мной ведь едет Вана. Ты не беспокойся.

Вана вернулся домой поздно вечером. Узнав о предстоящей поездке, он закружился по комнате.

— Как хорошо! Вот хорошо! — повгорулял он.

— Угомонись, непутевый. Утром за нами заедет на линейке Датико и отвезет нас в город, — сказала сестра.

Лишь поздней ночью смололи они последнюю пшеницу, остановили жернова. Пело легла позже всех.

Они все еще спали сладким сном, когда Датико остановил телегу у самых дверей мельницы.

— Эгей, Пело, Бердо! — крикнул он.

Первым вскочил Вана. Вспомнив о поездке в город, он радостно закричал:

— Эй, Бердо, Пело, вставайте!

Вскоре в курятнике закудахтали куры. Вана посадил их в клетки, которые поместил на телеге.

Пело устроилась рядом с братом.

— Вана, мальчик мой, будь умницей, — начал было Бердо наставлять шурина, но тот в ответ только сладко зевнул.

Бердо стоял перед мельницей, пока телега не растаяла в предрассветной мгле.

Они проехали через спящую деревню. Датико молчал. Молчали и пассажиры. В чьем-то домишке сиротливо мерцала лучина. Что поделаешь, нередко бедняку приходится отнимать у себя самого минуты покоя, чтобы прокормить семью. Пело в дороге думала только о предстоящей встрече с городом. Как пойдет там торговля, сколько она выручит, какого цвета платье приобретет и что купит для Вана и Бердо.

Когда они прибыли наконец на Верийский рынок, Пело была вконец измучена. Вана с трудом волочил за ней корзины.

Она растерянно озиралась. От сутолоки, шума и гама у нее закружилась голова. Не успела она опомниться, как ее обступили какие-то мужчины.

— Покажи-ка, какие у тебя куры!

— Почему продаешь?

— Пока не знаю, — пробормотала растерянная Пело.

— Давай я куплю всех, вместе с корзинами. Кто-то сует ей в руку смятые в кулаке бумажки. Но Пело не забывает наставления Бердо. «На базаре тебя сразу окружают перекупщики», — вспоминает она слова мужа.

— Я не продаю, отстаньте, — отмахивается Пело. Вана, отдышавшись, пришел сестре на помощь.

— Не продаем пока! Прямо-таки грабят среди бела дня! — орет он, разводя руками.

— Посмотрим, как вы продадите, — говорит многозначительно один из перекупщиков и зло сплевывает.

— Пойди, Вана, узнай, сколько просят другие, — сказала Пело брату.

— Сейчас!

Вана сбегал в птичий ряд, узнал цену.

Пело вытащила из корзины первую курицу.

— За такую цену не продашь, — шипят перекупщики.

— Не продам — отвезу домой, — не робеет Пело.

— Да, тебе палец в рот не клади, — ухмыляется один из них.

— Сколько ценишь? — спрашивает у Пело покупательница.

Пело называет цену. Щеки у нее горят.

Женщина берет курицу, дует на перышки.

— Ну и заломила ты цену за эту паршивую курицу!

— Говорил тебе, не продашь, — торжествует все еще снующий возле Пело перекупщик.

— Ты сама паршивая, — огрызается Вана и таращит глаза на покупательницу.

— Вана, миленький, не связывайся с ними, — умоляет брата Пело.

Кто только ни подходил к ним. Одни торговались очень ласково, другие, не выдержав, кидались на Пело:

— Чтоб земля вас проглотила, ироды! Разве можно называть такие цены!

— Я ведь предупреждал тебя, — снова ухмыляется перекупщик.

Одна из покупательниц так прямо и сказала: — Ты что, с ума сошла?

Вана не уступал покупателям, бранился с ними. Зря только Пело умоляла его уговориться.

А куры между тем все-таки продавались.

«В городе жизнь еще горше. Да, нужно иметь немалое мужество, чтоб вынести все это. Тут способны живьем сожрать человека», — думала Пело. Она обалдела от шума, от того, что все время стояла на ногах. И вдруг перед глазами у нее поплыли темные круги, и она села на клеть.

— Почем курица?

Пело назвала цену.

— Ты что, с ума сошла?

— Сама ты сошла с ума, будь ты неладна! — вскипел Вана. Разгоряченный, он обратился к сестре: — Да отдай ты им курицу даром и уедем отсюда.

— Вана, миленький... — снова умоляет его сестра.

А народу все прибывает. Все перемешалось вокруг, перед Пело проходят высокие, низкие, толстые и худые, грузины, армяне, русские, курды; вежливые, невежи, спокойные и, наоборот, возбужденные торгзлей...

И если один выводил Пело из равновесия, то другой подбадривал и утешал.

Таким было первое знакомство с городом.

— Откуда ты? — спросила какая-то женщина, рассматривая поданную ей курицу.

— Мы из Гарикулы... Слышали о такой деревне?

— Как не слышать! Да зять мой из вашей деревни... Кузнецца Гиго ты знаешь?

— Конечно же, знаю, — оживилась Пело. Она с надеждой смотрела на женщину. И Вана уставился на нее, удивленный.

Женщина почему-то пристально посмотрела на Пело и положила курицу в корзину.

— Доченька, ты что-то бледна. Не беременна ли?

Видать, у женщины глаз наметанный. Пело не скрыла от нее правды.

— А это кто тебе?

— Это мой брат. Я жена Бердо, знаете?

— Так ты Пело? А это, значит, твой брат, Вана Туговато вам пришлось, раз кур продаете.

— Да, одеться нам надо.

— А я Тасо. Живу на Пикрисгора. Продадите этих кур, и пойдем со мною. У меня кое-что найдется для вас.

— Да снизойдет на тебя милость божья! — обрадовался Вана. — Наконец-то нашелся добрый человек, а то здесь все нас ругают и проклинают... А ты вот даже подарить что-то хочешь.

— Дарить и мы умеем, — сказала Пело и протянула Тасо двух больших кур.

Тасо взяла их, пересчитала деньги и протянула Пело.

— Как можно! Это же я вам дарю. Разве я возьму деньги у родственницы Гиго! Он столько для нас сделал!

Пело ни за что не взяла денег.

— Много осталось еще продать тебе?

— С десяток кур.

— Я пока пройду по базару, а вы тем временем продадите остальных, и пойдем ко мне.

Тасо ушла. К Пело подошли женщины. Одни покупали не торгуясь, другие кляли ее и всех продавцов заодно. И все-таки Пело распродала всех кур. Они стали дожидаться Тасо. Но ее что-то не было видно. Брат с сестрой обошли все частные магазинчики. Кур, которых Пело подарила Тасо, она держала в руках.

— Продадим и этих кур, и дело с концом. Эта женщина нас уже не найдет, — сказал Вана.

— Ты что! Это ведь подарок. Пройдемся по магазинам и вернемся на прежнее место.

— Глянь-ка, Пело, какие чудесные сапоги!

Сапожник стоит за прилавком, улыбается, поглаживая пышные усы. А на прилавке блестят сапоги, на веревочке подвешены красные чуквяки. Поодаль другой продавец крутит в руке деревянный метр, отмеряя кому-то ткань, приговаривая: на счастье, на здоровье.

Пело приглянулась какая-то ткань, она подошла к прилавку.

— Убери ты этих кур подальше, — прикрикнула на нее продавец. Пело отходит.

— Может быть, купить, а, Вана?

— Купи, конечно!

В это время кто-то схватил Пело за руку.

— Вот вы, оказывается, где. А я ищу вас по всему базару, — говорит Тасо, еле переводя дух. — Что, нравится эта ткань? Купи, тебе подойдет.

— А сколько мне надо на одно платье?

Тасо оглядела Пело.

— Ткань узкая. Хотя ты худенькая и невысокая. Метров пять хватит.

— Правда, я хотела бы купить что-нибудь готовое, да такое, чтоб и зимой носить.

— Пойдем, я знаю, где продается готовое платье. Может быть, подберем что-нибудь.

— И для Бердо и Вана мне хочется купить.

— Бердо у тебя такой великан, что на него трудно найти готовую рубаху. Ему ты купи материал, а в деревне кто-нибудь пошьет.

— И в самом деле. Вана, а может быть, и тебе купить эту ткань, а?

— Как хочешь, я на все согласен.

Пело купила ситца на две рубахи, потом купила для себя готовое платье и вскоре забыла все огорчения дня. Она радовалась обновам как ребенок, глаза у нее блестели.

Тасо привела брата и сестру к себе на Пикрисгора, тотчас разворошила все сундуки и ящики.

— Вот это совсем новое платье. И вот это тоже. Это платье я надевала всего один раз. Смотри, Вана, это будет тебе в самый раз, а это, может, подойдет Бердо. Ты только выпусти немного.

Тасо ничего не жалела. Скоро она набрала столько одежды — своей и мужа, — что получился огромный сверток.

— Это мне ни к чему. А вам пригодится. Хранила, долго хранила. Трудно было расставаться. Но ведь вам это гораздо нужнее. А воспоминания и так будут жить во мне, их на мой век хватит.

— Сколько добра! — удивляется Пело. В свертке

оказалось и одно длинное, до пят, платье. Тасо ска-
зала, что сшито оно из очень хорошей ткани, Пело
пригонит платье на себя и долго будет носить его.

Потом Тасо накормила гостей. Пело отдохнула и
все время благословляла Тасо.

Был полдень. Вана хотел пойти в казармы, пови-
дать Голу. Ведь он тогда даже в Цхинвали ездил, что-
бы увидеть его, а здесь, в Тбилиси, разве мог не по-
видать друга!

Тут из гимназии вернулся Алекси.

— Алекси, чертов сын! — крикнул Вана и крепко
пожал ему руку.

Алекси поздоровался с Пело.

— Вот это да! Как вы здесь очутились?

— Нас привела тетя Тасо. И подарков надава-
ла — уйму! И мы две курицы подарили ей, посмотри,
какие жирненькие, — скалил зубы Вана.

— Я увидела их на базаре и привела, — поясняла
Тасо.

— Правильно сделала.

— Вана хочет навестить Голу, ты поешь и пойдешь с
ним, сынок, а Пело еще немного отдохнет.

Алекси не заставил себя долго ждать. Поев, он
повел Вана к себе в комнату, достал из ящика пись-
менного стола револьвер.

— Ух ты!? Этим ты убил Эстатэ?

— Это его подарок. В гимназию я не хожу с ним,
а так он всюду со мной.

— Боишься кого?

— Кого мне бояться! Мне дали на это право, вот
я и ношу! Я люблю оружие.

— Ты хорошо стреляешь?

— Отлично. Что ж, пошли, повидаем твоего Голу.

Они спустились с Пикрисгора и пошли по тропин-
ке, которая вела прямо к казармам.

Когда они подошли к казармам, Алекси увидел
проволочное ограждение. Значит, теперь этим путем
туда не попасть.

— Надо выйти на дорогу. Только так и попадешь
в казарму, — сказал Алекси. Вана с трудом переводил
дух.

Они вернулись, вышли на дорогу и пошли в сторону Сабуртало.

На столбах при входе в казарму развевались красные флаги, а к арке был прикреплен плакат: «Да здравствует Красная армия рабочих и крестьян!».

У калитки стоял красноармеец с винтовкой. «Точно такой солдат стоял в карауле и в Цхинвали», — подумал Вана и обратился к солдату:

— Привет, парень!

Красноармеец оказался русским и не понял Вана. Алекси объяснил, зачем они пришли сюда.

— Гогиташвили арестован, — сказал красноармеец, — вы не сможете повидать его.

— Оказывается, арестован твой Гола, — сказал Алекси.

— Он что-то путает, — не поверил Вана.

— За что его арестовали, не скажете? — снова обратился Алекси к красноармейцу.

— За драку.

— Он дрался, — перевел Алекси.

— Говорю тебе, он что-то путает, — улыбается Вана. — Гола вообще никогда не дрался, с чего это вдруг он подрался бы здесь?

Голу они так и не повидали — он в самом деле сидел на гауптвахте.

Поздно вечером брат с сестрой попали домой, в Гарикулу. Возле мельницы их встретил Бердо.

* * *

Голу арестовали на десять дней.

Кутателадзе был в ярости, когда к нему доставили красноармейца в разорванной гимнастерке с синяками под глазами.

— Где ты подрался?

Гола молчал.

— Арестовать его! На десять дней! — приказал Кутателадзе.

Голу поместили на гауптвахту.

На второй день ему принесли хлеб и воду.

Внешне Гола был уже спокоен, но в сердце его клокотал огонь. Жизнь его превратилась в пытку. Десять дней должны сторожить его вооруженные красноармейцы, его же товарищи, чтоб он не сбежал. А

разве он убежал когда-нибудь? Эх, может быть те времена были лучше, когда он и Вана слонялись по селу в поисках куска хлеба. Да, несмотря на нужду, то время было самое беззаботное.

Для него Хатуна стала иконой, которой он поклонялся. Надо же было случиться, чтоб той же иконе поклонялся и авлабарский Мгелуа.

Неделю назад кто-то вызвал Гола из казармы. Ворота находились далеко от здания, и Гола, когда добежал до них, едва перевел дух.

За воротами стоял Датэба. Он был какой-то жалкий, несчастный и смотрел на Гола с мольбой. Гола почувствовал что-то неладное.

— Дядя Датэба!

— Я, сынок, я! Выйди, мне надо сказать тебе кое-что.

Они отошли в сторону.

— Помоги мне, сынок, дорогой!

— Что случилось? С Хатуной что-нибудь? Была свадьба?

— Да, будь проклят тот день! Несчастный, погиб я, пропал!..

— Я знал, что это случится! — воскликнул Гола.

— Я же ничего не знал, ничего! — у Датэбы на глазах появились слезы. — Только на тебя и надежда... Помоги мне...

— Что я могу сделать!

— Хоть словом ласковым успокой... — всхлипнул Датэба.

— Скажи, что случилось, что?

— Зять каждый день избивает ее чуть ли не до смерти.

— Знал я, знал, что так будет, дядя Датэба! — теперь уже злость душила Гола. Голос у него дрожал, сердце бешено колотилось.

— Он продал мою мельницу... Грозится убить, если я буду жаловаться...

— Неужели, кроме меня, тебе некому помочь?

— Сынок, скажи ему что-нибудь, может быть...

— Что я могу сказать!? На свадьбе я не был, а теперь на драку идти, да? Мне жалко тебя, но что по-

делаешь. И Хатуну мне жалко, но... Во всем виноват ты. Как же ты отдал за него дочь!

— Что же было делать? Он грозился...

— Нет, не могу я идти с тобой. Не могу ничего сказать этому... Да и что говорить!..

Датэба вытер слезы. Некоторое время они стояли молча. Вдруг Гола, сказав, что его зовут, повернулся и пошел к казарме.

Никто не звал его. Он придумал это. Он думал, что, убежав от Датэбы, убежит и от Хатуны, от Мгелуа, от всех неприятностей. Он бежал, а ему все казалось, что Датэба гонится за ним, зовет, молит...

Потом он прибежал снова к воротам, думая, что Датэба все еще там, но того уже и след простыл. Гола забеспокоился еще больше. Одно ласковое слово, одно слово утешения было бы для этого человека бальзамом, но Гола наказал его за то, что Датэба заставил Хатуну выйти замуж за Мгелуа. В глубине души он был даже удовлетворен тем, что Датэба страдает, так ему и надо. Но ведь страдает и Хатуна!..

Двое суток он не просил увольнительной. На третий день он все-таки пошел на Пески.

Когда он издали увидел мельницу, сердце его тревожно забилося. Почему он пошел сюда? Может, только для того, чтоб еще раз увидеть Хатуну?

Безмятежно шумели водяные мельницы. Было многолюдно на улице, запруженной телегами и дрогами. Одни сгружали с телег кули, другие нагружали их. Порой, поднимая пыль, пронеслся фаэтон.

Гола решил было тут же повернуться и уйти. Никогда не ощущал он такой раздвоенности. Какая-то невидимая сила тянет его к мельницам, а другая — к казарме.

— Будь что будет, — решил Гола. Он смело подошел к воротам дома Датэбы и заглянул во двор. Никого.

— Дядя Датэба! — позвал Гола. Он думал, что выглянет Датэба. Но в приоткрытую дверь выглянула испуганная Хатуна.

Гола вздрогнул.

— Папы нет дома.

— И Мгелуа нет, твоего мужа?

— Моего мужа зовут Вардэн. И его нет дома.

— А ты ведь дома? — с дрожью в го́лосе сказал Гола и так вцепился в доску от забора, что сорвал ее. Он отбросил доску в сторону и увидел, как Хатуна испуганно захлопнула дверь.

Он оглянулся и остолбенел. К дому спокойно, вразвалку шел Мгелуа-Вардэн.

— Ты что ломаешь мне забор, большевик?.. — сказал он вместо приветствия и протянул ему руку. Гола не ответил и руки не подал.

— Что, обижен на меня? Руки не подаешь?

— Где Датэба?

— Черт его знает!

— Ты в самом деле продал его мельницу?

— Продал. Что, не имел права? А тебе какое дело?

— Почему ты истязашь Хатуну?

Вардэн подошел вплотную к Голе и левой рукой схватил его за ворот.

Гола замер было, но тут же его охватила ярость, и он, уже ни о чем не думая, изо всех сил пнул Вардэна ногой в живот.

Тот сжался от боли. Гола не дал ему опомниться и набросился на него с кулаками.

Но кулаки Голы словно отрезвили Вардэна. Он дважды так сильно ударил Голу, что тот озверел и со всей яростью накинулся на противника. К месту драки со всех концов сбежались люди, но разнять их не решались.

Ни один из противников не думал уступать. У Голы уже была разодрана гимнастерка, из носа текла кровь. Но он ни на что не обращал внимания, наносил противнику удар за ударом. Да, не такой легкий орешек этот авлабарский Мгелуа!

Превосходство было на стороне Голы. Он победил не столько силой своей, сколько выносливостью. Деревенский корень совсем иной крепости... С такой злостью Гола не дрался даже в ущелье Атэни, не сражался с бандитами в Цхавери. Перед ним был враг, лишивший его самого светлого и чистого в жизни—его Хатуны!

Бледная, испуганная, жалась она к калитке...

Мгелуа уже валялся у него под ногами, когда эти сильные руки оттащили его в сторону. Гола пытался вывернуться, но безуспешно. И тут он увидел, что держат его красноармейцы.

Геронти Эристави не очень-то одобрял дружбу сына с Алекси Гиунашвили, но и не препятствовал ей. Когда Алекси пригласил Кобу в деревню на сбор винограда, Геронти опять-таки не отговаривал сына.

Геронти все никак не мог приступить к работе. Он по нескольку раз в день входил в кабинет, рассматривал чертежи, но за стол не садился.

В последнее время он вместе с другими членами комиссии по строительству гидроэлектростанции усердно изучал и исследовал ущелье реки Храми. Члены комиссии почему-то считали целесообразным строить гидроэлектростанцию именно на этой реке. Геронти предстояло выполнить большую черновую работу. Он еще плохо представлял себе будущую электростанцию, не знал, где какая будет построена плотина, какой бассейн понадобится для станции и откуда протянутся первые провода.

Изучив ущелье реки Храми, Геронти намеревался так же обстоятельно изучить ущелье Куры. Геронти имел теперь большую работу, и это отвлекало его от мрачных мыслей.

В прошлом году в это время управляющий привез им из деревни запасы продуктов на зиму. Этой же осенью управляющий даже не появлялся. Нелегко было привыкать к тому, что отныне он сам должен заботиться о пропитании семьи. Но другого пути не было! Надо было привыкать. Встреча с Серго Орджоникидзе обнадежила его. Он чувствовал также, что члены комиссии относятся к нему с почтением. Во время работы на Храми он был душой комиссии. Тепло и радушие окружающих его людей залечивали его душевную рану.

Кем бы он ни был, грузин, где бы ни работал, его всегда тянет к деревне, к земле. И Геронти не был исключением. Он любил свою деревню, свое поместье. Потерять все это ему, разумеется, было нелегко. И кто знает, как обернулась бы его судьба, если бы не встреча с Серго Орджоникидзе...

В тот день родители ждали Кобу. Геронти ка-
залось, что Коба опаздывает. Он то и дело поглядывал
на часы.

Мариам сидела за столом, освещенным керосино-
вой лампой, вязала сыну шарф. Электричества в городе
едва хватало на трамваи, и далеко не во все дома по-
давался электрический ток. А у строителя электро-
станции в квартире не было даже проводки.

Друзья приехали на фаэтоне. Алекси проводил
Кобу до дому, а сам поехал на Пикрисгора.

Коба привез домой небольшую корзину виногра-
да и кувшин сока.

Он был очень доволен поездкой. Встреча с Нино,
сбор винограда с ней волновали его, будоражили
кровь, словно молодое вино. Но об этом он не мог
рассказать родителям, хотя всегда был откровенен
с ними. Точно так, как виноградный сок должен на-
стояться в кевври, превратиться в мачари и только по-
том в вино, воспоминаниям и впечатлениям тоже не-
обходимо время.

Наутро ему хотелось поскорее попасть в универси-
тет. Они с отцом вышли из дому вместе. На улице ря-
дом со зданием горсовета Геронти ждал «Форд». В
нем сидели председатель строительства электростан-
ции Шалва Элиава и инженер Чичинадзе.

Они уже несколько раз именно на этом месте
ждали Геронти Эристави. Коба поздоровался с ними
и подождал, пока отец сядет в машину. Геронти сел
вперед, рядом с шофером. Он помахал сыну рукой,
и машина тронулась.

Целый день не отходил Коба от Алекси, который
стал ему еще ближе и дороже.

Несколько дней спустя Коба, тайно от всех, на-
писал первое письмо Нино. Он носил его с собой, чи-
тал, но так и не рискнул послать.

— Знаешь, я, кажется, влюблен... — сказал он
однажды Алекси. — Я ее так люблю... Она живет в
моих мечтах. Высокая, худенькая, у нее чуть груст-
ные, но живые глаза, — Коба пытался нарисовать
портрет Нино, но так, чтоб Алекси не узнал свою кузи-
ну. Высоких девушек с чуть грустными глазами мно-

го на свете, на многих черные платья, не потому, что они им к лицу, а в знак траура...

Но как же был удивлен Коба, когда Алексис вдруг спросил:

— А это случайно не та девушка, с кем ты заигрывал в винограднике?

У Кобы запылала уши. Стыдливым его не назывешь, но сейчас ему так не хотелось выдавать тайну, что он даже пожалел о том, что затеял этот разговор.

Пока в душе его горел любовный огонь, пока неразвешенная тайна лежала драгоценным кладом на самом дне его сердца, все принадлежало только ему. Рассказал он о своей любви — и распахнул настежь сердце. Туда, куда заглянул один, заглянут и другие, и обнажится его чувство. Так думал Коба и жалел, что раскрыл свою тайну. И тут он солгал, сказав, что еще ни разу не встречался с той, которая так ему приглянулась.

Алекси был далеко не ребенок, чтоб не понять друга. Он обнял его и сказал:

— Если ты любишь Нино, скажи мне. Я наблюдал за вами в винограднике. Клянусь, я был рад. Скажи, о ней речь?

— Да, о ней, чего скрывать... — признался Коба и отвел взгляд. — Может быть, мне не следовало открываться тебе так скоро, может... Я боюсь потерять тайну, которая до сих пор принадлежала только мне одному. — И задумался. Он думал о том, что если любовь однажды завладела сердцем, то сердце уже никогда не освободится от любви.

Человек рождается на свет дважды.

Второе его рождение — юность, открытие им мира в первую беспокойную ночь.

— Да, любовь — неисчерпаемый клад, — как бы угадав мысли Кобы, произнес Алекси, — клад, который открываешь день ото дня.

— А ты очень любишь Нато?

— Очень.

— Счастливый ты!.. Знаешь, раз уж я признался тебе в своем чувстве, буду откровенен до конца. Я написал Нино письмо.

— И что она ответила?

— Я не послал его, порвал. Не посмел. Что она

может подумать, еще не поверит, что я полюбил ее с первого взгляда.

— Не надо писем! На той неделе поедem в деревню, скажем, что приехали испробовать молодого вина.

— Может быть, это чувство вспыхнуло у меня рано? Мне ведь только девятнадцать...

— Именно в девятнадцать и испытываешь это чувство! И дай бог, чтоб мы всегда могли чувствовать как девятнадцатилетние, пусть всегда так мучительно ноет сердце. Итак, решено, на будущей неделе едем в деревню!

В полдень закончились занятия в школе и Соломон Девсурашвили, как ягнят, погнал своих подопечных в Чочети. А гариккульские и ахалкалакские ребята, как камни из пращи, устремились к своим домам. Ушла и Нино, и школа погрузилась в безмолвие.

Разве не в таком же безмолвии текла жизнь Бесо, когда он жил в старой лачуге на краю оврага? Да, и там жизнь его текла в одиночестве. Но там, на краю оврага, одиночество и тишина не были столь мучительны, видимо, потому, что ограничивались пространством, отведенным под жилище. Здесь же, в этом великолепном здании, огромные комнаты, и потому огромна тишина, царящая в них.

Но здесь рядом с ним бывала Нино, и когда он видел ее печальные и красивые глаза, то пустота, окружавшая его, миг наполнялась смыслом.

Иногда Бесариона Окруашвили приглашали в отдел народного образования. В Гори хорошо знали, что почта может подвести, и потому повестку присылали ему задолго до назначенного срока. К поездке в Гори Окруашвили готовился как к дальней дороге. Теперь, когда на пороге зима, ему особенно трудно отправляться в дорогу. Ведь у него нет даже теплого пальто.

В тот день, как нарочно, разыгралась непогода. На мосту в Гори завывал злой ветер, и дождь безжалостно хлестал прохожих. Ветер валил с ног. За мостом около сада Бесо заметил высокого молодого мужчину с бородкой, который пристально следил за ним. В этот хо-

лодный ветреный день он был без шапки, длинные густые волосы его трепал ветер, но он не обращал внимания ни на ветер, ни на дождь. Бесо остановился, внимательно взгляделся в него. На него смотрели знакомые глаза, но он не мог вспомнить, где и когда он их видел.

Мужчина поздоровался с ним. У него был приятный низкий баритон.

— Священник Габриэл! — вздрогнул от неожиданности Окруашвили. Он за это время успел позабыть «ученого и все-таки темного человека». Бесо удивился его странному наряду. Священник был не в рясе, а в рубаше с широким воротником, надетой поверх брюк, навыпуск, и перетянутой узким ремнем. Небольшая бородка вместо длинной бороды, какую он носил в прошлом, даже красила его.

— Что вы здесь делаете, Габриэл? И не холодно вам — вы так легко одеты? — обратился к нему Бесо.

— Мне не холодно, — ответил спокойно Габриэл. — Я специально выхожу в ветер и в дождь. В такую погоду мне кажется, что звонят колокола.

— Колокола?

— Да. Я молюсь и жду.

— Чего?

— Пробуждения бога. Всевышний тоже спит.

— Неужели только в этом вы видите причину того, что вера дала брешь?

— Да. Иначе всевышний одолел бы антихриста. Сон успокаивает душу.

— Всевышний — это живое существо?

— Больше, чем мы. Неужто вы не слышите колоколов?

— Я слышу шум ветра.

Габриэл как-то странно махнул рукой. И речь его была странной. Что он делает здесь, в эту непогоду? Неужто в самом деле слышится ему колокольный звон?

Окруашвили опустил глаза и вздрогнул. На одной ноге у Габриэла была рваная тапочка, на другой — рваная калоша.

«Он сошел с ума, бедняга... А я с ним беседую тут и даже спорю», — подумал Окруашвили и спросил Габриэла:

— Ты узнаешь меня?

— Как не узнать. Ты же Эквтите, племянник кватахевского священника Димитрия. Я тебя тотчас признал, едва увидел... Когда ты проходил по мосту, по волосяному мосту в чистилище. По одну сторону реки одни, по другую — другие. Их связывает только этот мост, а на нем свистит ветер да гудят колокола. Слышите? Пойдем, станем на мосту и будем слушать колокола, дорогой Эквтите...

Окрушвили попятился. Габриэл не двигался, его бессмысленные, но красивые глаза по-прежнему смотрели на Бесо.

«Он в самом деле помешался, бедняга». Бесо быстрым шагом пошел прочь от священника, хотя ему нелегко было одолеть дрожь в коленях.

— Куда ты идешь, куда? — услышал Бесо. Он оглянулся и застыл на месте. Габриэл, обхватив голову руками, громко рыдал.

Окончание следует

КАК ФИАЛКИ...

Пятьдесят —
Сгоревших от пожара пятьдесят.
Годы — караван верблюдов,
Резвых верблюжат.
Растрянжирил время —
Не вернуть назад —
В разговорах, коим рад я
И не рад.

Пятьдесят —
Присевших на плечо птенцов,
Окружили, облепив
Со всех сторон.
Каждый год — есть дар,
В конце концов,
Но и беды приносил
Порою он.

Пятьдесят —
Сердечных рваных ран
Исцелялись солнцем
Сквозь туман.
Пятьдесят, полвека,
Пятьдесят —
Это пополам
Расколотый гранат.

Перевал,
Мне показалось, взят.
Землю Грузии целую
Пятьдесят.
Слышу пульс ее
И вижу ясный взгляд.
Как чудесно
Дерева ее шумят!

Сыном Грузии
Именоваться — честь.
Сон земли ее целебен.
Я не слаб.
Без нее нет жизни.
Весь как есть
Я вмурован в стену,
Как Зураб.

Пятьдесят —
И сколько ни считай, —
Пятьдесят —
О них сейчас пою.
Я б по Грузии
Прошел из края в край,
Как фиалки,
Раздарил бы жизнь свою.

СНЕГ

Он ласковый,
Он без огласки,
Храня молчания обет,
Стирает все цвета и краски
Непобедимый белый цвет.

Идет,
Порыв ветров изведав
И погружаясь в белый сон.
То, что не бел,
А фиалетов, —
Видал один Галактион.

Он в небе с облаками не был
И с сединою в волосах.
Снег — это, видно,
Только пепел
Мечты, сгоревшей в небесах.

Пусть вихрь
Смутит его некстати,
В тумане он,

Как после сна.
Он хрупок, как душа дитяти,
И так жесток, как тишина.

Но снег —
Он тоже знает время.
Он наплывает —
В сутемь, в темень,
И сходит медленно на нет.

Один ушел он —
Белый цвет,
Весна идет — с цветами всеми

КАК ПРЕЖДЕ...

Вновь блестит она так,
Как и прежде блестела,
Словно люстра,
Горят огоньки на реке —
В Моцаметском ущелье
Моя Цкалцитела
И Чагатский
Мерцающий лес вдалеке.

Вновь играют мальчишки
В мальчишечьи игры,
Ветер листья платанов
Швыряет вокруг.
Ежевика поспеет вот-вот,
И, как иглы,
Травы дико торчат,
И немотствует луг.

Вновь миндаль
Пошевеливает ветвями,
И, как встарь, «Инди-минди»
Поется опять.
Змей, что в детстве
Запущен был мною, над нами
Зацепился за радугу —
Хочет сиять.

Вновь приходят
Ребяческие причуды,
Куст малины из детства
И птица в гнезде.
Цкалцитела — со мною,
За мною — повсюду,
Лес Чагатский — за мною,
Со мною везде.

По тропинке взберусь
К высоте Унагиры.
Здесь на скалах расстелен
Зеленый ковер,
Здесь повсюду сверкают
Топазы, сапфиры,
Но плывут облака,
Затмевая простор.

Вновь — как прежде...
Но высохли старые груши,
И погода не та,
И другая луна.
«Зурикела, ты где?..»
«Шотиэла!..» — все глуше
Голос тетушки, тише,
И вот — тишина.

Вновь звенит ручеек,
Гордо висится круча,
Дождь прошел,
И лесок, он до нитки промок,
И плывет над холмами
Белесая туча,
Словно тетушкин гарусный,
Теплый платок.

Перевел Лев ОЗЕРОВ

ТАМ, НА ОТДАЛЕННОЙ ПЛАНЕТЕ...

ИЛИ ТРИНАДЦАТЬ
БРОСКОВ ИЗ ЖИЗНИ
АРТЕМА ГАСПАРОВА

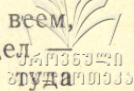
● Роман

БРОСОК ПЕРВЫЙ

ИСТОРИЯ абсолютно несусветная произошла с Артемом Гаспаровым — бригадиром осветительного цеха киностудии «Грузия-фильм», если, конечно, верить ему на слово. Но поскольку на слово ему никто не поверил, получается, что с ним ровным счетом ничего не произошло, не считая «кратковременного помутнения рассудка, впрочем, без каких-либо осложнений и патологических последствий». Именно так было сказано в справке, которую подписал и выдал Артему психиатр с мировым именем.

— Чтоб ему пусто было, — добродушно улыбается Артем, вспоминая своего исцелителя.

Временное помутнение рассудка выразилось в том, что Артему почудилось, будто три дня, с 21-го по 25 августа, в силу ряда причин, настолько абсурдных, что он и сам затрудняется дать им какое-либо логическое истолкование, он находился на какой-то отдаленной планете в созвездии Цефея. «Вернувшись» на Землю, Артем, понятно, предпринял попытку оповестить о своих необыкновенных приключениях человечество и попал в дом для умалишенных. Но не сразу. Прежде все-

го он счел нужным поставить в известность обо всем, что с ним случилось, Министерство внутренних дел решение вполне трезвое. Однако проникнуть сюда оказалось не просто. Три часа проторчал Артем в бюро пропусков, потев над бланком с целым рядом вопросов. Особенно его смущал первый — цель визита. Не напишешь же в самом деле — в связи с пребыванием на отдаленной планете. Словосочетание «в связи с сенсацией века» тоже покорило Артема и совсем уж не понравилось женщине в окошечке, выдающей пропуска.

— Какая там еще сенсация? Пишите конкретнее, — бросила она сухо и вернула бланк обратно.

Артем скомкал одиннадцатый по счету бланк и швырнул его в корзину. В тот же день он направил свои стопы в Академию наук Грузии, но и тут отказались его понять.

— Таких, как вы, сюда приходят в день по тридцать штук. И все почему-то лезут именно ко мне в кабинет. Взрослый человек, а несете какую-то чушь. Что вам, делать нечего? — поинтересовался долговязый профессор, по всему виду, очень занятой человек, когда Артем, сунувшись в его кабинет наугад, в коротких, скупых фразах попытался ввести его в курс дела.

С глубочайшим презрением взглянул на него Артем и решительно вышел из кабинета.

— Дурак! — буркнул профессор в ответ на с силой захлопнувшуюся дверь.

— Объясни, друг, кто тут самый главный? — обратился Артем в коридоре к молодому очкарику с растерянным лицом и кипой неисписанных листов бумаги в руках.

— Этого никто не знает! — с чувством ответил очкарик и неожиданно для Артема ударился в откровенность: до вчерашнего дня он был уверен, что всем заправляет шофер президента Бидзина, по инициативе которого отсюда, как пробки, вылетели два профессора; но вчера этого Бидзину, как мальчишку, выдворила из буфета буфетчица Маня и пообещала, что выкинет его отсюда вон вместе с мусором, если он еще хоть раз сунется не в свои дела.

— Вот такая картина, — закончил взволнованную тираду очкарик. — Поди разберись — кто главный! —
Артему было не до местных дрызг.
— Президент у себя? — поинтересовался он осторожно.

Оказалось, что президент отбыл в Японию на какой-то симпозиум.

— Как пройти в буфет? — спросил Артем.

Как и предполагал Артем, буфетчица оказалась армянкой. Артем поделился с ней своими заботами, понятно, не вдаваясь в суть дела: так, мол, и так, у него важное сообщение, но что делать — президент в Японии, а профессор Чикваидзе (он такой же профессор, как я молла, ему бы на улице квас продавать!) даже слушать его не захотел.

— Таких профессоров я бы уничтожал на месте! — воинственно закончил Артем.

Маня посочувствовала, с горькой гримасой покинула голову, а потом посоветовала заглянуть к академику Цанава.

— Его кабинет рядом с буфетом. Скажи, что я прислала.

— Открой боржом.

Артем с достоинством выпил стакан, расплатился, поблагодарил Маню за совет и вышел из буфета.

Академик Цанава оказался массивным и совершенно лысым человеком с огромной черной бородавкой на мясистом пористом носу. Вместо глаз на Артема устремились две маленькие иронические щелочки.

— Я от Мани, от буфетчицы, — с независимым видом представился Артем.

— Милости просим, — приветливо отозвался ученый. — Присаживайтесь.

Артем сел на предложенный ему стул и насупился.

— Даже не знаю, как начать, — усмехнулся он своей нерешительности.

— Рубите с плеча, — посоветовал ученый, и щелочки вместо глаз еще больше сузились.

— Только что я был у профессора Чикваидзе... — начал Артем.

— Так это вы побывали на отдаленной планете? — оживился Цанава.

— Так получается, — скромно ответил Артем.

— Ну и как у них там? — весело спросил ученый.

— Нормально, — сдержанно ответил Артем. Мне не очень понравилось. У нас лучше.

— Отрадно слышать!

— Цивилизация, конечно, на высшем уровне, — осторожно высказался Артем. — Личных автомобилей нет. Выходишь на стоянку и берешь любую машину. Моторы работают на электричестве. Отличные машины. Многие пользуются личными вертолетами. Канатки работают круглосуточно.

— Что же вам не понравилось? — удивился Цанаван.

— Во-первых, они — не люди слова. Это главное, — Артем искоса поглядывал на ученого, стараясь понять, разыгрывает тот его или нет. — Ходят лысые. Не поймешь — где женщина, где мужчина. В общем ничего особенного.

Артем умолк и недоверчиво уставился на ученого.

— Стоило ли отправляться в столь дальнее путешествие, если вам и рассказать нечего? — удивился тот.

— Ладно, — привстал Артем. — Замнем для ясности.

— Это почему же?

— Я же вижу, вы мне не верите, — ответил Артем и смело уставился собеседнику в глаза.

В психиатрической больнице, куда Артема доставила карета скорой помощи прямо из Академии наук, тоже не поверили Артему.

— Все это плод нездоровой фантазии, мой дорогой Артем, — внушал ему на протяжении нескольких дней знаменитый психиатр с растопыренными, как пики, усами. Маленький, кругленький, непоседливый, с лопатообразными ладонями, он сразу не понравился Артему. Особенно раздражал его тон. Он разговаривал с пациентом, как с годовалым младенцем. Лопаты-руки при этом находились в непрерывном движении. То он счищал пылинки с пижамы Артема, то хлопал его по колену или по плечу, то почесывал себе подбородок, то совал руки Артему под нос. Так и хотелось одернуть

его — руками, мол, не разговаривай, но Артем все же удержался. Как-никак психиатр желал ему добра.

— Созвездие Цефея, дорогой Артюша, находится от нас на таком громадном, не поддающемся воображению расстоянии, что свет от их звезд, достигающий Земли, проделывает расстояние в двести, а то и в триста световых лет, — с преувеличенной убедительностью говорил психиатр. — А вы знаете, какова скорость света?

Этого еще не хватало, чтобы Артем — бригадир осветителей, мастер света, монтер и электрик, не знал, какова скорость света.

— Триста тысяч километров в секунду.

— Триста тысяч! — вскинул свои лопаты-ладони психиатр и, округлив глаза, с таким видом посмотрел на пациента, будто сам сошел с ума. Он уже прочно нащупывал ниточку логических умозаключений. — Теперь высчитаем. Ты говоришь, что за три дня успел побывать в созвездии Цефея и вернуться обратно. Возможно ли это?

— Возможно, — не моргнув глазом, ответил Артем. — Надо воспользоваться законом четвертого измерения.

— Что за четвертое измерение? — заинтересовался психиатр.

— Вы не поймете. Надо быть математиком.

— Вы математик?

— Мне они так объяснили.

— Объяснили? — оживился психиатр. — А на каком языке?

Артем в упор смотрел на психиатра.

— На армянском.

Психиатр захохотал и хлопнул Артема по плечу. Он был уверен, что последняя реплика рассчитана именно на такую реакцию, а юмор, как он считал, первый признак того, что дело идет на поправку. Однако Артем не собирался шутить.

— Вы спрашиваете — на каком языке? Я отвечаю — на армянском. Что смешного?

— Возможно ли это? — округлил глаза психиатр.

— Я сам был удивлен.

— Откуда же там, на какой-то планете в созвез-

дии Цефея, знают армянский язык? — профессор делал вид, что крайне озадачен.

— Вы, знаменитый профессор, у меня спрашиваете — откуда? — в свою очередь поинтересовался Артем.

— А какое у вас самого образование?

Артем смело скрестил взгляд с психиатровым взглядом.

— В те годы, когда люди получают образование, я защищал родину с оружием в руках.

— Да, да, да, — согласился профессор и сокрушенно помотал головой. — С оружием в руках!

Когда Артема привели в кабинет к психиатру в четвертый раз, он уже (то есть Артем) был настроен весело и игриво.

— Ради бога, не надо лекций, — попросил он психиатра. — Я знаю все заранее.

— Что вы знаете заранее, дорогой Артем? — поинтересовался психиатр.

— Что у меня было временное помутнение рассудка.

— Отлично!

— Что я вполне здоровый и нормальный человек, но переутомил свой мозг книгами и телевизором. Что я был болен. Все, что со мной случилось, — плод фантазии, мираж, сон.

— И еще я бы посоветовал вам помириться с одной из своих бывших жен, а лучше всего с той, от кого у вас сын, — психиатр со значительным видом поднял указательный палец. — Я уверен, что с вами не случилось бы ничего подобного, будь рядом кто-нибудь из близких.

— А может, не стоит возвращаться к старым женам, а найти новую? — серьезно поинтересовался Артем и, выждав паузу, хитро подмигнул психиатру.

Психиатр расхохотался.

— Ваше личное дело, сугубо личное. А сейчас — маленький вопрос, — он вновь стал серьезным. — Сегодня или завтра мы выписываем вас из клиники. Хотелось бы знать, что вы станете делать — опять улетите на другую планету?

Леван Челидзе. Там, на отдаленной планете...

— Так я же не улетел, это был мираж, — не отводя глаз, парировал Артем.

— И все же? Что вы предпримете, выйдя отсюда?
Ну?!

Психиатр поднял брови, открыл рот, а руки его словно бы приготовились поймать брошенный ему мяч — он ждал ответа, который его удовлетворил бы полностью. Артем выстрелил в десятку:

— Вернусь на студию, приступлю к работе.

— Именно к работе! — воскликнул психиатр и зарзал в кресле. — Работать, работать и работать! Только работа делает нас полноценными, добрыми, здоровыми! С вами приключилось недоразумение именно в тот момент, когда вы находились в отпуску. О, какой ужасный бич — безделье! — Психиатр замотал головой. — Ужасный бич. Ужасный!

Артем, затаив коварство, смотрел ему в глаза. Именно в те дни он с утра до ночи гонял по городу на своих «Жигулях», выискивая родственников и знакомых на вокзальной площади и за определенную мзду развозя их по домам. Однако спорить было бессмысленно.

— Работа держит нас в постоянной форме! — продолжал психиатр, все больше и больше наполняясь пафосом. — И нет выше назначения, чем работа на благо людей!

— Да здравствует работа! — в тон ему воскликнул Артем, хитрюще поблескивая глазами.

— Можете отправляться домой! — хлопнул его по колену профессор.

Артем крепко пожал ему руку.

Однако, едва прикрыв дверь, он вдруг почувствовал, как всем его существом овладевает гадкий бесенок. Артем приоткрыл дверь. Глаза его сверкали лукавством. Гадкий бесенок танцевал на кончике его языка. Еще немного, и с уст Артема слетела бы фраза, ставшая афоризмом:

— А все-таки...

В свое время Галилей с бесенком не совладал. Много ли он от этого выиграл? Артем оказался трезвее.

— Еще раз спасибо за все!
— На здоровье, дорогой Артем! — весело ответил
психиатр.

БРОСОК ВТОРОЙ

ПОСЛЕ выхода из психиатрической больницы Артем уже не предпринимал попыток осчастливить человечество сенсационным сообщением. «Ну их всех в задницу!» — решил он про себя.

И тем не менее в истории этой многое по сей день остается неясным, туманным, загадочным, в высшей степени интригующим.

Начать с того, что Артем по своей натуре далеко не фантазер, не лгун. Если ему и приходится говорить неправду, то происходит это в самых исключительных случаях, причем при условии, что от вранья будет какая-нибудь польза. Это первое. Второе: при своей ограниченности Артем не мог знать не только название созвездия Цефея, но и любого другого созвездия (исключение могло составлять лишь созвездие, входящее в юроскоп). Впрочем, можно допустить, что название созвездия Цефея могло проникнуть в его мозг из какой-нибудь книжки или многочисленных телевизионных передач, которые в свободное время Артем с самым дурацким видом просматривает «от и до», ставя при этом звук на полную мощность. Но в таком случае откуда он выкопал понятие четвертого измерения? Но и это не самое главное. То, что Артем на отдаленной планете общался с тамошними созданиями на армянском языке, — форменный анекдот. Но именно в этой нелепости я вижу одно чрезвычайно любопытное для меня обстоятельство, на котором подробнее остановлюсь чуть позже. Но и это еще не все. Очень любопытен рассказ Артема о том, что он видел и что делал на отдаленной планете. Зная его кругозор, я просто не допускаю мысли, что все это он мог сам придумать или же что все это ему померещилось. А сейчас — самое главное. С ночи 21-го по 25 августа Артема не было дома. Никто в эти дни его не видел. Это подтверждают

Леван Челидзе. Там, на отдаленной планете...

в первую очередь соседи, живущие с Артемом на одном общем балконе и имеющие с ним параллельный телефон. Многострадальный автомобиль Артема марки «Жигули-06» все это время находился во дворе с открытым багажником — деталь крайне подозрительная, ибо Артем, как правило, закрывает багажник на ключ. И то обстоятельство, что колесо, находившееся в этом багажнике вместе со старой, но еще довольно-таки сносной крышкой, не исчезло бесследно, тоже можно смело отнести к разряду чудес, ибо крышки воровали и при запертом багажнике. Причем воров не смущало, что в левом крыле дома обосновалось одно из отделений городской милиции.

— Как от козла молока, — отзывался о милиции Артем, хотя со многими из сотрудников поддерживал самые приятельские отношения.

Сын Артема в эти дни находился в Москве, так что он и подавно не в курсе дела. Впрочем, он мог бы находиться в Тбилиси и тоже ничего не знать, ибо жил отдельно, у матери, в одном из отдаленных массивов. Что же касается родной сестры Рузанны — второй и последней из ближайших родственников Артема, — то та неоднократно звонила к нему в эти дни из своего Глданского массива, и каждый раз ей отвечали по параллельному телефону, что Артема нет дома, хотя машина с открытым багажником и стоит во дворе. Последними, кто видел Артема в злополучную ночь двадцать первого августа, были сотрудники милиции, стоявшие у входа в отделение возле своих автомобилей. Было часов полдвенадцатого ночи, когда Артем выскочил из дворика и шмыгнул в подъезд отделения. Как рассказывали сотрудники милиции, на нем не было лица: глаза горели, руки дрожали, по щеке и лбу ползли красные пятна.

— В чем дело, Артюш? — окликнул его следователь Зурико, но Артем только отмахнулся. А потом оглянулся и крикнул:

— Не выпускайте его! Я сейчас! Со двора никого не выпускайте!

«Наверное, кто-нибудь из гостей дал ему по хारे», — решили сотрудники милиции и минут двадцать после этого проторчали у входа в отделение, чтоб уз-

нать, что случилось, но Артем больше не появился. На следующий день его уже не было.

Дверь в комнату была заперта, багажник автомашины открыт и приподнят. В багажнике, помимо колеса с крышкой, лежало десять банок консервированного сгущенного молока. Их тоже никто не забрал. Версия, что Артема задержали уже в самой милиции и посадили в одну из камер, полностью отпадает. В милиции все его знали, он был тут своим человеком.

На работе Артем не появлялся, что можно было бы отчасти объяснить тем, что он находился в отпуску. Хотя и в эти дни он в определенные часы заезжал на киностудию то за талоном на масло, на сыр или мясо, то по поводу крышек, которые ему обещали в профкоме. Впрочем, как неоднократно замечал сам Артем, он был человеком маленьким и никого всерьез не интересовал вопрос — появлялся ли он на студии или нет. Известие о том, что он около недели находился в психиатрической больнице, со временем просочилось и на работу. Кое-кто, наверное, там его увидел. На вопрос, каким образом он туда попал и от чего лечился, Артем отвечал довольно бодро:

— Нервы! Нервишки!

О своем пребывании на отдаленной планете он уже никому не рассказывал. И только четыре месяца спустя, под самый Новый год, Артем вновь затронул эту тему. Мы сидели в ресторане «Тбилиси» за «нашим» втиснутым в нишу перед окном столиком и, уже пообедав, не спеша попивали из маленьких чашечек турецкий кофе. Мозг Артема сверлила какая-то навязчивая мысль. Некоторое время он тупо смотрел на меня (с таким видом он обычно глазеет на экран телевизора) и наконец раздраженно спросил:

— Почему ты не спрашиваешь, где я находился с 21 по 25 августа?

— Тебе виднее, — парировал я с безразличным видом. Дело в том, что меня несколько раздражало, что до сих пор он делал из этого тайну. Именно в те дни мы собирались съездить на его машине в Ереван, и вдруг он как сквозь землю канул. Раз тридцать я

звонил ему по телефону. Соседи отвечали, что его нет дома. Все эти дни я по два часа околачивался в его дворике возле автомобиля с приподнятым багажником. Он не появлялся. Сваленные в багажник банки со сгущенным молоком я занес на хранение к соседям. Уже потом, появившись, Артем сделал мне замечание по поводу того, что у меня могло бы хватить ума позаботиться и о колесе с покрышкой. Но это уже потом. А тогда он исчез, испарился. И только двадцать шестого августа он позвонил ко мне из психиатрички и попросил принести сигареты «Космос» в твердой упаковке.

— Как ты туда попал? — спросил я.

— Судьба! — ответил он весело.

Когда я наконец-то увидел Артема, он был в полном порядке. В психиатрической больнице Артем успел обжиться, со многими перезнакомился. Гуляя со мной по скверу больницы в своей красной спортивной пижаме, делавшей его похожим на массажиста какой-нибудь латиноамериканской футбольной команды, он направо и налево здоровался с больными и рассказывал мне, кем каждый из них был до того, как попасть сюда.

— Видишь этого длинного? Осторожно смотри. Бывший главный прокурор Заводского района. Он все время считает, а вечером записывает, сколько сосчитал. Говорит, что как только дойдет до миллиарда, его тут же выпустят. Здравствуйте, Отар Малхазович! — с подчеркнутой почтительностью здоровается он с бывшим прокурором, но тот нервно отмахивается — не мешай, мол, — и продолжает по аллее свой путь, поочередно загибая пальцы левой руки. Артем улыбается превратностям человеческих судеб и качает головой — чего только, мол, не увидишь.

— Маквала, сколько ни крутись, а я все равно похищу тебя, — улыбается он проходящей мимо корявой силачке-санитарке и грозит ей пальцем.

Одним словом, чувствовал он себя тут как рыба в воде. Только вот на вопрос — где все это время он находился, Артем взглянул на меня как-то странно — можно было подумать, что я в чем-то перед ним провинился, — и отсек:

— Давай лучше не будем!

Покидая психиатрическую больницу, я встретил сестру Артема, Рузанну, нагруженную судками и кастрюлями. Она принесла брату обед.

— Что с Артемом? — поинтересовался я.

— У них разве что-нибудь узнаешь, — печально ответила Рузанна.

Возможно, она кое-что и знала, но предпочла промолчать.

И вот мы сидим в ресторане «Тбилиси», и я изо всех сил покусываю себе губы, чтобы не расхохотаться ему прямо в лицо. Однако, если предположить, что все, о чем рассказывает Артем, имело место в действительности, то получается еще более комическая ситуация. Она заключается в том, что из пяти миллиардов человек, населяющих нашу планету, выбор пал на Артема — именно на него. И тогда выходит, что все свалившиеся на его голову треволнения заложены в нем самом. Кстати, деталь эта в свое время («в свое» понимай — «в самый критический момент») озадачила и самого Артема.

— На Земле проживает пять миллиардов дураков, почему именно я? — задал он якобы вопрос негодяю, прибывшему бог весть откуда, чтоб забрать его на отдаленную планету.

— Это спросил бы каждый из вас, — ответил негодяй.

— И все-таки? — якобы спросил Артем.

— Ты типичный... тебя высчитала машина, — ответил негодяй.

— Брось трепаться, — мягко отмахнулся Артем, несколько, впрочем, польщенный, что из пяти миллиардов собратьев (или, как он выразился, дураков) счетная машина выделила именно его. — Я самый простой человек.

— В том-то все и дело, — якобы деликатно отозвался незнакомец.

ИТАК, если верить Артему, из пяти миллиардов населяющих нашу планету, выбор пал на него не в силу каких-нибудь там обстоятельств или слепого случая. Его высчитала машина. Интересно знать, долго ли она его высчитывала и что там особенного высчитала.

Правда, я упомянул вскользь об умственной ограниченности Артема, но это не совсем так. Не такой уж он примитивный и раз и навсегда запрограммированный, а если в отдельных конкретных случаях упрям как осел и непоколебим в выдвигаемых сгоряча весьма сомнительных истинах, то таким его сделала жизнь.

Например, Артем утверждает:

— Был бы у меня миллион, мне не отказала бы ни одна женщина на свете. Могу поспорить.

— Но где взять миллион, чтоб ты доказал свою правоту? — говорю я.

— Докажу словесно.

— Валяй.

— Я на улице подхожу к женщине... к любой, на которую ты укажешь. И говорю: переспи со мной за миллион. Деньги даю вперед. И тут же протягиваю ей эту сумму, — с победоносной хитрецей он поглядывает на меня из-под прищура глаз. — Все! Дело сделано.

— А если она все же не пойдет с тобой?

— Сумасшедшие не в счет, — исключает эту вероятность Артем.

— А если она верна своему мужу?

— Тем более пойдет. Миллион! Муж ее убьет, если узнает, что она от миллиона отказалась.

— А если она миллионерша и твой миллион ей ни к чему?

— Миллион всегда к чему.

— А если ты ей противен?

— Я ей миллион даю, как я могу быть ей противен? — весело недоумевает Артем.

Одним словом, его не переубедишь. Все доводы бессильны. Но дело не только в доводах. Сама постановка вопроса безвкусна и примитивна. Однако в отдельных конкретных ситуациях ум Артема срабатывает быстро и четко. Носясь день и ночь на своей машине и развозя по домам «близких людей», он то и дело по-

падает в остроаварийные ситуации, которые, впрочем, сам же и создает и из которых каждый раз выкручивается каким-то чудом, хотя иногда и не выкручивается. Сидеть в его машине — страшная пытка. Быстрая реакция — вообще характерная черта Артема. Вот один из примеров. В ресторане «Дарьял» нам подали тухлую горбушу. Просто удивительно, как они рискнули ее подать, ведь мы могли отравиться и умереть тут же, не вставая из-за стола. Однако мы вовремя спохватились и кинулись в туалет промывать рты и скоблить языки.

— В чем дело? — встревожилась молоденькая официантка, когда мы возвращались к столу.

— Все в порядке, — спокойно ответил Артем.

Пообедав и расплатившись, мы встали из-за стола. Артем с тарелкой, на которой лежали ломтики горбуши, направился прямо к буфету.

— Сколько стоит эта порция? — спросил он буфетчика.

Буфетчик, прищурив один глаз, выжидающе смотрел на него. В правой руке он держал большой кухонный нож. Это дитя природы, дай ему волю, могло бы своим ножом за пять минут прирезать десять Артемов.

— Что вылупился, как баран? — смело поинтересовался Артем, глядя ему прямо в глаза. — Я спрашиваю — сколько стоит порция?

— В чем дело? — не выпуская из рук ножа, хмуро осведомился буфетчик.

— Дело в шляпе! Сколько стоит порция? — в третий раз повторил покрасневший Артем и сделал при этом вид, что лезет в карман пиджака за удостоверением, дающим ему право задавать подобные вопросы.

— Рубль семьдесят пять, — буркнул буфетчик, тоже заметно краснея.

— Даю тебе рубль семьдесят пять. Съешь один кусочек, — произнес Артем, протягивая тарелку к его носу.

— Не надо денег, я и так съем, — не очень решительно заявил буфетчик. — Рыба свежая. А запах от бочки... Свежая рыба!

— Съешь один кусочек, — не отступал от своего Артем, протягивая тарелку.

Между тем нас окружили официанты. Подошла женщина-администратор — ярко напomaженная брюнетка на высоких каблуках.

— А вот и съем! — гаркнул буфетчик, схватил с тарелки самый маленький кусочек и с отчаянием закинул себе в пасть. Артем уставился в эту пасть с видом ученого, проводящего сложный эксперимент. Его интересовало, жует ли рыбу буфетчик. И как только тот произвел два неуверенных жевательных движения, Артем кинулся к столу, выдернул из вазочки салфетку и стал на ней что-то быстро писать.

— Что случилось, гражданин? — встревожилась администратор.

— Заявление, — откликнулся Артем, протягивая ей исписанную салфетку. Глаза его сверкали лукавством. — Прошу вас зачислить меня на освободившуюся вакансию буфетчика.

— Нету никакой вакансии...

— Завтра будет! Имейте в виду, мое заявление первое, — с серьезным видом заявил Артем и, не дождавшись ответа, захохотал так безудержно, что еле устоял на ногах.

Буфетчик бросил нож на прилавок и кинулся к раковине.

— Похороны назначаю в четверг, — хохотал Артем. — Мое заявление первое!

— Я умру, тебе-то какая польза? — заорал буфетчик, вновь вырастая за прилавком с перекошенной красной будкой вместо лица.

— Я бесплатно пообедаю на твоём келехи, — выстрелил Артем и деловой походкой направился к выходу.

— Учтите, чем кормят трудящихся, — бросил он мимоходом женщине-администратору.

— Учту, — заверила та растерянно.

Не знаю, как вам, но мне очень понравилось заявление на салфетке, причем состряпанное в один миг.

Вообще я ценю в Артеме быстрый и цепкий ум.

Впрочем, все это только штрихи. Контуры портрета Артема определяет линия куда более четкая и конкретная, а именно: если на пути Артема будет валяться пятирублевка, то он поднимет ее и, не задумываясь, с самым невозмутимым видом положит себе в карман.

— Деньги не пахнут, — заявляет он безапелляционно и добавляет: — Если я о себе не позабочусь, кто же обо мне позаботится?

Тем более, что жизнь никогда не баловала Артема. Он ни разу не получал наследства, не выигрывал крупной суммы в лотерею, ему всегда не везло в спортлото, не говоря о покере, в котором Артем был беспросветным профаном. Чего бы ни добивался этот человек, он добивался исключительно ценой пота, риска и лишений.

БРОСОК ЧЕТВЕРТЫЙ

КОГДА в нашей стране участникам Великой Отечественной войны начали выдавать специальные книжицы — удостоверения в том, что они действительно воевали, то и тут Артема Гаспарова несправедливо обделили — не выдали ему этого удостоверения, хотя он действительно воевал и об этом знали все, имеющие к Артему хоть какое-нибудь отношение. Дело в том, что дивизия, в которой он числился, была расформирована буквально через несколько дней после окончания войны, а документы оказались каким-то образом утеряны. Вначале Артем не придавал должного значения этому факту.

— Я-то знаю, что я воевал, а на остальное мне наплевать! — заявил он гордо.

Однако некоторое время спустя, когда владельцы этих книжечек получили целый ряд привилегий перед теми, кто войну видел только в кино, Артем, понятно, спохватился. Спохватившись, он отправился в военкомат, где подробно рассказал комиссару о своих фронтовых подвигах, но тот только посочувствовал.

— Нужны документы.

И тогда Артем решил написать письмо самому министру обороны СССР, но, поскольку не отличаясь шибкой грамотностью, сделать это попросил меня. И вот я сижу в его комнате за круглым обеденным столом, заваленным остатками еды и всевозможными деталями электрооборудования, и постукиваю по клавишам пишущей машинки. А Артем диктует. На дворе день, но в комнате было бы темно, если б не одинокая лампочка, висящая над самым столом. Артем ходит взад и вперед и заметно волнуется. Одет он по-домашнему — ситцевые шаровары и майка, на ногах шлепанцы. Руки его, в особенности тыльная часть кистей и локти, изъедены псориазом, с которым он безуспешно борется уже восемь лет.

— Когда зимой сорок четвертого года в битве за Житомир убили моего старшего брата Карлоса, я добровольцем пошел в военкомат, но меня не взяли в ряды Красной Армии по возрасту. В апреле сорок пятого года пришло извещение о гибели среднего брата Акопа, героически павшего при освобождении Вены. Опасаясь, что меня снова не примут в ряды Красной Армии по возрасту, я убежал на войну, — диктует Артем, а я стучу на машинке.

Голос его звенит как металл. Он тяжело дышит. Временами он подходит к столу, склоняется над листом бумаги и смотрит, что я там отстучал. Большоголовый и пучеглазый, с густо выющимися, но уже сплошь поседевшими волосами и смуглым лицом, он похож на маленького состарившегося Отелло. А может, эта ассоциация возникает у меня оттого, что однажды в детстве он повел меня в армянский театр на этот спектакль. Это было в первый послевоенный год. Артем, как инвалид войны, ходил все еще прихрамывая, а я завершал свой первый десяток пребывания на земле. С той поры ни один волос не упал с головы Артема. Пышная шевелюра только поседела. А глаза еще больше вывалились из орбит и грозно смотрят на мир. Дружба наша началась с того дня, когда бабушка позвала к нам Артема, живущего этажом ниже, чтобы он установил три-четыре розетки. Электроэнергия в те годы была строго лимитирована, свет подавался только в определенные часы, а бабушке, бог весть за какие заслуги, провели так называемый «постоянный свет».

и в связи с этим она решила увеличить количество электроточек. Кстати говоря, «постоянный свет» гас в самые неподходящие моменты и довольно-таки часто, и брат бывали этому только рады — отсутствие света освобождало нас от обязанностей готовить уроки.

— Постоянный свет! Постоянный свет! — весело скандировали мы, носясь по комнатам. Правда, было и обидно немного — окна всех квартир нашего дома были залиты электрическим светом, и только мы, обладатели «постоянного света», сидели при свечах и керосиновых лампах. Конечно же, бывало и так, что все происходило наоборот. Как я сейчас понимаю, пользу от нашего «постоянного света» извлек только Артем, подключавшийся, в зависимости от ситуации, то к общему свету, то к нашему.

С серьезным видом выслушав бабушку и ознакомившись с расположением комнат, Артем сказал:

— Вы говорите не то. Для чего вам тут розетка? Я и возле печки ее ставить не буду. А поставлю тут, тут и над кушеткой. А шнур пойдет с потолка.

— Делай как знаешь, — сдалась бабушка, полагаясь на его профессионализм.

Два дня работал Артем в нашей квартире. Однажды во время очередного перерыва Артем чинно сидел в кресле, не спеша попивая приготовленный специально для него турецкий кофе. Взор его при этом был устремлен на книжную полку. В конце концов он попросил меня подать ему крайнюю слева книгу в синей обложке. Книга называлась «По театрам мира» и рассказывала о триумфальных гастролях знаменитого армянского трагика Ваграма Папазяна. Артем полистал книгу и, строго посмотрев на меня, сказал:

— Одна эта книга стоит всей вашей библиотеки.

— Почему? — не понял я.

— Папазян был лучшим в мире исполнителем роли Отелло, — со значительным видом произнес Артем и с сожалением добавил: — Жаль, что в этой роли его не видел сам Шекспир.

Он снова стал листать книгу, внимательно разглядывая помещенные в ней фотографии, и, посмотрев мне в глаза, спросил:

— Если б мне сказали: «Прыгни с третьего этажа — и эта книга твоя», что бы я, по-твоему, сделал?»
— Откуда я знаю.
— Прыгнул бы не раздумывая.
— И сломал бы кости.
— Кости — ерунда, — беспечно улыбнулся Артем. — Кости всегда срastутся. А книга останется.
— Не надо прыгать, возьми так, — сказал я.
— А бабушка? — насторожился Артем.
— Бабушка не заметит.
— В таком случае пихай книгу за пазуху и ко мне. Дверь открыта. За мной не пропадет.

Я так и сделал.

Надо отдать должное Артему — за свою работу он не взял с бабушки ни копейки.

— С соседей денег не беру, — заявил он с недовольным видом, хотя и бабушка, и я прекрасно знали, что именно с соседей, производя ремонт электрооборудования, он драл втридорога.

— На чем мы остановились? — спрашивает меня Артем, склоняясь над пишущей машинкой.

— На том, что ты убежал на войну.

О том, что пишу я в письме к министру обороны, мне почти все известно. Свою фронтовую биографию Артем рассказывал мне неоднократно. Правда, с каждым новым рассказом на свет всплывали новые неувязочки и противоречия, но какое в данном случае значение могут иметь детали.

Артем действительно воевал. Правда, недолго. Дело в том, что когда Артем убежал на войну, чтоб отомстить за братьев, и по прибытии в воинскую часть был зачислен солдатом, наши взяли Берлин, и наступил день Победы. И тогда Артема в составе дивизии, в которой он находился, перебросили на японский фронт. Но и тут Артему не повезло. Не прошло и недели после его прибытия, как капитулировала и Япония. Так что повоювать вдоволь Артему так и не удалось. Однако это вовсе не означает, что он не воевал вовсе. На японском фронте боевая часть, в которой находился Артем Гаспаров, освободила от неприятеля какой-то островок — видимо, один из Курильских. И на этом островке Артем собственноручно из автомата пристрелил семь японских шпионов. Правда, позже выяс-

нилось, что это были одичавшие беженцы, но поди узнай, кто они, когда видишь их в первый раз. Дело обстояло так. Когда рота высадилась на остров, тот, как показалось, был совершенно безлюден. Артема вместе с тремя другими бойцами пустили в разведку до ближайшей сопки. По дороге к сопке разведчикам попался всеми покинутый поселок, где они в одиночку стали заглядывать в хибарки в надежде найти что-нибудь спиртное или же какую-нибудь нужную вещь. И тут в одной из хижин Артем наткнулся на крепко спящих мужчин. Лица у всех были желтыми, глаза раскосыми. Артем, не раздумывая, пустил очередь из своего ППС. А на следующий день за этот «подвиг» Артем был сдан в военный трибунал.

В арестантской камере гарнизонной тюрьмы Владивостока Артем просидел около двух месяцев. На допросах при расследовании он повторял одну и ту же фразу:

— Беженцы или шпионы — меня не касается. Вижу — враги, а врагов надо уничтожать.

Логике этого патриотического аргумента трудно было что-либо противопоставить. Кроме того, выяснилось, что беженцы занимались грабежами и мародерством, и это обстоятельство тоже расценивалось как смягчающее вину.

В конце концов ему дали под зад и демобилизовали, как не совсем нормального и чахоточного. Врачи констатировали, что у него открылся туберкулезный процесс. С Тихого океана до Тбилиси Артем добирался всеми видами транспорта. В Казахстане он задержался на целый месяц в одном из госпиталей. Кумыс, который он тут поглощал литрами, приостановил болезнь. В Тбилиси он появился уже полностью выздоровевшим. Только немного прихрамывал. Свою хромоту он приписывал ране, полученной в пылу сражения. О том, что он повредил ногу, упав с крыши вагона товарного поезда в предместье Тбилиси, на станции Навтлуги, мы узнали случайно — очевидцем этого печального инцидента оказался милиционер Гайоз, работавший в то время грузчиком на навтлугской станции.

— Он спал на крыше вагона, — рассказывал Гай-

оз. — Тамошняя шпана рванула у него из-под головы вещмешок, а самого спихнули ногами вниз.

Сам Артем полностью отрицал этот факт, утверждая, что вернулся домой с вещмешком.

— Соседи свидетели, — говорил он в запальчивости.

Кое-кто из соседей действительно помнил, как появился Артем в воротах нашего дворика, с бравой улыбкой, держа палку в одной руке и вещмешок в другой. И только много лет спустя Артем рассказал мне, как все произошло на самом деле. Оказывается, он правда заснул на станции Навтлуги, устроившись на крыше товарного вагона и подложив вещмешок под голову. Состав должен был тронуться в сторону главного вокзала еще утром, но задержался до полудня. Артема разморил зной, и он решил выспаться. Одним словом, все произошло так, как рассказывал милиционер Гайоз, — вещмешок вырвали из-под головы, а самого спихнули вниз ногами. Артем проснулся уже в воздухе во время падения и, увидев тех, кто его ограбил (это были малолетние преступники — чумазые, ершистые оборвыши), еще не достигнув земли, раскрыл свою пасть — дескать, мать вашу так и разэтак, придушу каждого поодиночке.

Шлепнувшись на землю, он тотчас вскочил на ноги и кинулся обратно на крышу. На крыше шпаны уже не было. И тогда он помчался в погоню вдоль железнодорожных составов, то заглядывая под колеса, то залезая на крыши. С каждой минутой боль в ноге ощущалась острее. Тем не менее Артем, прихрамывая, обследовал все близлежащие закоулки, все показавшиеся ему подозрительными щели, но так и не нашел малолетних мерзавцев. Зато ему уже третий раз попался на глаза спящий на сваленных досках солдат. Как и Артем, спал он, положив голову на вещмешок.

— Рыжий был, как подсолнух, и весь в веснушках. А я как раз ненавижу рыжих, — рассказывал Артем улыбаясь.

Вещмешок, лежавший под головой рыжего, оказался Артему более объемистым, чем тот, который у него похитили. А тут тронулся и товарняк. Артем подождал, пока он немного набрал скорость. А потом, недолго думая, рванул вещмешок из-под головы солдата

и запрыгнул на вагон. Рыжик так и остался сидеть на досках с открытым ртом.

— Ты не виноват, тебя мама таким родила! — село крикнул Артем и помахал вещмешком.

Рассказывая этот случай, Артем пытливо смотрит мне в глаза—уж не осуждаю ли я его, часом?

— С волками жить — по-волчьи выть, — как бы оправдывается он, подводя итог содеянному. Типичная реплика Артема. Он вообще очень любит поговорки и ходкие фразы: «Хочешь жить — умей вертеться», «Кто не рискует, тот не пьет шампанского», «Деньги не пахнут» и так далее.

В вещмешке рыжика, если не считать одной вещи, Артем обнаружил почти то же самое, чем был наполнен вещмешок, доставшийся малолетним преступникам, — кусок сала, американскую тушенку, испорченные зажигалки и прочую ерунду. А та «одна вещь» представляла собой маленькую, почти в натуральную величину, серебряную и очень искусно инкрустированную ящерицу на малахитовой подставке. Артем отнес ящерицу знакомому антиквару, который, осмотрев ее через лупу, сказал, что это изделие фирмы «Фаберже». Сейчас, сказал антиквар, пока голод и разруха, эта безделушка никому не интересна, но как только все станет на свои места, ей не будет цены.

— Откуда она у тебя? — спросил под конец он.

— Из Вселенной, — не отдавая отчета своим словам, ответил Артем.

И кто знает — может, именно в это мгновение Артем неосознанно дал первый сигнал тем, кто спустя почти сорок лет придет за ним своего агента на расстоянии, превышающее две сотни световых лет.

Изделие «Фаберже» до лучших времен было надежно спрятано в тайнике, который Артем соорудил в стене своей комнаты. Причем о существовании тайника не знала ни одна живая душа, включая сестру и мать, с которыми в ту пору Артем жил под одной крышей.

На этом, собственно, и заканчивается фронтовая биография Артема Гаспарова. Понятно, что о ряде эпизодов в письме к министру обороны мы решили не упоминать. Вместо них мы указали номер полевой почты,

Леван Челидзе. Там, на отдаленной планете...

фамилии командиров и прочие сохранившиеся в памяти Артема документальные данные. В тот же день письмо было отправлено по назначению. Месяца ^{Эк. 1935/1936} ^{2. 1935-1936} может быть, на два Артем выпал из моего поля зрения. Когда же я наконец увидел его на Руставели, он уже издала скалил свои крепкие желтые зубы и помахивал маленькой книжицей.

— Без бумажки ты букашка, а с бумажкой человек! — хитрюще поблескивая глазами, торжественно изрек он, когда мы подошли друг к другу, и сунул мне под нос удостоверение участника войны. Я сердечно поздравил его с победой.

А через минуту Артем, размахивая книжицей, как знаменем, врезался в столпотворение возле хозяйственного магазина.

— Участник войны! — кричал он, пробивая себе путь к прилавку. Обычно он с такой же яростью вклинивался в очереди у билетных касс кинотеатров, высоко держа над головой книжицу красного цвета.

— Отличник кинематографии! — заявлял он во всеуслышание, через головы и затылки просовывая в окошечко кассы руку с деньгами.

Имея книжицу отличника кинематографии, Артем полагал, что она дает ему право брать билеты в кинотеатр вне очереди. Сейчас его возможности расширились. Разбросав очередь у хозяйственного магазина, он минуты через три выкарабкался из ужасной сутолоки красный, растерзанный и счастливый. Вдоль и поперек торса он, словно патронташем, был обмотан веревками с нанизанными на них рулонами туалетной бумаги.

— Смерть фашистским оккупантам и тбилиским спекулянтам! — изрек он, хохоча и потрясая в воздухе кулаками.

— Что дают, сынок? — обратилась к нему та самая малюсенькая старушка. Ей, конечно, не суждено было пробиться к прилавку.

Артем посмотрел на нее удивленно, и в глазах его вспыхнули веселые огоньки. Развязав шпагат, он вынул из связки один рулон и протянул старушке:

— Бери, бабуся, на здоровье.

— А для чего это? — поинтересовалась старушка.

— Давай обратно, — с досадой ответил Артем и отобрал рулон. — Восемьдесят лет обходилась и сей-час обойдешься.

Вскоре Артема прикрепили к специальным магазинам для ветеранов войны — продовольственному, обувному и магазину готовой одежды.

— Тушенка, сгущенное молоко, гречиха — пожалуйста! — гордился Артем открывшейся перед ним перспективой.

Однажды в жаркий летний день мне надо было попасть в Парк культуры и отдыха на Мтацминда, и я решил отправиться туда канатной дорогой. Поднявшись на верхнюю площадку канатки, я увидел громадное скопление людей и понял, как опрометчиво было это мое решение. Однако и спускаться стало лень, и я пристроился к очереди. На перрон к подвесному вагончику пропускали через турникет по тридцать человек, а количество желающих заполнило бы зал современного кинотеатра. Очередь продвигалась медленно. То и дело появлялись малосимпатичные компании дам и кавалеров, заявляющие, что они заняли очередь час назад. Скрепя сердце и проклиная человеческую беспардонность, приходилось пропускать их вперед. Таким образом, по истечении часа я находился примерно на том же месте, которое занял, пристраиваясь к последнему. И вдруг вижу — Артем. В новом коричневом костюме он уверенно пересек площадку, ведя под руки двух загорелых блондинок, по всему виду — гостей Тбилиси. Башмаки его щегольски скрипели. Он был в великолепном расположении духа. Надо сказать, что и блондинки имели весьма независимый вид. Надо было видеть, с каким несокрушимым оптимизмом вся компания подошла к турникету и, не задерживаясь, вышла на перрон.

Дам Артем пропустил первыми, невзначай бросив контролеру:

— Со мной.

Книжицу участника войны он извлек из внутреннего кармана пиджака только на одну треть. На очередь даже не взглянул — мало ли кто там стоит. Вот когда я правда позавидовал Артему, хотя и уверен, что, бу-

дучи участником не одной, а сразу десяти войн, все равно не смог бы воспользоваться этим так же уверенно и проворно. Вот какие возможности открывались перед Артемом маленькая книжица.

Но человеку всего мало (ох уж этот микроб КИЧ, как его называют на отдаленной планете!), выиграй он хоть «Волгу» по лотерее. Вскоре заскулил и Артем.

— То же барахло, что и во всех магазинах, — ворчал он докучливым обывательским тоном. — А если раз в год и подбросят какие-нибудь английские джинсы, то, как назло, нет твоего размера.

И все-таки книжица делала свое дело. Выписавшись в профкоме киностудии из общей автомобильной очереди и став в другую — для ветеранов войны, Артем в тот же год получил талон на приобретение автомобиля марки «Жигули-06». Но и тут его, как он утверждает, надули.

— «Жигули»-то — 06, а мотор от 011. А это уже не то! — возмущался он невыгодным поворотом дела.

К тому же автомобили на рынке в тот год как-то сразу упали в цене. Артему с трудом удалось найти покупателя на свой автомобиль, который выплатил ему три тысячи рублей. Приплюсовав к этим трем свои две, Артем купил автомобиль с пятигодичным стажем и только за год ухлопал столько денег на его ремонт («тут делаю — там портится, там делаю — тут барахлит»), что вскоре уже жалел, что пошел на эту махинацию. Впрочем, он был бессилён — суммы на приобретение нового автомобиля у него не было. Зато у него был сейчас автомобиль 06 с мотором 06, а не с каким-нибудь липовым 011. И мотор оказался на редкость мощным. С этим мощным мотором гоняет Артем по Тбилиси, то и дело превышая скорость. В случае, если его останавливает автоинспектор, Артем превращается в попрошайку-наоборот.

— Дорогой, возьми десятку, умоляю, будь человеком, возьми червонец. Вот тебе и второй. Возьми только. Возьми, будь человеком, возьми.

Поневоле станешь попрошайкой, когда у тебя в талоне пять дырок. Но даже эти пять дырок не помогают. Он гоняет по городу как ошалелый, то и дело попа-

дая в остроаварийные ситуации, которые сам же и создает и из которых каждый раз выкручивается каким-то чудом, хотя иногда и не выкручивается. И подделом

БРОСОК ПЯТЫЙ

БЫЛО часов одиннадцать ночи, когда Артем, как обычно, не сбавляя скорости автомобиля, ворвался в свой маленький дворик и резко затормозил у крыльца. Настроение было нервное. В этот день он опять попал в пробку, в которой такси слегка поцарапало заднее крыло его машины, смяв в гармошку никелированную пластинку. Повреждение не ахти какое, но было обидно, что Артем, тут же предпринявший решительную попытку содрать с таксиста на ремонт, остался ни с чем: таксист оказался зубастее. Настроение было плохое и по той причине, что за три часа он заработал каких-нибудь двадцать рублей, истратив при этом полбака бензина. Клиенты попадались серые, расплачивались только рублевыми. Однако нельзя было бы сказать, что день прошел совсем уж даром. В продуктовом спецмагазине после долгого перерыва появились тушенка и сгущенное молоко, и Артем, конечно же, не упустил случая заpastись продовольствием. Как всегда, он взял максимум того, что выдавали, — пять банок тушенки и десять банок сгущенного молока. Все это добро, чтоб не искушать пассажиров, он погрузил в багажник. Бывали случаи, когда пассажиры воровали у него пепельницы с дверей машины, так что за их безупречную порядочность он поручиться не мог.

Остановив машину, Артем вышел из нее, открыл ключом багажник, взял в руки банки с тушенкой, поднялся на балкон и ключом открыл дверь в кухню. Кухонька имела три двери — на балкон, в комнату и в ванную. Свет в кухне горел постоянно, ибо Артем (недаром же он был мастером света) подключил кое-какие провода к линии общественного пользования, и свет ванной и кухни не отчислялся счетчиком. Так же точно, как парикмахеры ходят небритыми, а стены

квартир маляров щетинятся драными обоями, электропроводка Артема находилась в плачевном состоянии. Комнату во всех направлениях пересекали висащие в воздухе провода, а свет, отбрасываемый единственной лампочкой, подключался соединением двух оголенных концов. Артем положил банки с тушенкой в холодильник и уже повернулся было к выходу, чтоб спуститься к машине за сгущенным молоком, но в это время в комнате скрипнул стул. Опытной рукой подсоединив оголенные концы проводов к штепселю, Артем увидел, что в его комнате за столом сидит человек в темной шляпе. Артем уставился на него с грозным недоумением. А человек продолжал мирно-чинно сидеть за столом и хлопать ресницами. Сказать, что дом Артема после того, как он остался совершенно один, представлял неприступную крепость, было бы неправдой. Сюда то и дело прибегали поддерживающие с Артемом дружбу сотрудники милиции — поиграть в нарды, позвонить (будто уж в милиции и телефона нет), посмотреть телевизор, поделиться новостями. Частенько навдывались барышни без паспортов или без надлежащей прописки в паспорте. Еще бы — у Артема можно было отоспаться, поесть, отдохнуть, посмотреть телевизор, «стрельнуть» пятерку. Бывало, что в комнате Артема собирались игроки в покер, и Артем, поиграв часок-другой и проиграв (а иногда и выиграв) последнюю десятку, ложился тут же в комнате и засыпал в облаке сигаретного дыма, тяжело сопя и похрапывая. А утром, проснувшись, заставал за столом уже новые лица — кое-кто проигрался и ушел, кое-кто появился из новеньких. Одним словом, это была далеко не монашеская келья (кто знает, что происходит в монашеских кельях?), но этот — сидящий за столом — был совершенно незнакомой личностью.

— Неприятный такой тип, — брезгливо морщась, рассказывал впоследствии Артем. — Вроде нашего Альфреда.

Он имел в виду околачивающегося на подступах к киностудии бывшего певца капеллы — тощего, помятого алкоголика в засаленной черной шляпе и с манерами опереточного бонвивана. Тот тоже при встрече, в надежде выклянчить на пиво, улыбался занскивающе и виновато.

— Я слушаю, — налегая на голос, произнес Артем, грозно вытаращив глаза, на что незнакомец должен был приветливо смотреть на него и хлопать ресницами.

— Как попал в квартиру? — еще более повысил голос законный владелец квартиры.

— Успокойтесь, Артем Соломонович, — шепелявя попросил незнакомец. — Давайте лучше знакомиться. Меня зовут Григорием.

— Да будь ты хоть трижды Григорий, сюда как попал?

На нервной почве у Артема стал слегка заплетаться язык.

— Настоящее ничтожество, — рассказывал он впоследствии. — Да еще расселся, улыбается... К тому же в шляпе!

— Перестаньте волноваться, — не спеша и очень деликатно попросил незнакомец, противно при этом шепелявя. — Ваша сгущенка никуда за это время не денется.

Артема бросило в краску. Незнакомец знал о нем больше, чем следует.

— Выпейте, пожалуйста, стакан воды и присаживайтесь, — все так же деликатно предложил незнакомец.

— Шляпу сними, ты не в конюшне! — гаркнул Артем.

— А вот этого я делать не буду, — вежливо улыбаясь, ответил незнакомец и повторил свою просьбу: — Выпейте стакан воды и присядьте, если хотите узнать, кто я и что мне от вас нужно.

— Стал диктовать условия, подлюга, — рассказывал впоследствии Артем.

Незнакомец все-таки заставил Артема выпить стакан воды и присесть к столу. И только после этого произнес:

— Видите ли, Артем Соломонович...

Но Артем тут уже грубо оборвал его, как бы беря реванш за выпитый стакан и за то, что все-таки присел к столу согласно желанию незнакомца:

— Брось ты это — Соломонович, Соломонович!
Артем и все! Говори, что надо.

— Артем, я прибыл очень издалека, — знакомец. — Сегодня хорошая погода и все небо как на ладони. Выйдем на балкон, я покажу тебе скопление звезд... На Земле это скопление называют созвездием Цефея. Представляешь, какая даль!

— Мне не до шуток. Что надо? — произнес Артем.

— Видишь ли... дело особое. Я должен доставить тебя на нашу планету. В созвездие Цефея. На ярмарку.

— Чего? — сморщил нос Артем.

— Мы собираем на ярмарке представителей шести цивилизаций. Ты на этом смотре будешь представлять свою планету — Землю. Выступишь по нашему телевидению. Вообще увидишь много интересного. Особенно наш зоопарк. У нас в зоопарке динозавры величиной с вашу телевышку. Побудешь у нас. А через три дня я верну тебя на Землю, и делу конец.

«Псих», — подумал Артем, подозрительно глядя на проходимца.

— Сам ты псих, — мило улыбнулся тот.

Артем не на шутку растерялся. Но тут же попытался взять себя в руки.

«Этот человек угадывает мысли на расстоянии, — решил он. — Вот и вся разгадка».

Но тут его подстерегал новый удар. Похлопав ладонью по стене в том самом месте, где у Артема находился тайник, незнакомец, отвратительно улыбаясь, сказал:

— Продай эту штуку. Давно пора. Отдай за вошь. И купи новую машину.

Артема прошиб холодный пот. За изделие фирмы «Фаберже» ему действительно давали восемь тысяч рублей, но он просил двенадцать.

— Хочешь, расскажу, как эта ящерица тебе досталась? — спросил негодяй, виновато при этом улыбаясь.

Артем остолбенело смотрел на него — с виду такого неприметного, слабовольного, серого: впалые щеки, водянистые невыразительные глаза, тонкие, словно бритвой прорезанные, губы. И грязные ногти на сложенных на столе натруженных, налитых венами руках.

— Тот рыжик умер всего месяц назад, — грустно смехнулся незнакомец. — Его звали Никитой.

— А ну-ка вон отсюда! — закричал Артем, вливая в голос расплавленную медь, и схватил с подоконника утюг.

— А вот этого делать не следует, — с несколько обиженным видом заметил незнакомец и голосом, выдающим крайнее безволие, попросил: — Возьмите себя в руки.

— Ты у меня очень скоро иначе запоешь, — свирепо поблескивая глазами, пригрозил Артем, швырнул утюг на стол, ринулся в кухню и запер незнакомца на ключ. Оттуда он выскочил на балкон, снова запер дверь на ключ и бросился в милицию. Чтобы попасть в отделение, ему надо было выйти из двора и завернуть тут же в подъезд.

«Сдам этого гада, пусть выяснят, что за птица», — решил на ходу Артем, намереваясь сообщить о подозрительном типе самому начальнику. Возле подъезда стояли сотрудники: одни в милицейской форме, другие в гражданском платье.

— В чем дело, Артюш? — окликнул его следователь Зура, когда он, как метеор, прошмыгнул мимо.

Артем на ходу оглянулся. Руки его дрожали. Лицо — в красных пятнах.

— Я сейчас! — крикнул он. — Не выпускайте его! Я сейчас!

Взлетая по лестнице на второй этаж, Артем передумал. Соваться к начальнику, решил он, ни к чему. Незнакомец знает слишком много. Лучше сперва заскочить к Важе — начальнику уголовного розыска. Главное, чтоб он был у себя. Артем рванул на себя дверь кабинета. И успел даже выкрикнуть: «Важа!». Но тут же остолбенел от неожиданности — в кабинете за столом Важи сидел незнакомец в шляпе. Впалые щеки, голубые водянистые глаза, рот как у лягушки. И грязные ногти на продетых друг в друга пальцах.

— Стоит ли со мной играть в кошки-мышки? — устало улыбнулся он.

Артем почувствовал, что ноги его приросли к полу.

Кровь отхлынула от лица и на бледной коже резко обозначилась плешь псориаза. Голос куда-то исчез.

— Что надо? — спросил Артем, не узнавая своего голоса.

— Я же сказал: должен забрать тебя на отдаленную планету.

— Когда? — не своим голосом спросил Артем.

— Сейчас.

— На сколько? — все тем же сиплым голосом произнес Артем.

— На три дня...

— Что я буду от этого иметь?

Незнакомец противно улыбнулся.

— Это решаю не я.

— Ничего вашего не надо! — оградился Артем от незнакомца ладонью. — Вылечите меня от псориаза. И купите новую машину.

— У тебя «Фаберже», ты у нас новую машину прошишь? — удивился незнакомец.

— Даром я и шага не сделаю! — парировал Артем, слыша, что в голос его вновь проникает металл.

— Ладно, ладно, что-нибудь вы отхватите и у нас, — успокоил незнакомец.

— Кого забираете кроме меня? — спросил Артем, и снова голос его прозвучал сипло, как у человека с застуженным горлом.

— Только тебя.

— На Земле пять миллиардов дураков, почему именно я?

— Это сказал бы каждый.

— Все-таки?!

— Тебя высчитала машина.

— Брось трепаться, я самый простой человек.

— В том-то все и дело.

Разговор был исчерпан. Артем с обалделым видом смотрел на гостя.

— Итак, в путь? — мягко поинтересовался тот.

Артем смело скрестил с незнакомцем взгляд. Какое-то странное ощущение испытывал он в это мгновение: тело легчало, дышалось ровно и сладко. Кислород гнал по венам кровь — это он ощутил физически. Нечто подобное произошло с ним много лет назад на

Цициановском подъеме во время героического соскока с несущегося на предельной скорости трамвая.

— В путь, так в путь! — произнес он, не отводя глаз от незнакомца. — Как тебя зовут — Гриша? Ты кого пугаешь, Григорий? Артем Гаспаров смотрел смерти в глаза и то не дрогнул. Ты меня напугать хочешь?

— Брось трепаться, — в манере Артема ответил Григорий. — Пристрелил спящих беженцев и мнит из себя героя.

— Беженцы или шпионы — меня не касается! — сверкнул глазами Артем. — Вижу — враги, а врагов надо уничтожать!

— И то верно, — миролюбиво согласился агент с отдаленной планеты.

БРОСОК ШЕСТОЙ

В ХОЛОДНЫЙ и серый декабрьский день одного из первых послевоенных годов Артем повел меня в театр армянской драмы на «Отелло». Спектакль начинался в восемь, но вышли мы из дому около пяти. Дело в том, что Артем первоначально собирался пойти в театр с женой — Дорой, но та, как донесла Артему его сестра Рузанна, этого не заслужила. По словам Рузанны, Дора весь день вертелась на балконе, распалая своим видом нездоровую страсть сотрудников милиции, которые, распахнув настежь окна галереи, всем отделением облепили оконные рамы, чтоб как следует на нее поглазеть.

— Они смотрят, она нагибается, они смотрят, она нагибается, — с жаром докладывала Рузанна насупившемуся брату. — Они смеются и кричат: «Еще раз!» А этой бесстыжей морде больше ничего и не надо — нагибается и нагибается. А я терплю. Ты знаешь мою выдержку, Артюша, я все могу вытерпеть. Но всякому терпению есть предел.

— Опять оттащила за волосы? — осторожно поинтересовался Артем.

Оказывается, нет. На этот раз Рузанна (ей скры-

вать нечего, совесть ее чиста) ударила Дору ногой в зад, как футболист по мячу.

— Чтоб она у тебя отсохла, — отозвалась из ванной заплаканная Дора. Когда кто-нибудь из домашних незаслуженно ее обижал, она запиралась в ванной и просиживала там часами.

— Бесстыжая морда! — взвилась Рузанна.

— Имела бы ты такую, — отозвалась Дора.

Артем понял, что сейчас Рузанна, временно лишившись рассудка, начнет орать на весь двор и ломиться в ванную. Обстоятельства требовали срочно ее опередить. Артем схватил со стола графин и запустил им в стену. Только осколки посыпались. И вода потекла по стене. После этого Артем вышел на балкон и, закурив свой «Беломор», грозно уставился на окна милиции. Сейчас они были закрыты.

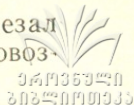
«С чего это она нагибалась?» — размышлял Артем, делая глубокие затяжки. Он поднял крышку стоящего на балконе сундука и заглянул внутрь. С одной стороны были сложены его боевые доспехи — шинель, тулуп, плащ-палатка. В другой аккуратно, одна к одной, стояли большие банки с соленьями. Из всего этого следовало, что жена нагибалась не только для того, чтоб разжигать нездоровые страсти милиционеров. Рузанна с самого же начала невзлюбила его добрую и красивую жену. А виноваты в этом были однокурсники Рузанны по торговому техникуму. Под разными предложениями приходя к ней в гости, чтоб поухаживать за ней и пофлиртовать, эти ослы, увидев Дору, уже не в силах были оторвать от нее глаз. Понятно, что у Рузанны имелись все основания недолюбливать невестку.

— Выдадим ее замуж, вот тогда и заживем в свое удовольствие, — успокаивал Дору Артем.

— Да кто же ее, злюку такую, замуж возьмет? — озабоченно спрашивала Дора. Добрая душа, она тогда не понимала, что именно злюк и берут.

Поразмыслив на балконе, Артем решил не брать в театр жену в ее же интересах, да и в своих тоже, ибо с Рузанной лучше не связываться. И теперь в театр вместе с Артемом, с разрешения бабушки, идет его десятилетний сосед со второго этажа, то есть я. На мне перешедшее по наследству от брата перелицованное и многократно перешитое пальто кирпичного цвета.

На голове — бабушкина шляпа, с которой я срезал поля. Увидев меня в таком виде, Артем весело провозгласил:

— Оккупант турецкой каски!

И настроение его тут же исправилось.

Мы выходим из трамвая у начала Цициановского подъема и продолжаем путь пешком. Бодро шагает Артем. Я еле поспеваю за ним.

«Жик-жук, жик-жук, жик-жук, жик-жук, жик-жук», — скрипят его «царские» сапоги. Впереди Авлабар — район жуликов, карманников и головорезов. Во всяком случае о нем ходит именно такая слава. Но одновременно это и район рыцарей и джентльменов.

— Зря тут никого не обидят, — уверенно говорит Артем.

Слева от нас, вниз за парашетом — улицы района Пески. Домишко на домишке, скрюченные переулки, тупики с тайными проходными двориками и подъездами. Тут расположено все для того, чтобы назвать Пески самостоятельным независимым городом: цехи различных артелей, кабачки, хашные, красильни, пекарни, всевозможные мастерские, нелегальные игорные дома. Неместному человеку в вечерние часы на Песках лучше не появляться. А справа — через трамвайную линию — отвесная скала, поросшая местами мхом. По граниту и мху струится вода. Говорят, что она помогает от глазных заболеваний. Вот и сейчас старушка, вся в черном, стоит сгорбившись у стены, собирая капли целебной воды в бутылку.

Артема тут многие знают, улыбаются ему, перебрываются словечками. Артем со значительным видом доводит до моего сведения, с кем он имел счастье только что обменяться приветствием.

— Известный вор Цацо.

— Первый специалист в Закавказье по ремонту часов Павел Марцвалов.

О тощем, убогого вида потрепанном пожилom человеке, вежливо приподнявшем над головой шляпу, Артем говорит с особым почтением:

— Всемирно известный картежник Симонян.

Людей на пути все больше и больше. Вот и мест-

ные кокетки со сверкающими лукавством глазами-вишенками.

— Барев, Анжик, цаватанэм, вонцэс, азиз-джанис!
— растягивают они слова, из пушного кокетства произносятся их в нос.

Глядя на них, Артем чему-то хитро улыбается. Черные, как крыло ворона, волосы его вьются. Сапоги скрипят. Глаза светятся лукавством. И почему, собственно, им не светиться — войну он выиграл, на нем — «царские» сапоги, в тайнике его квартиры спрятана вещь, которой, как только все станет на свои места, не будет цены, жена — первая в районе красавица (где он ее откопал и как она — простушка с внешностью потомственной герцогини — вышла за него замуж, так и останется тайной), вору его уважают, милиция тоже весьма приятельски к нему расположена, идет в театр на «Отелло» — с чего бы ему не улыбаться? Только оттого, что не выдался ростом? Ерунда. Все великие люди были маленькими — история врать не будет.

По подъему, набирая скорость, звеня и скрипя буферами, несутся красные трамваи с длинными деревянными ручками вдоль дверей. Трамваи набиты разношерстной публикой.

На том участке, где трамваи набирают предельную скорость (есть где разогнаться), стоит пивная будка. Возле нее толпятся люди. Взоры собравшихся устремлены к трамвайной линии — тут демонстрируют свое искусство лучшие соскакиватели с трамвайных подножек. Среди стоящих вдоль тротуара зрителей несколько одноногих инвалидов. Свои ноги они потеряли не на войне. Это бывшие соскакиватели, тореадоры трамвайных линий, жертвы производственных травм. Пивные кружки, которые они держат в руках, сегодня ассоциируются в моем сознании с картонками с номерами, которые поднимают арбитры во время выступлений фигуристов на льду. Ведь и тут выставляются оценки, причем попасть в число фаворитов так же трудно, как и сегодня на ледяных площадках. В центре «арбитров» — величественный Рубен — неофициальный чемпион Тбилиси по соскакиванию с трамвая модным в те годы стилем «соскок с поворотом». Кстати, и стиль

¹ Здравствуй, Анжик, дорогая, как поживаешь, милочка? (арм.)

этот ввел в обиход, как это доказали специалисты, сам Рубен. Единственная нога его обута в лакированный башмак. Кепка надвинута на самый нос. Если бы горб на носу, кепка сползла бы на глаза. Он опирается на костыль из орехового дерева. На пальце поблескивает массивный перстень.

Рубен, Рубен! Знал ли ты тогда, что тебе предопределено судьбой прожить еще целых тридцать пять лет, за это время похоронить всех родных и близких и совершенно одиноким человеком закончить свое существование в подземном переходе на Руставели, продавая лотерейные билеты!..

А сейчас (то есть тогда) барская, немного ироническая улыбка приросла к твоему лицу. Пышные усы гладко расчесаны. Уже три года, как Рубен, выражаясь сегодняшним языком, ушел из большого спорта. Но душой он тут. Что ни говори, введенный им в обиход элегантный соскок с поворотом с каждым днем находит новых приверженцев. Рубен — обеспеченный человек. По всему городу разбросаны его лотки с восточными сладостями и петушками-монпансье на палочках. У сабурталинской толкучки у лотка сидит престарелый и высохший, как вобла, отец Рубена, на Верийском спуске у скверика — престарелая, тощая и длинная, как жердь, его мать, на Плехановском проспекте, возле немецкой кирхи, на складном стульчике важно восседает грудастая жена Рубена Маруся, на Татарской площади — сестра Рубена и так далее. А Рубен с утра до вечера торчит у будки на Цициановском подъеме. Это его стихия. Ежеминутно люди рискуют тут своей жизнью, играют ею так, словно бы это не жизнь, а горсточка семечек. Рубен то и дело знаком дает понять продавцу пива — крохотному небритому Сурику — кому подать очередную кружку за его счет. Угощает он почти всех: случайного матроса, инвалидов, тех, кто этого заслуживает красивыми соскоками: плута по кличке Крыса, Рыжего Бесо с Чугурети, знаменитого карманника и щеголя Бебе. Бебе и сегодня тут. Стоит, улыбается. Рядом с ним пристроилась его постоянная спутница — молчаливая и худенькая Люлю. Много лет спустя, увидя репродукции женских портре-

тов Модильяни, в каждом из них я узнавал худенькую пикантную Люлю. А Бебе я встречаю и поныне. Он все такой же элегантный, щеголеватый и грустноватый-смешливый, словно бы события, которые я описываю, происходили только вчера. Человек неопределенных занятий, с безмятежным лицом и массивным перстнем на безымянном пальце левой руки. Появлялся он тогда вместе с Люлю возле пивной будки на Цициановском подъеме внезапно и так же внезапно исчезал. В знак вечной дружбы Бебе и Люлю держались друг за друга крючками мизинцев.

Артем и я подходим к пивной будке. Тут, как всегда, идет горячий спор — кто виртуознее соскакивал с подножки трамвая, Авлабарский Рубен или Марлен Верийский. Марлен «начал свои выступления» уже после того, как Рубен стал инвалидом, так что очного состязания им провести так и не удалось. Вскоре сошел и Марлен — трамвайное колесо отрезало ему ногу по щиколотку. Кто видел его запрыгивания в трамвай и соскакивания, утверждают, что ничего красивее в жизни им видеть до сих пор не приходилось и вряд ли когда-нибудь придется.

Один из сторонников этой теории — Хромой Гуло — смело и невзирая на лица высказывает свою точку зрения:

— Я разве что-нибудь говорю? Рубен соскакивал гениально! Я не боюсь этого слова — ге-ни-аль-но! Но Марлен... — Гуло закрывает глаза, и лицо его выражает блаженство: — Марлен... Совсем другое... Этот человек не соскакивал... Он летал.

Рубен не возражает. Он снисходительно улыбается в усы, ибо прекрасно знает, что среди собравшихся всегда найдется опытный эксперт, который с пеной у рта будет оспаривать эту точку зрения. Хотя бы Гнилой Петрос. Или Честный Мацак — этот маленький, чернявый и быстрый, как пуля, контролер. Об этом Мацаке злые языки говорили, что он, вылавливая в трамваях безбилетных пассажиров, не только штрафовал их или доставлял в отделение милиции, но и бил ногами или плевал им прямо в лицо. Но это, видимо, случалось редко, потому что он часами простаивал тут — у пивной будки. Появившись, он из кармана телогрейки доставал две щетки. Обувной глянцевавал лаки-

РОВАННЫЙ башмак Рубена, платяной очищал пылинки с его пальто или пиджака. И каждый раз категорически отказывался от протянутой ему кружки пива. Спори́л он горячо и артистично. Скрипучий голос выделял завитушки на самых высоких нотках.

— Когда соскакивал Рубен, то я каждый раз про себя произносил «оп-ля»! — заявляет он, кокетливо щуря подслеповатые глаза. — Так и просилось на язык — «оп-ля»! Это был цирк! Олимпийские игры! Оп-ля! Оп-ля! — произносит он, улыбаясь и как бы прислушиваясь к тембру собственного голоса. — Слышишь — «оп-ля»! А теперь скажи, — переходил он на деловой тон, — можно было бы сказать «оп-ля», когда прыгал Марлен?!

— «Оп-ля» тут ни при чем, — вмешивается в спор практический Артем. — Можно сказать оп-ля, а можно и ...оп-ля! Не в этом дело! — Артем многозначительно таращит глаза на окружающих и сейчас, по мере нарастания пыла, начнет поднимать в воздух указательный палец. — Рубен первый ввел соскок с поворотом — вот что главное! Поезжай в Ростов. Поезжай в Москву, в Одессу, в Киев. И спроси: кто ввел соскок с поворотом? Тебе ответят — Авлабарский Рубен! А кто знает твоего Марлена? — и Артем с презрением сплевывает на тротуар.

— Ценится только первый, — развивает он свою теорию. — Пойди в Совнарком и скажи им — земля круглая. Орден тебе за это не дадут и на костер голой задницей не посадят. А Галилея посадили! Он стал великим! А почему? А потому, что он был первым!

Рубен, не принимающий участия в споре, тихонечко посмеивается.

— Кого, говоришь, посадили голой задницей на костер?

— Кого нужно было, того и посадили, — парюет Артем, видимо, не очень уверенный, что сделали это именно с Галилеем.

— Тогда всех на костер голой задницей сажали, — замечает Гуло. — Для порядка.

Спор разгорается с новой силой. Наконец просят высказаться самого Рубена.

Леван Челидзе. Там, на отдаленной планете...

— Нет... что я могу сказать, — морщит свой знаменитый нос кумир. — Марлен... соскакивал... конечно. Зачем отнимать то, что есть... Одна слабая точка была в его соскоке. Он готовился долго.

— Готовился! — подхватывает горячий Мацак. — Он всегда готовился.

— Не готовился бы, соскакивал бы и сегодня, — с печальной иронией заметил карманник Бебе.

Сам Бебе никогда не готовился. Собравшимся у пивной будки хорошо памятен его знаменитый трюк — Бебе запрыгнул в трамвай на полном ходу с тем, чтоб сорвать каракулеву папаху с головы доктора Бек-Мармарчева и тут же соскочить обратно. Причем заскок, срыв с головы папахи и соскок гармонично уложились в одно непрекращающееся движение, полное грации и изящества. Несколько дней после этого Бебе, наподобие Рафаэля Бейбутова, появлялся возле пивной будки с папахой на голове. А на шестой день явился к Бек-Мармарчеву домой и торжественно вернул ему его каракулеву папаху.

— Зачем отдаешь? — удивился знаменитый потомственный венеролог.

— Чтоб не простудились, — деликатно ответил Бебе.

— Зачем же тогда воровал? — еще больше удивился доктор.

— Для красоты, — скромно улыбнулся карманник.

Венеролог посмотрел на него, оглядел его худенькую спутницу и пригласил обоих к себе в кабинет:

— Заходите, я вас обследую.

— Он всегда готовился! — разорвался маленький Мацак. Версия о том, что Марлен готовился, была сострепана самим Рубеном. Узнав о трагическом случае, он тут же отправился к Марлену в больницу Арамянца, где обложил стол и кровать пострадавшего всевозможными восточными сладостями.

— Я Авлабарский Рубен, — представился он скромно.

— Знаю, — с лучезарной улыбкой отозвался Марлен.

— Как это случилось?

Марлен рассказал. Оказывается, виной всему был какой-то доброжелатель, который в момент соскока,

дабы его предотвратить, схватил Марлена за плечо. И тот не успел скоординировать движение.

Вот тогда в голове Рубена и возникла зацепочка «готовился». Однако он и виду не подал.

— Кто такой? — спросил он, грозно сводя брови.

— Не знаю.

— Задушил бы собственными руками, — делая вид, что с трудом подавляет ярость, прорычал Рубен.

На следующий же день возле будки он и пустил в ход слово «готовился». И за это слово сразу ухватились его почитатели. Именно поэтому и заметил Бебе: «Не готовился бы, соскакивал бы и сегодня».

А пока шел спор, с проносящихся трамваев соскакивали «восходящие» звезды — плотно сбитый Горбатый Кола, старшеклассник по кличке Цанцар, а также небезызвестная Зина Ростовская, или Отчаянная, как ее тут называли. Кстати, это была не единственная представительница прекрасного пола, принимавшая участие в подобного рода корриде.

— Привет вора́м и нищим! — воскликнула она, брызнув синью глаз (пусть простит меня Сергей Есенин) на стоящую тут горстку людей.

Рубен собственноручно подал ей пенящуюся кружку с пивом. Девушка поздоровалась со всеми за руку — в том числе и со мной, оккупантом турецкой каски. И спросила даже:

— Как жизнь молодая?

Я благодарно улыбнулся в ответ.

— Гаврош? — спросил меня Рубен.

— Да! — ответил я гордо.

Тут все повернули головы к трамвайной линии. Снизу неся красный зверь. Непрекращающийся звонок нарастал с каждой секундой. Издали было видно, как улыбается усатый ватман. Казалось, трамвай сейчас взлетит в воздух. И как только первый вагон поравнялся с будкой, с задней площадки второго вагона вылетел парнишка в куртке и кепочке. Эксперты, повидавшие на своем веку всякое, и те вытянули шею. Легкая фигура с тростью в руке сделала пируэт в воздухе и легко опустилась на правую ногу. А левая взмыла в воздух. И все увидели, что вместо ноги из штани-

ны торчит деревяшка. Правая нога приросла к будки-
ной мостовой. Торс, уравнивая силу инерции, под-
дался тоже вправо. Возглас всеобщего восхищения выр-
вался из уст собравшихся возле будки бездельников.

— Марлен Верийский! — воскликнул очарованный
Гуло.

Его бугристое непородистое лицо сияло как солн-
це.

Человек с легкой фигурой и тросточкой в руке вы-
прямился. Глаза у него были шальные. Он уставился
на Рубена. У Рубена отвисла челюсть. Мацак с та-
кой яростью смотрел на Марлена, словно это был без-
билетный пассажир. Марлен улыбался. На голове его
лихо сидела кепочка с кнопкой посередине.

— Оп-ля, — произнес он нараспев, но очень тихо.

(Марлен Верийский. Пройдет два-три года, и он
начнет печатать свои стихи, переводы и слова к пе-
сенкам. Он и сегодня их печатает. И пишет их так
легко и красиво, что под каждое его стихотворение так
и хочется поставить слово «оп-ля»).

Рубен, покрываясь испариной, стоял у будки, вдруг
ему отказала единственная нога. Его подхватили и
бережно усадили на вынесенный из будки стул.

Тут и раздался голос Артема. Необыкновенно
возбужденный и красный как рак, он переводил свой
кровожадный взгляд с одного на другого.

— Пропадать, так с музыкой! — закричал он, с
остервенением бросая на землю свое пальто. — Не
унижайся, Рубен! Я, Артем Гаспаров, покажу, как со-
скакивают настоящие мужчины!

И он помчался вниз — к остановке.

Какие чувства будоражили Артема в этот момент?
Трудно сказать. Скорее всего, он не в силах был пере-
жить крах кумира. Это всегда очень тяжело. Но, с дру-
гой стороны, его мог вдохновить на подвиг и феноме-
нальный соскок Марлена. Кроме того, ему надоело так
долго пребывать в тени (запомните эту последнюю
фразу).

Артем соскочил со следующего же трамвая. Как же
это было убого! Картина, возникшая перед пивной буд-
кой, напоминала известные в те годы (и в последующие
тоже) плакаты, которые можно было увидеть в самых
неподходящих местах, скажем, в бане или булочной.

Надпись на плакате гласила: «Не прыгайте на ходу с поездов, это опасно для жизни!». Сам же рисунок, изобразивший вываливающегося из поезда человека. Причем портфель его летит в одну сторону, шляпа — в другую, а сам — под колеса. Нечто подобное возникло и сейчас перед взором собравшихся. Правда, не было шляпы и портфеля, но сама поза, в которой оказался Артем, была куда более впечатляющей. Глаза выражали ужас. В какое-то мгновение ноги его оказались выше головы. Он бухнулся головой о булыжники. При этом раздался звук, возникающий при опрокидывании ногой тяжелой чугунной урны. Кувырнувшись несколько раз за уходящим трамваем, Артем, распластав руки, замер на месте. Поднялся невообразимый гвалт. Кто-то из инвалидов волочил Артема за ноги к тротуару. Бебе тотчас кинулся в сторону площади. Артема уложили на его же пальто. Марлен снял с себя куртку и, свернув ее, положил Артему под голову. Я сквозь ноги и костыли пробрался к нему в изголовье. Рубен, успевший к этому времени прийти в себя, костылем разгонял сгрудившихся вокруг зевак, в том числе и шустрого Мацака, который принялся было делать Артему искусственное дыхание.

— Дайте человеку воздух, паразиты! — рычал он. — Несите воду!

Артем лежал без движения. Из рта сочилась струйка крови. Правая часть лба была ободрана, в ране чернела грязь мостовой.

Сурик вынес из будки стакан с пивом и плеснул в лицо Артему. Артем не шелохнулся.

— Давайте зальем ему в рот водку, — предложил Гнилой Петрос.

— Смотрите, не дышит! — закричал еще кто-то.

Казалось, что он и вправду не дышал. Зина Ростовская вынула из-за пазухи маленькое зеркальце и поднесла его ко рту Артема.

— Едет! Едет! — раздался голоса подростков.

Все увидели приближающийся к месту происшествия фаэтон. Рядом с извозчиком на козлах сидел франт Бебе и всюду подергивал удилами. В креслах же в импозантной позе, опираясь на трость, восседал знамени-

тый доктор Бек-Мармарчев. Его сразу узнали по каракулевой папахе. Все расступились перед светилом мировой медицины. Присев на корточки, доктор нащупал у пострадавшего пульс.

— Еще как жив, — усмехнулся он живучести человека вообще.

Потом он смочил вату нашатырным спиртом и поднес к носу Артема. К всеобщей радости Артем мотнул головой и пробурчал под нос целую фразу.

— Что он сказал? — озадачился доктор.

— Он говорит: врагов надо уничтожать, — ответил я взволнованно.

Доктор повторил опыт. И опять Артем дернул головой и прокричал что-то очень невнятное для окружающих. Но я-то сидел рядом.

— Что он сказал? — спросил Бек-Мармарчев.

— Он говорит: с волками жить — по-волчьи выть, — пояснил я.

В третий раз, после того как к носу Артема вновь поднесли вату, пропитанную нашатырем, он изрек еще одну неоспоримую для него истину:

— Умирать — так с музыкой!

А когда опыт был произведен в четвертый раз, Артему наконец-то подчинились голосовые связки, и переводчика уже не потребовалось.

— Деньги не пахнут, — сказал он.

— Вполне с тобою согласен, — торжественно провозгласил знаменитый венеролог и стал подниматься на ноги.

Изречения по поводу того, что «хочешь жить, умей вертеться», или «кто не рискует, тот не пьет шампанского», Артем, понятно, не упоминал. В ту пору эти хамские афоризмы не были еще придуманы.

Открыв глаза, Артем несколько не удивился, что лежит на тротуаре посреди толпы.

— Который час? — спросил он деловито.

Услышав в ответ, что скоро восемь, Артем поспешно встал, поднял пальто, вытрусил и тут же надел его на себя.

— В театр опаздываю, — выпалил он тревожно и кинулся вверх — к Авлабарской площади. Я понесся следом.

«Жик-жук, жик-жук, жик-жук, жик-жук, жик-жук...»
— скрипели по обледенелому асфальту его «царские» сапоги.

041135340
3023010333

БРОСОК СЕДЬМОЙ

В ТОТ день Артем и я попали на тот памятный спектакль, к концу которого разъяренные невежды выволокли на улицу несчастного Оника — артиста, играющего Яго, и чуть было не растоптали его ногами. Вспоминая тот день, сегодня уже состарившийся Оник испытывает чувство глубочайшего удовлетворения. Ни одна хвалебная рецензия, никакие комплименты не в силах были так убедительно заставить Оника поверить в себя, а для артиста это прежде всего.

Сегодня кое-кто, вспоминая этот драматический случай, несколько искажает его, утверждая, что Оника-Яго связали веревками и утопили в Куре. До этого, к счастью, не дошло. Его действительно пытались связать, чтоб окунуть в воду, но здравый рассудок, представленный в лице отдельных товарищей, среди которых Артем сыграл далеко не последнюю роль, вовремя и довольно-таки активно обуздал невежественную толпу. В числе обуздавших находился и сам Отелло. Без парика это оказался пожилой и совершенно седой человек. Он стоял на маленькой площадке у служебного входа и «сделанным» актерским голосом обращался к толпе:

— Вы думаете, что Оник — Яго? Оник есть Оник. Оник сам жертва. Оника жена на улицу выгнала — третий месяц в театре живет человек.

— Мало! — загудели невежды.

По ступенькам на площадку взлетел Артем и встал рядом с Отелло. Он тоже произнес целый монолог, еле при этом сдерживая ликование. Речь его клонилась к тому, что если уж кого топить в Куре, то не Оника, а самого Шекспира, придумавшего эту муть.

— Кто такой? Где живет? — прорычала из толпы небритая круглолицая физиономия в ушанке, на что Артем ответил:

— В том-то и дело, что далеко живет. Да и то вопрос — живет ли еще вообще.

И только после этого несчастного Оника плакал и мелко трясся — стали развязывать.

Но это случилось уже в конце. А началось все с холодного вестибюля. Густо напomaженная гардеробщица в униформе широко улыбалась входящим в зал, со многими здоровалась и чуть ли не каждому сообщала, что в зале холодно и они могут не снимать пальто. За это кое-кто ей оставлял мелочь.

— Конечно, не полагается, — говорила она, как бы оправдываясь, — но не стану же я снимать с людей пальто и шапки, когда театр не отапливается. Ну, пусть меня за это снимут с работы, куда-нибудь устроюсь. Но раздевать людей, когда такой холод, — что я, враг народа?

Она говорила так не умолкая, принимая мелочь и благодаря за нее, а заодно и переговариваясь со знакомыми. Гардеробщица была Ася — мать моего одноклассника Эмиля. До того как поступить на работу в театр, она продавала на улице мороженое. При этом с нас, одноклассников ее сына, она не брала ни копейки.

— Ты же товарищ Эмиля, как тебе не стыдно мне деньги давать? — улыбалась она мне материнской улыбкой и выбирала самый чистый и аппетитный брикет. Помимо Эмиля, у нее было еще четверо сыновей — целый выводок — и тетя Ася не брала денег за мороженое и с их приятелей. Чтоб возместить этот убыток, мороженщица, понятно, кое-кому недодавала сдачи. Ее поймали с поличным, составили акт и, как говорили, должны были даже засадить в тюрьму, но в последний момент, видимо, пожалев, ограничились административным взысканием. Вообще было странно, как эта женщина без мужа ухитряется прокормить всю свою ораву. С ярко напomaженными губами, величественным бюстом, распущенными черными волосами и доброй милой улыбкой, она располагала к себе с первого взгляда. Все мы — товарищи ее сыновей — любили и уважали тетю Асю, несмотря на определенного рода сплетни, витающие над ее головой.

Вместо мелочи Артем отсыпал ей горсточку конфет-подушечек.

— Спасибо, Артем-джан, зачем беспокоишься? улынулась ему Ася. — Как нога?

— Заживает, — бросил в ответ Артем.

— Известная в городе шлюха, — сообщил мне он, когда мы вошли в партер.

Не успел я как следует осмыслить значение полученной информации, как за нашей спиной кто-то пробубнил в нос:

— Не стыдно тебе, индюк, десятилетнему ребенку такие слова говорить?

— Не твое дело, — огрызнулся Артем.

Человек, сделавший ему замечание, был точильщик ножей и ножниц — Мкртыч — тощий, с впалыми щеками и носом картошкой человек в ушанке, концы которой были привязаны друг к другу у подбородка. Когда начался спектакль, я был несколько оглоушен всем тем, что увидел за день и пережил. В мозгу то и дело воскресала картина, как Ростовская Зина — ладная крепкая девушка — соскакивает с проносящегося мимо трамвая. Потом это видение сменялось другим — Верийский Марлен с тросточкой в руках насмешливо смотрит на Рубена. Глаза у него шальные. Лицо тонкое. На голове — кепочка с кнопкой. А когда со сцены зазвучала армянская речь, я и вовсе растерял нити какой-либо логики. Тем более, что события, разворачивавшиеся на сцене, интересовали меня меньше всего — я уже однажды был на спектакле «Отелло» с участием Акакия Хорава. Меня увлек сам язык. Дело в том, что, живя во дворе, населенном в основном армянами, я и мой старший брат к десяти годам уже довольно-таки бойко лопотали по-армянски.

Отец, большой патриот Грузии, в ту пору работал в Сухуми. Помню его досаду и недоумение, когда он, приехав однажды нас навестить, вдруг оказался перед фактом, что сыновья его почти не говорят по-грузински, зато то и дело вставляют в речь армянские слова, а то и целые предложения. Отец принялся нас перевоспитывать, разговаривая с нами только по-грузински, а мы, со своей стороны, забрасывали его армянскими словечками. Кончилось все тем, что однажды, когда мы слишком уж расшумелись в своей комнате, отец вле-

тел к нам с озабоченным лицом и на полном серьезе произнес:

— Инчек бгаум? Инч хабара? Сускацек!¹

В соседней комнате мама и все домашние покатались со смеху. Дело в том, что отец, несколько сбитый с толку языковым экспериментом, обратился к нам на хорошем армянском языке. Этот эпизод с веселой улыбкой мы вспоминали и в последующие годы. А кутаисские тетушки, прослышав о нем, схватились за головы:

— Они даже отца обармянили.

Сейчас, сидя в шестом ряду партера армянского театра, я то и дело испытывал непонятную радость, узнавая знакомые слова. Но в то же время это был другой, незнакомый язык, не тот, на котором изъясняются чистильщик сапог Хачик, парикмахер Жора или тот же точильщик ножей Мкртыч. Это было что-то новое. Очень далекое. Не укладывающееся в сознание. Полуголодные, измученные войной люди внимательно следили за ходом действия. А меня интересовал язык, звучание слов, их взаимосвязь. И, может быть, именно оттого, что значение отдельных слов было мне понятно с детства, язык в целом производил впечатление загадочное и таинственное. В какой-то момент мне даже подумалось — я помню это с удивительной отчетливостью, — что я нахожусь не в Тбилисском армянском театре в центре Авлабара, а на какой-нибудь далекой звезде. Уже позже, будучи студентом, я впервые попал в Армению. Я и четверо моих приятелей (два парня и две девушки) решили прокатиться на такси в Кировакан с целью осмотреть тамошний комиссионный магазин. Мы въехали в Кировакан и, остановившись на запруженной людьми площади, вылезли из машины. На сооруженных из досок подмостках давался какой-то «шефский» концерт. Выступали артисты из Еревана. В тот момент, когда мы вышли из машины, на сцене стояла маленькая и ничем не примечательная женщина. Сильным голосом читала она что-то из армянской классики. Кажется, это был Аветик Исаакян. Декламировала она с подлинным пафосом. Обстановка показалась мне несколько необычной. Вокруг — зеленые горы и разбро-

¹ Почему кричите? В чем дело? Замолчите! (арм.).

санные по холмам дома из туфа. И молчаливая толпа. И женщина с сильным голосом. Все очень впечатляло.

Сначала на ум пришла Древняя Греция. А потом вдруг почудилось, что я нахожусь не в ста пятидесяти километрах от Тбилиси, а на какой-то отдаленной планете. Мои друзья, так же как и я, с обалделым видом смотрели на маленькую женщину с сильным голосом. В нашей компании был и армянин — Рафик, живший в тот период в Москве и приехавший погостить к родителям.

— Какой язык, а? — шепнул он мне на ухо, с трудом подавляя волнение.

— Как на далекой планете, — ответил я.

Я именно так и ответил.

Как уже потом объяснял мне Артем в ресторане «Тбилиси», «далекое» и «близкое» — понятия весьма относительные. Об этом он заговорил после того, как я попытался хоть приблизительно разобраться в формуле «четвертого измерения».

— Они объяснили мне это в популярной форме, — с серьезным видом говорил Артем. — Скажем, это рюмка. Чтоб дотронуться до нее, тебе надо протянуть руку в определенном направлении. А если ты ее протянешь в направлении обратном, то тебе придется обойти весь земной шар. А теперь скажи — далеко она от тебя или близко? Так и четвертое измерение. Звезда находится от тебя далеко — хоть сто лет лети, не достигнешь. А если идти от обратного? Лететь к звезде, удаляясь от нее все дальше. Все равно по кругу придешь к ней. В этом вся хитрость.

— И все-таки? — домогался я. — Мы отдаляемся от предмета, как же мы к нему приближаемся?

— Не морочь голову, — попросил Артем. — Так они мне объяснили.

— Плохо объяснили.

— Сам слетай и узнай, что к чему, — с недовольным видом буркнул Артем.

— Устрой мне это дело по протекции, — попросил я.

— Да пойми, — рассердился Артем, — даже для математиков сегодня это китайская грамота. Закон

четвертого измерения будет открыт на Земле в первой четверти следующего века.

— Именно в первой?

— Да что ты пристал, так они мне сказали! — не на шутку обозлился Артем.

Конечно, с моей стороны было не очень тактично помогать его вопросами в области, в которой я сам ничего не смыслил.

Я забежал чуточку вперед не случайно. Если применить это четвертое измерение в том примитивном виде, как его объясняет Артем, к расстоянию от Грузии до Армении, то получается, что Армения, если идти, скажем, влево, расположена с нами по соседству, ну а если вправо, то она — самая далекая от нас земля. И чтоб до нее добраться, надо будет пересечь два самых больших океана, три материка, пустыни, тайгу, десятки стран и тысячи городов. Абракадабра? Возможно. Но попытайтесь в доступной для меня форме объяснить мне, что означает «теория относительности» Эйнштейна.

Уже потом, став филологом, я прочел у Марра, что армянский язык, хоть он и принадлежит к индоевропейской группе и подчиняется общим для этой группы законам, является наиболее обособленным и самобытным языком на планете Земля. Его даже в высших научных кругах рекомендовали как язык эсперанто. Но потом, видимо, отказались от этой затеи, хотя неоднократно и по сей день возвращаются к ней вновь.

Однако вернемся на спектакль.

Итак, я вслушивался в речь, которая с каждой минутой становилась все более непонятной и далекой. И дело тут было совсем не в том, что тот язык, который я слышал во дворе, — уличный, а тот, что звучал со сцены, — литературный, хотя отчасти и в этом. Но только отчасти. Я находился на далекой планете задолго до того, как туда подал Артем.

А между тем спектакль приближался к кульминации. Наэлектризованные зрители недоверчиво смотрели на сцену. И гундосый, размеренный голос низвергнул меня на землю. Он принадлежал все тому же точильщику Мкртычу — этому ярому поборнику порядочности. Он стоял на ногах. Глаза его превратились в

две сверкающие злобой стекляшки. Нос торчал кар-тошкой.

— Ишачья голова, ты что, правда душить ее будешь на глазах у людей? — во всеуслышание обратился он к Отелло и закричал: — Уберись сейчас же!

Ярус захохотал. Раздался выстрел — то ли из нагана, то ли из хлопушки. В один миг в партере все смешалось. На сцену полетели камни. Отелло как ветром сдуло. Занавес опустился, а потом снова поднялся. Все увидели пробегающую по сцене гардеробщицу Асю. Черные волосы ее развевались как шлейф. Щеки пылали.

— Люди! — обратилась она к залу. — Опомнитесь! Вам специально показывают это, чтоб вы сами не повторили такого в жизни!

— Что? — взревела толпа. — Чтобы мы — такое?!

В Асю полетели камни. Но камни — пустяки. Из зала, набитого мужчинами, с жестокостью, которую трудно чем-либо объяснить, в адрес многодетной красавицы полетели страшные разоблачения.

— Таких, как ты, потаскух правда душить надо! — истошным голосом орал кто-то с галерки.

Ася, закрыв лицо руками, бросилась за кулисы. Возглас ее до сих пор звенит в ушах:

— Люди, вам специально показывают такое, чтоб вы сами этого не повторили в жизни!

Она как в воду смотрела. Люди сделали и похуже. И участь несчастной Дездемоны спустя несколько лет покажется ей конфеткой по сравнению со страданиями, выпавшими на ее долю.

Но это — потом, потом, потом!.. У нее в запасе еще много радостей и светлых минут. Всему свое время.

Меня и Артема подхватила толпа. В один миг мы очутились на улице. Интеллигентная часть публики в панике разбегалась по домам. Остальные кричали, ссорились, лезли друг на друга в драку. В сутолоке кто-то сказал Артему, что Яго избивают у служебного входа. Артем, а я следом, сломя голову кинулись в обход здания. Остальное вы уже знаете.

Какой-то многим тут знакомый милый толстячок, живущий где-то поблизости, вынес из дома платяную щетку, воду в графине и полотенце. Оника в гриме и костюме Яго приводили в порядок. Он не переставал всхлипывать. Появилась Ася и попыталась его утешить — кого следовало арестовать, уже арестован.

— Эти сволочи по судам меня сейчас затаскают! — еще больше расстроился Оник.

Толстячок что-то шепнул Асе на ухо, и та, кивнув головой, мгновенно исчезла.

— Всех прошу пройти в этот двор, — произнес толстячок, указывая на калитку.

Когда все, кто остался к этому времени на улице, прошли в небольшой, но уютный дворик, тут уже хозяйничала Ася. Она накрывала на стол. Вынесла стаканы, соленые помидоры, хлеб, сыр и бутылку чаи. Я и Артем тоже прошли во дворик.

— Будь прокляты все армяне во всем мире, — плакал избитый Оник.

Отелло (он был все еще в гриме, только парик снять успел), деликатно улыбаясь, позволил себе возразить:

— Нет, Оник, пусть здравствуют все армяне во всем мире.

— Эти хулиганы тоже? — возмутился Оник.

— В первую очередь! — воскликнул Отелло.

Все было необычно — и холодная ночь, и рваные черные клочья туч, подсвеченных круглой луной. И кларнет, появившийся бог весть откуда, и звуки шалахо, льющиеся из этого кларнета.

Ася то ли с отчаяния, то ли с радости пустилась в пляс. Артем, раскинув руки, вызвался быть ее партнером. В шалахо женщина капризна и кокетлива. А мужчина — душа нараспашку. Ася и Артем очень точно вошли в свои образы.

— Им «Отелло» надо было показывать? Им шиш надо было показать, — все еще мелко трясся Оник, уплетая соленые помидоры.

— Не плачь, Оник, сегодня твой бенефис! — широко улыбался седой Отелло.

— Аввоз-э! — закричал Артем, входя в раж танца.

Три часа назад он без памяти лежал на тротуа-

ре и изо рта его сочилась струйка крови. Никто тогда не знал, жив он или нет. А сейчас он всю танцует шалахо в одном из многочисленных уютных и приветливых дворики Авлабара.

Я многое дал бы сейчас, чтоб еще хоть раз увидеть эту картину: ночь... тучи... кларнет... шалахо... Артем и красавица Ася. И широко улыбающийся Отелло, который еще не успел разгримироваться и оказался без парика пожилым и сплошь седым человеком.

Конечно же, так просто завершиться этот день не мог. Когда закончился танец и кое-кто из присутствующих потянулся к калитке, вновь раздался голос Отелло.

— Спасэнк!¹ — закричал он, с безумством блеснув глазами.

Это первое слово заключительного монолога Отелло приковало всех к местам. И произошло нечто совсем необычное: в моем мозгу образовалась щель, как в копилке. И туда посыпались слова, необыкновенно живые и тяжелые, как золотые монеты. И я помню их по сей день:

— Мичёв кгнак, карелиа сембез эрку ор хоск! Ес Венэци мец аварэли шинэлем шат горц. Хама миангам миат осмао брнэленк эн марти, цецумен пис-пис хоскеро. Верцреци эн шущин кокардиц у спанэцир ан эспес!².

¹ Постойте! (арм.).

² Лишь два слова перед уходом. Венэци я послужил, все знают... Раз в Алеппо в чалме злой турок бил венецианца и поносил Республику — схватил за горло я обрезанного пса и поразил: вот так!.. (арм.).

Окончание следует

НА АЭРОДРОМЕ

Где воздух, расколотый громко,
 стихая дрожит, как металл,
 ни чибиса, ни жаворонка,
 ни ласточки я не встречал.

На ровном искусственном луге
 стропсю из каменных плит
 не видно и малой пичуги —
 а кто им летать не велит?

●

Пуховой теплою зимой
 ты шла — иль показалось мне?
 Тебе кричу, но голос мой
 беззвучен, как во сне.

Я, как слепой, — на свет, на свет
 тянусь — и не хватает рук.
 Как ветром сломленная ветвь,
 рука упала вдруг...

Так и живу — идут года —
 и шагу сделать не могу,
 и ни тропинки, ни следа
 на праведном снегу.

Перевел Владимир ЛЕОНОВИЧ

●

Хочу в горах укрыться до весны,
 в горах, покрытых снежным покрывалом...
 Душа всю зиму снега так желала,
 что снег окрасил белым цветом сны.
 А вместо снега дождевые капли
 и листья желтые ветра мели...

Снега, наверно, путь сюда искали,
но ветром с толку сбились, не нашли.
Деревья оголенные остались
в руках дождей, а белые снега
войти в наш город, видно, постеснялись
и подались на горные луга.
Снега бежали в горы, как олени,
когда ж они вернулись с вышины,
то вид имели худосочно-бледный
под солнечным нашествием весны.
Снега исчезли на земле весенней —
слезами их наполнился овраг,
и ветки расцветающей сирени
зиме послали свой прощальный взмах.

ИМЕНА

Меня называли то сыном, то внуком...
Хорошие все имена.
Как много имен господь подарил мне
И отнял затем у меня!

Меня называли твоею любовью
И другом мой друг меня звал...
Как много имен я имел, но однажды
Я сразу их все потерял...

Супруг... отец... одиночество —
Другие пришли имена.
Но слышать мне прежние хочется,
Зачем вы забыли меня?

●
Я пригубил хрустального ключа,
но до конца не выпил — это верно...
Воспоминание — зажженная свеча,
Как защитить ее от ветра?

Обида и забвенье сгоряча
не кажутся тончайшими делами.
Воспоминание — зажженная свеча:
вздыхнешь — и у тебя погаснет пламень.

Я беру в ладонь —
и гроздь поет...
Рано или поздно —
без возврата —
Замычит и от меня уйдет
Золотое время,
словно стадо.
Но пока Квирила в злой гульбе
Черные несет в ущелье воды,
Не отнимут песню о тебе
Никакие годы и невзгоды.
И покуда песню не спою,
Не смогу спокойно умереть я...
Я глазами солнечными пью
Чашу ненаглядной Имеретии.

Перевел Владимир ДАГУРОВ

Георгий ГУБЛИА

КОГДА Я БЫЛ МАЛЬЧИШКОЙ

Сперва быки за мною шли, пыля.
Потом я шел за ними, за сохой.
Лемех блестел —
и теплая земля
Дышала солнцем и самой собою.

Звала меня все дальше борозда,
Рождением обязанная стали.
Но в полдень припекало —
И тогда
Я распрягал быков, чтоб отдыхали.

Была трава под грабом, как постель.
А может, мягче.
И, как голос неба,
Звучала тонко жаворонка трель.
И знало тело, что такое нега.

А борозды, торжественно лучась,
Мне обещали праздничные сроки,
Как будто в книгу жизни я сейчас
Вписал свои бесхитростные строки.

ВОЗЛЕ ОБЕЛИСКА

Чувствую, что море где-то близко.
Свежий ветер возле обелиска.
Волны плещут медленные где-то.
Далеко, пожалуй, до рассвета.

Стоя под высокою сосною,
Дорожу теплом и тишиною.
И в разверстой бездне небосклона
Звезды караул несут бессонно.

Перевел с абхазского Владимир МОЩЕНКО

ГОРЕ

Каждая пуля на войне
попадет в сердце матери.

К. Кулиев

Веселый, ловкий, с ежиком коротким,
Совсем мальчишка, худенький на вид,
В ночной атаке, не попавшей в сводки,
Он был фашистской пулею убит.

До самого последнего мгновенья
Сражался он, достойный сын страны,
Мальчишка из абхазского селенья,
Погибший на заре своей весны.

Рыдает мать. Ей лето стало стужей.
Отпели птицы — плачут вдалеке.
Холодный ветер с тихим плачем кружит,
Струятся слезы по камням в реке.

Шальная пуля — мало ей солдата —
За сотни верст еще нашла сердца:
Там черным цветом горя мать объята,
Там скорбь согнула старого отца.

Перевел с абхазского Л. ЛЕВЕНСОН

Владимир ОСИНСКИЙ

ЧЕСТНОСТЬ ● Очерк

«...Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги».

А. П. Чехов, «Три сестры».

ГОРОД Ткварчели красив, и красота его неповторима... Сказать так сегодня — значит, к сожалению, ничего по существу не сказать. Слишком подчас бездумно, безответственно даже, употребляем мы подобные ко многому обязывающие эпитеты, а между тем элементарная добросовестность требует признать, что сплошь да рядом молодые, сравнительно недавно возникшие на карте города до уныния похожи друг на друга... Наверное, нельзя особенно винить за это проектировщиков (во всяком случае, не всегда их можно винить) — такие населенные пункты возникают в результате нетерпеливого требования времени, рождаются, чтобы как можно быстрее удовлетворить насущную потребность экономики в дальнейшем развитии той или иной отрасли народного хозяйства, и проходят десятилетия, пока они обретут своеобразие облика.

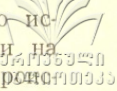
Ткварчели в этом отношении повезло. Отчасти здесь ска-

зали свое веское слово природные условия — горы всегда неповторимы. Однако решающую роль, думается, сыграл внешне парадоксальный фактор: Ткварчели строился в то время, когда в Грузии, чем торопливо, он рождался в тревожные предвоенные годы, мужал в беспощадном горниле Великой Отечественной и несравненно неспешнее, размереннее развивался после нее, когда появилась возможность думать уже не просто с крыше над головой, но и об атрибутах комфортабельно устроенного быта. Поэтому в нем — сегодняшнем причудливо переплетаются архитектурные признаки шахты, приспособленной под жилье, с собственно городом как местом обитания людей, где производственной среде отведена подобающая ей сфера, не больше, а доминирующая функция — служить человеку. Причем с каждым годом эта функция становится все ярче выраженной (ежегодно строятся тысячи квадратных метров жилой площади), и бывший горняцкий поселок обогащается новыми чертами современности... Обычно этот процесс обозначается достаточно стертыми формулировками типа «благоустраивается», «растет», «хорошеет»... К счастью, подобные определения не могут умалять реального значения совершающихся изменений.

Ткварчели хочется назвать городом-личностью. Однажды в нем побывав, никогда не забудешь яркую зелень гор, израненную скалами, причудливые серпантины внутренних дорог, подъемы, преодолимые лишь на первой передаче, железнодорожные мосты, на головокружительной высоте перекинутые над строптивой Галидзгой, сумрак глубоких ущелий и лилово-красные закаты, которые так напоминают морские, что, впрочем, не удивительно, ибо по прямой отсюда рукой подать до Очамчира... И тут я вынужден ступить на укатанный путь штампов, потому что необходимо сказать: однако главное, в чем воплощается красота Ткварчели и выражена его личностная самобытность, представлено людьми. Пока я беседовал с ткварчельцами, что называется, разных возрастов, профессий, характеров, социальных категорий и т. д., мой друг и попутчик Гиги Кешелава, художник разносторонний и, убежден, незаурядный, рисовал моих собеседников. Каждый раз, едва мы оставались одни, он говорил:

— Знаешь, трудно было...

Я и сам замечал, что трудно. Отличный портретист (он за четверть часа умеет передать в карандашной зарисовке самое характерное в человеке — способность, на мой дилетантский взгляд, почти мистическая, по крайней мере совершен-

но для меня непостижимая), здесь Гиги явно неизменно испытывал муки творчества. Сначала мы с ним шутили на этот счет. Позже попытались серьезно разобраться в ходившем. Всегда возмущался, слыша или читая, скажем, о детчике: «...Зоркие, слегка прищуренные глаза, точные, выверенные движения, скупая неторопливость и вместе с тем стремительная уверенность жеста, присущие человеку, профессия которого обязывает мгновенно принимать единственно правильное решение и безошибочно претворять его в действие...» Что же, а хирургу, политическому деятелю, преподавателю, шоферу или бухгалтеру можно ошибаться? Или, может, их облику присущи безвольная расплывчатость, расхлябанность, свидетельствующие о безответственном отношении к обязанностям, которые прощают такого рода недостатки?.. Видимо, определение внешних признаков, обусловленных принадлежностью человека к какой-либо профессиональной группе, дело специалистов, к примеру психологов-социологов, или не знаю уж, как это называется. Тем не менее позволю себе высказать догадку, пришедшую уже спустя немалое время после этой поездки в Ткварчели.

Шахтер проводит под землей шесть часов в сутки. Неважно, что сегодня можно сказать: «Только шесть...» — так как раньше было восемь, не говоря о временах, когда рабочий день горняка был и того длиннее. Ведь это — наиболее деятельная часть его жизни, сопряженная с особой интенсивностью существования, остротой восприятия окружающего, яркостью и глубиной впечатлений. И выходя из шахты, он, без сомнения, необычайно сильно чувствует простор открытого неба, осязает тепло солнечных лучей, не отгороженных от него толщей недр, радуется естественной, а не созданной вентиляторами свежести воздуха, видит живую первозданность красок... Совсем не так, как мы, подавляющее большинство, видит, осязает, чувствует и — ценит все это. Может, именно данное обстоятельство лежит в основе того общего для всех столь разных по своей личностной природе людей выражения открытости и ясности, которое присуще лицам ткварчельцев? ...Было бы, однако, безнравственно умиляться такой реалии — каждодневному радостному удивлению шахтера при виде земной красоты: оно рождается по контрасту с условиями его производственной деятельности, а последнее, что там ни говори, есть труд под землей. Между прочим, именно в Ткварчели и от человека, не только на собственном опыте

познавшего специфику горняцкого труда, но и занявшегося наукой с единственной, в конечном счете, целью — облегчить его, довелось услышать:

— Вообще-то, в идеале, уголь должны добывать роботы...

Но пока идеал не достигнут, пока до него, увы, далеко, эту работу выполняют люди. Разумеется, в наше время шахтерский труд очень отличается от того, каков он был сто, пятьдесят и даже двадцать лет назад. Движение технического прогресса и достигнутые на этом пути успехи равно необратимы и весомы. Вместе с тем содержание, точнее — сущность профессии горняка остается неизменной, и никакие разговоры о «почетной роли добытчиков «черного золота» ее не могут переделать и упростить. Так что будем лучше исходить из суровой, честной — и только в таком виде прекрасной правды: шахтерский труд тяжел; в первую очередь потому он и почетен (думается, о нужности его говорить не приходится).

Однако в роботов эта работа людей не превращает. Мало того, редко удастся встретить такую концентрацию человеческого, в пересчете на число людей, пополнивших здесь круг моих знакомых, как в городе, носящем (да простится автору подобная «красивость») шахтерскую каску. Речь идет о качествах, особо ценимых нами в личности: индивидуальной неповторимости, собственном достоинстве, независимости суждений, благородной простоте чувств и ясности восприятия действительности, добросовестности в изначально высоком смысле этого многострадального слова, образуемого, нелишне напомнить, синтезом понятий «добро» и «совесть»... Если бы мне предложили определить некий эталон человеческой жизни, я не колеблясь остановился бы на биографии Николая Дмитриевича Хунтуа. В ней — большой и весьма нелегкой, чистой и полной самоограничения, сложно-целостной, многогранно-простой и освещенной великой бескорыстной честностью — ярче и полнее, чем в совершеннейшем произведении искусства, отражено само наше Время.

В минувшем году Николаю Дмитриевичу исполнилось восемьдесят. Ему было двадцать четыре, когда он познакомился с донецкими шахтерами, по заданию геологов-разведчиков рубившими уголь примитивными кирками, вывозившими его выюками, как во времена прапрадедов, на-гора. Встреча состоялась в окрестностях родного села Акваска, которое входит в состав Очамчирского района, а расположено в зоне нынешнего Ткварчели, чье существование тогда, строго говоря,

еще даже и не планировалось, — и решила всю дальнейшую судьбу Николая. В 1930-м он поехал на пятимесячные курсы в Горловку, где всесторонне изучал горняцкую профессию. Вместе с Хунтуа в Донбасс отправились очамчирцы Давид Ашуба и Владимир Квирквелия, Герасим Кереселидзе из Гали, а также десятка три других пионеров — основателей будущего города... Хотя в ту пору, повторим, до города было еще куда как далеко. Они вернулись, чтобы, вооружившись бурами, кувалдами, кирками, лопатами, начать проходку тктварчельской шахты номер один. Там, где шла работа, в окрестностях Акармара, был густой лес, и им приходилось корчевать деревья, и ночевать под открытым небом, и терпеть много разных лишений, преодолевать множество всяких трудностей... Меня поразили отчетливость воспоминаний старого человека, острота видения далекого прошлого, легкость, с которой он выносил из давно минувшего имена, фамилии, названия, мельчайшие порою подробности событий. В течение двух с половиной лет Николай Хунтуа учился во Всесоюзной промышленной академии. Закончить образование помешала война, и тогда, на другой ее день, они вместе с Алексеем Стахановым пошли в военкомат... Да-да, Хунтуа не только был знаком — учился с зачинателем великого почина. крепко дружил с ним и сегодня вспоминает «Алешу» отнюдь не в тональности юбилейно-официальной, а со светлой печалью и уважительной непринужденной теплотой:

— Был он парень веселый, добрый к людям, по натуре широкий, «огневой», как в наше время говорили... Решили мы: «На фронт, на передовую!» — с тем к военному комиссару и пришли. А он посмотрел документы, потом говорит: «Не имею я права, товарищи депутаты Верховного Совета СССР, вас в армию посылать. Идти вам к самому Михаилу Ивановичу Калинин...» Что ж, пошли прямо к всесоюзному старосте. Он принял нас незамедлительно, выслушал со вниманием и попросил к окну подойти... Внизу — целое море добровольцев-ополченцев. Калинин поглядел-поглядел на великое это сборище народу, спросил: «Кому всех этих людей кормить, одевать, снабжать боеприпасами?.. Вам, дорогие мои передовики-ударники пятилетки. Значит, придется по домам разъезжаться, по своим рабочим местам...» Мы и послушались — лично я до дому восемнадцать суток добирался. Но прежде чем уехать, снова явились к Михаилу Ивановичу — оставить заявление: «Так, мол, и так, просим до самой побе-

ды над проклятым врагом перечислять наши депутатские до последней копейки! — в Фонд обороны страны».

Николай Хунтуа отдавал не одни депутатские в продолжение всей битвы с фашизмом щедро делился с государством немалым шахтерским заработком. В 1942 году Ткварчели обрел статус города (всего через восемь лет после того, как начала функционировать первая шахта, — таковы были темпы тех героических времен!), и Николая Дмитриевича избрали председателем исполкома Совета депутатов трудящихся. Выполнив сложные и многотрудные обязанности мэра, он продолжал ежедневно заступать в шахтерскую смену, и это длилось до самого сорок девятого. Думаете, после войны Хунтуа с законным облегчением и, разумеется, в полном согласии с любыми моральными критериями, наконец целиком отдался государственной деятельности? Нет, он пошел куда следовало и попросил освободить его от должности председателя горисполкома. Решение, признаемся, достаточно необычное с точки зрения нашего современника, и тогда вызвало в соответствующих инстанциях некоторое, мягко говоря, замешательство. Однако, последовательный и искренний во всем, Хунтуа со всей определенностью заявил, что горняцкая доля ему больше по сердцу, — и настоял на своем. Кавалер ордена Ленина, он проработал в шахте еще много лет, оставаясь стахановцем в самом высоком и емком смысле этого прекрасного слова. Персональный пенсионер, он продолжает трудиться и в свои восемьдесят с лишним — понятное дело, теперь уже не под землей... Согласитесь, вот где простор для эмоций на тему могучей облагораживающей силы воздействия Его Величества Труда на нравственное становление человека... Только нуждаются ли в доказательствах самоочевидные вещи? Поэтому отвлечемся от конкретной людской судьбы, в которой удивительно полнокровно воплотилась благородная природа личности рабочего города, и продолжим знакомство с Ткварчели как таковым.

Не хочется идти дорогой борьбы со схематическими, устоявшимися представлениями о городах, которые их «производственная специализация» непостижимым образом обрекла на однозначность характеристик, основанных на искусственно зауженных, профессиональных признаках: «город-металлург», «город-химик», «город-шахтер»... Но, право, это несправедливо, и внешне несколько более гибкий, также часто встречающийся вариант — «город текстильщиков» или, к примеру, «рыбаков» — по существу дела не меняет. Наверно, по-

добные формулировки уместны в целевых справочниках, предназначенных для информирования о размещении производительных сил, народнохозяйственных отраслей... А Ткварчели (Рустави, Иваново, Поти или Гори) — он город, где живут люди. Живут, работают, любят, ненавидят, мечтают, печалются, надеются... Словом, живут, и вряд ли к этому определению можно что-либо добавить. Разве что попытаться его расшифровать — хотя бы отчасти.

Бесспорно, шахта — главный жизненный центр Ткварчели, к которому тяготеют все остальные сферы, формы, направления городского бытия. И все-таки это не самое важное — производственный профиль Ткварчели, а самое важное, определяющее стиль существования и характер взаимоотношений горожан, как пришлось убедиться, есть нечто более общее и, несомненно, масштабное, глубинное, что ли. Это — ТРУД в предельно широком толковании слова. Характерная деталь: почти все без исключения руководящие работники города, причем любых рангов, в свое время прошли настоящую трудовую школу. Имеется в виду работа в самом прямом — суровом, «приземленном», отнюдь не отвлеченном понимании.

Много довелось беседовать с Гиглой Ивановичем Акубардия, заведующим отделом пропаганды и агитации горкома партии, а также невольно наблюдать, как он работает — контактирует с людьми, вникает в содержание того или иного вопроса, принимает решения, говорит по телефону (последнее в наш век тоже ведь очень важно, и пресловутый «телефонный» стиль руководства подразумевает в критической направленности данного понятия не самый факт использования гениального эдисоновского изобретения, а опять же как оно применяется), умеет отделить главное от второстепенного. Со всей ответственностью заявляю: хорошо работает, и наиболее весомый довод в пользу такого утверждения — то, что стержнем каждого из его должностных действий является непрестанная мысль о человеке. Нет в Гигле Акубардия ни любования важностью занимаемого поста, ни «бюрократической сумасшедшинки», с уничтожающим сарказмом выявленной когда-то Ильфом и Петровым, ни губительной оторванности от требовательной повседневности будничной жизни, овладевающих иными начальствующими лицами, едва тем подставляется кресло. Великолепный подарок судьбы: сама биография заведующего отделом Ткварчельского

горкома партии избавляет автора от необходимости прибегать в данном случае к громоздким умозаключениям.

Гигла окончил гальскую среднюю школу в июне шестидесяти второго и в августе уже орудовал тяжелым ломом, сбивая остатки угля со стенок и дна вагонеток. Были на то веские причины: две старшие сестры учились в Тбилиси, четверо братьев были еще школьниками. Им руководили мотивы простые и честные — надо помогать семье. В январе Гигле исполнилось восемнадцать. На четвертый день, воспользовавшись отсутствием отца Ивана Ханасовича, горнорабочего-крепильщика с многолетним стажем, юноша начал работать электрослесарем в шахте № 6. Через год стал проходчиком, познакомился с разнообразнейшей горной техникой, получил высший разряд. Лишь однажды в жизни Гигла Акубардия писал заявление с просьбой принять на работу, дальше трудовая биография складывалась сама собой — естественно, в полном соответствии с его индивидуальностью. В 1966 году товарищи избрали Гиглу секретарем комитета комсомола шахты, затем членом бюро и нештатным секретарем горкома ЛКСМ; позднее он с отличием окончил Высшую партийную школу в Баку, больше трех лет возглавлял первичную парторганизацию шахтоуправления — крупнейшую в городе, на правах райкома. Летом прошлого года Акубардия стал работать на нынешней должности, и, не боясь апробированных временем формулировок, заметим: очевидно, вполне закономерным было решение именно человеку, прошедшему полный курс обучения в школе Жизни и Труда, доверить сложнейший участок деятельности городской партийной организации. Ибо не случайно в минувшем августе на собрании идеологического актива республики было подчеркнуто, что на идеологических работниках лежит сегодня ответственность за мировоззрение, за внутреннюю жизненную позицию каждого члена нашего общества и что здесь приходится решать задачи не менее масштабные, чем в экономике. Хочется привести, и по возможности точно, одно из высказываний Гиглы Ивановича, явно отражающее его собственную внутреннюю позицию:

— Мне кажется, сегодня с особой отчетливостью наметилась тенденция — глубже, подробнее и, безусловно, с предельной правдивостью информировать коммунистов, всех тружеников и о важнейших событиях в нашей жизни, и о намечаемых новых шагах. Дело в том, что люди как никогда прежде почувствовали себя хозяевами своей судьбы, а она ведь

неотделима от судьбы государства, страны в целом... Вот по-
чему мы считаем обязанностью оперативно, всесторонне
причем и в трудовых коллективах, и по месту жительства
знакомить горожан со всеми решениями партийных, совет-
ских, хозяйственных органов, включая и местные, и централь-
ные. Такая практика совершенно необходима сегодня, когда
перед народом стоят задачи небывало масштабные, важные,
актуальные, — люди должны знать, что от их решения за-
висит в итоге счастливый завтрашний день каждого, и
верить тому, что слышат. Потому как можно сколько угодно
— и слова останутся словами. Но когда, например, выдви-
жение на руководящую работу осуществляется не просто при-
казом «сверху», а с учетом мнения трудовых коллективов, по
их рекомендации, это действует убедительнее самых краси-
вых деклараций; когда должностные лица разных рангов
встречаются с трудящимися в неофициальной, непринужденной
обстановке — скажем, в ходе собраний без предварительной
повестки дня, которые мы все чаще проводим, например, в
микрорайонах города и на которых каждый может высказать-
ся по наиболее актуальному вопросу и получить честный, прямой от-
вет, — тогда получается подлинная демократия, в дейст-
вии...

А вот что говорит Нюра Маршания — женщина, у ко-
торой титулов хоть отбавляй (член Абхазского обкома КП
Грузии, член городского комитета партии, кавалер орденов
«Знак Почета» и Октябрьской революции), а в социальном
аспекте она самый что ни на есть рядовой член общества, —
аппаратчица Центральной обогатительной фабрики, то есть,
как почему-то принято говорить, просто рабочая:

— Аппаратчица — главная фигура на ЦОФ. От нее —
именно от нее, в смысле от каждой из нас — зависит,
чтобы конвейер не остановился и, значит, не прервался тех-
нологический процесс... Я люблю свою работу, хотя она дале-
ко не легкая и не простая, потому что у нас все держится на
взаимной выручке, на товарищеской спайке, потому что моя
работа позволяет мне себя уважать.

Я невольно «зацепился» за эти последние Нюрины сло-
ва. Без всяких там литературных изысков она выразила ос-
новное, то, что оставляет наиболее глубокое впечатление от
знакомства с Ткварчели и, несомненно, является характерней-
шей чертой любого рабочего города. Ну конечно же,
применительно к его гражданам в первую очередь надо го-

ворить об осознанном и вместе с тем совершенно органичном чувстве собственного достоинства, о единственно истинном самоуважении, которое приносит уверенность в подлинной нужности и ценности для людей выполняемой тобою работы. Правомерно ли тут же касаться сложнейшей в многогранности ее толкований темы счастья? Думаю, да. В «Советском энциклопедическом словаре» (1981 г.) это понятие трактуется как «состояние человека, соответствующее внутренней удовлетворенности своим бытием, полноте и осмысленности жизни». Правда, можно вспомнить о Нероне. Кажется, у историков не вызывает сомнения факт, что после скандально известного деяния сей император как раз и наслаждался в высшей степени испытываемой «внутренней удовлетворенностью своим бытием». Однако противоречия академической формулировке здесь нет. Просто мы (я имею в виду и вас, читатель) диаметрально расходимся с Нероном во взглядах на вещи, в критериях... В представлении типичного тварчельца счастье — настоящее и, разумеется, трудное (хотя бы потому, что оно не дается без труда) — эквивалентно понятию работа. Это не дежурная громкая фраза. Пусть Нюра Маршания говорит дальше:

— ...Насчет взаимопомощи на производстве. Лично я бы включила ее в перечень требований технологии. Вообще считаю, что человека создал не один труд — еще и честность в отношениях с другими людьми, способность ценить добро, помогать и поддерживать друг друга... Моей первой наставницей на фабрике была Зоя Васильевна Лидовская — никогда ее не забуду. И мои бывшие ученицы — Мери Аргун, Рая Пшеничникова, остальные — знаю, так же ко мне относятся... Святое дело — рабочая дружба и солидарность. Вот когда бастовали английские шахтеры, мы им отдавали часть средств из своей зарплаты — так знаете, сколько «конфликтов» возникало?.. Каждый хотел дать больше! И если уж совсем честно, то вот что я скажу: конечно, труд — не забава, от этого слова произошли «трудно», «трудный»... Но без работы жизни своей не представляю. Кто это, глупый, сострил, что, мол, дураков работа любит? Не любит она дураков и очень быстро на чистую воду выводит...

Бесценны подобные суждения, особенно если исходят от людей, не привыкших кривить душой, далеких от сомнительного искусства демагогического словотворчества. В несколько ином аспекте — уже материальном — предстает перед нами их высокая нравственность с учетом того, что они вы-

ражают отношение к делу производственного коллектива ЦОФ в целом.

В цехах Центральной обогатительной фабрики совершается таинство получения конечного продукта, венчающего усилия представителей остальных профессий шахтерского города, — коксового концентрата. Между прочим, здесь, в Ткварчели, десять лет назад начала действовать первая в Союзе тяжелосредняя трехпродуктовая установка «Гидроциклон», благодаря которой выход концентрата увеличился на два процента. Коль скоро такая цифра может показаться кому-либо скромной, добавим к ней другую: экономический эффект от «Гидроциклона» равен 300 тысячам рублей в год. Недаром, видно, знакомиться с установкой приезжали специалисты из Англии, Индии, США, ФРГ. Но, как говорится, без людей наисовершеннейшая техника мертва. Что ж, в данном случае драматическое это несоответствие исключено. На ЦОФ трудятся люди, не уступающие Нюре Маршания ни в чем, и лучшее тому доказательство — ритмичная, с постоянным опережением графика работа предприятия.

...И все-таки сердце Ткварчели, основа основ его существования — шахта, точнее шахты, так как здесь их несколько. Мы побываем на одной, на участке № 3 шахты имени 50-летия СССР, чтобы разобраться в ряде характерных примет сегодняшнего дня наших горячков. Но раньше — предельно краткий экскурс в день вчерашний.

Ткварчели вырос на сокровищах земных недр. С конца прошлого столетия геологи вели тут разведку на каменный уголь и нашли его в количестве, предопределившем нынешнюю действительность этого уголка Абхазии. «Черное золото», причем, как мы уже знаем, в виде без преувеличения драгоценного сырья — коксуемого угля, концентраты из которого используются в основном как доменное топливо, пошло на гора из года в год расширяющимся потоком... Правда, наступило время, когда будущее великолепной житницы (кстати, по производству кокса наша страна занимает первое место в мире) было, казалось, под угрозой.

— Еще недавно скептики — я бы назвал их скорее «недальновидными пессимистами» — во весь голос утверждали, что ткварчельские шахты идут на погашение и, следовательно, городу долго не жить... Не оправдались мрачные прогнозы, хотя запасы угля, разведанные в двадцатых и тридцатых годах, в самом деле истощились. Центральный Комитет Компартии Грузии, Совет Министров республики приняли поста-

новление, направленное на дальнейшее социально-экономическое развитие Ткварчели, в котором предусматривалась разведка новых угольных полей, однако не только зона. Были намечены еще и широкие меры по строительству новых промышленных предприятий, реконструкции действующих, а также комплексная программа благоустройства города. Так что нам, ткварчельцам, еще жить и жить в нашем чудесном городе!..

Приведенный темпераментный монолог принадлежит редактору газеты «Ткварчельский горняк» Леониду Несторовичу Черкезия, о котором я с удовольствием рассказал бы очень многое — хотя бы из чувства коллегиальной солидарности и искреннего уважения к мужеству и преданности делу, помогающим сотрудникам городских и районных редакций с честью выполнять их чрезвычайно трудные и ответственные обязанности... Однако надо возвращаться в главное русло повествования.

В докладе на октябрьском (1985 года) Пленуме Центрального Комитета партии, принявшем постановление «О проектах новой редакции Программы КПСС, изменений в Уставе КПСС, Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года», Михаил Сергеевич Горбачев сказал: «Через ускорение социально-экономического развития страны — к достижению качественно нового состояния советского общества — такова формула, выражающая суть современного курса партии».

Великое складывается из малого. В масштабе государства один трудовой коллектив сравним с песчинкой в море песка. Для членов этого коллектива его проблемы, планы, достижения, провалы, взлеты, вообще все происходящие в нем события — целый мир, вся жизнь, конкретизированная во времени и пространстве Вселенная... Итак, третий участок ткварчельской шахты имени 50-летия СССР.

Сегодня здесь, как, впрочем, и во всем городе, работают в магистральном направлении, определенном апрельским (1985 года) Пленумом ЦК КПСС. Напомню его программный тезис: «Сравнительно быструю отдачу можно получить, если привести в действие организационно-экономические и социальные резервы и, в первую очередь, активизировать человеческий фактор, добиться того, чтобы каждый на своем месте работал добросовестно и с полной отдачей». Одна из важнейших примет современности — мысли, требования, находя-

щие выражение в партийных документах, воплощают в себе сущность текущего момента, органически смыкаются со спецификой задач, выдвигаемых в повестку дня самой реальностью. Нынче нести знамя стахановского движения, развернутое в годы первых пятилеток Николаем Дмитриевичем Хунтуа и его сверстниками, значит идти в ногу с научно-техническим прогрессом, в понятие которого равноправно входят и широкое внедрение в производственную практику достижений науки и техники, и то, что мы называем научной организацией труда. В еще более конкретизированном смысле это означает распространение хозрасчетных начал в народнохозяйственном строительстве — тоже актуальное требование времени и также выдвинутое партией в ряд задач первоочередной важности.

Комсомольско-молодежная бригада проходчиков Георгия Харчилава первой на участке начала работать по единому наряду, и было это осенью 1983 года. Энуки Турава, начальник участка № 3, вспоминал о первых шагах по пути внедрения хозрасчета в несколько своеобразных, приправленных самокритичным юмором, тонах:

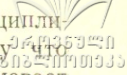
— Честно говоря, у всех нас было тогда довольно смутное представление о бригадном подряде как форме организации труда. Поэтому я сказал ребятам: «Давайте попробуем... Во всяком случае хуже от этого, наверно, не станет. Но торопиться не будем». Понимаете, я ведь отвечаю за людей, за то, как им работается и живет.

Так они и сделали — торопиться не стали, поначалу заключили с администрацией договор на оставшиеся до конца года три месяца. Когда подсчитали — а хозрасчет, как недвусмысленно говорит самый изначальный смысл слова, подразумевает прежде всего умение считать, — выяснилось: каждый из девяти членов бригады получил дополнительно к обычному заработку 50 рублей. При достаточно солидных шахтерских деньгах прибавка не особенно впечатляющая, но дело было не в сумме — в принципе. Люди убедились: можно, что называется, не надрываясь, работать лучше, производительнее и, следовательно, получать больше только за счет бережного расходования рабочего времени, материалов, энергии, разумной организации процесса труда, четкой целенаправленности своих действий — вплоть до исключения лишнего шага, нерационально расточительных жестов, потерянных на пустую болтовню сил и минут... Затем бригада заключила договор на шесть месяцев. С начала прошлого года

на единый наряд перешел весь участок — прогрессивный метод распространялся на шахту. Результаты: бригада реализовала задание одиннадцатой пятилетки уже к концу апреля 1985-го, участок — в июле, а шахта в целом рапортовала о том же 21 ноября... Вряд ли есть надобность повторять, что дать новому делу путевку в жизнь, возвести его в категорию формы общественного бытия, возможно лишь убедив в целесообразности, еще лучше — необходимости начинания людей, от которых зависит его успех и для которых оно, собственно, предназначено. Понятно, внедрению хозрасчета на шахте имени 50-летия СССР и в других трудовых коллективах города (на единый наряд переходят все новые предприятия) предшествовала кропотливая разъяснительная работа. Примечательно, что вели ее не только работники, обязанные делать это в силу, так сказать, занимаемой должности, — командиры производства различных звеньев, штатные лекторы, специалисты и т. д., но сами рабочие — естественно, те из них, кто раньше осознал преимущества прогрессивной формы организации труда. И здесь тоже обнаруживается важная примета времени, обстоятельство, свидетельствующее, с одной стороны, о жизненности шагов, осуществляемых сейчас в нашей экономике, а с другой — о действительном развитии советской демократии, проявляющемся, в частности (и особенно), в усилении роли масс в управлении производством, их политической активизации.

Виктор Усанов, проходчик шахты № 2, коммунист, передовик производства, награжденный Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Грузинской ССР и Президиума Верховного Совета Абхазской АССР, высказал такое мнение:

— По-моему, главное сегодня — люди почувствовали: настало время переходить от слов к делу, поверили, что намеченное обязательно будет реализовано, причем и в большом, и в малом. Почему рабочий человек «принимает» бригадный подряд, верит в него? Потому что, конечно, заработки выше... Да ведь не только же поэтому! Вот у нас в бригаде нет случаев, чтоб кто-нибудь на работу выпивший пришел, а раньше бывали. Думаете, все решил Указ о борьбе с пьянством? Конечно, мера важная, своевременная, общегосударственного значения. Но подойдем к делу и с другой стороны: тот, кто выпил, — не работник, особенно если он шахтер. А мы — на хозрасчете. Упрощенно — заработок идет в общий котел. Чего же ради прощать тому, кто хочет на дармовщинку про-

ехаться?.. Бригадный подряд превратил борьбу за дисциплину во всех видах в жизненную необходимость, потому что дисциплина — то же, что справедливость, она подразумевает равную требовательность к каждому. К примеру, у меня пятый разряд и заработок составляет в среднем 500 рублей в месяц. Если напарник хочет зарабатывать столько же, то пусть трудится со мной наравне.

Нуждается ли это в комментариях? Усанов как нельзя лучше сформулировал глубинный, социально-политический смысл хозяйственного расчета, выразил его нравственный аспект. Он, к слову, агитатор и содержание этой сферы своей деятельности понимает как задачу «...не официальным пустословием заниматься, а по-деловому обсуждать с товарищами злободневные вопросы, вместе искать, что и как делать для общего дела».

Вы, кстати, заметили национальное разнообразие, естественно отразившееся даже в немногих названных выше фамилиях? Да, Ткварчели — город ярко выраженного интернационализма, и говорить тут особенно не о чем, разве что о материях общеизвестных: там, где в центре человеческого существования находится общая большая цель, связанная с созданием вещественных благ, в данном случае хлеба металлургии — коксоконцентрата, неизбежно отодвигаются на задний план всякого рода проявления национальной ограниченности, уступая место рабочей солидарности. Доминирующая же роль общечеловеческих — в лучшем смысле слова — ценностных критериев в жизни какого бы то ни было сообщества людей (здесь — города) представляет собой самую благодатную почву для расцвета честных, чистых, здоровых взаимоотношений. Что же касается духовной культуры, олицетворяющей неповторимость любого народа — а в Ткварчели живут представители двадцати семи национальностей, -- то ее богатства приумножаются под воздействием самого местного стиля жизни. Лишь одна иллюстрация: на шахте № 8 есть вокально-инструментальный ансамбль, в репертуаре которого грузинские, русские, абхазские, украинские песни, и достаточно однажды стать свидетелем того, как его принимают, независимо от характера исполняемых произведений и состава аудитории, чтобы понять — в Ткварчели действительно не существует национального вопроса.

Важный момент, внушающий уважение к дальновидности руководителей города, — в их умении правильно ориентироваться в многогранной сложности проблем, особенно актуальных

именно сегодня. Речь идет о пристальном, все более серьезном внимании, с которым они относятся к организации досуга горожан. Не досуга в тривиальном толковании, не просто, скажем, рабочего перерыва, субботнего вечера или воскресного дня, но и того, и другого, и третьего, взятых вместе и таким образом предстающих перед нами уже в новом качестве — времени, не занятого трудом. Иными словами, имеется в виду стремление достичь гармонического соотношения между темпами интенсификации производства и темпами интенсификации духовной жизни трудящихся. Собственно, «рецепты» тут известны, ничего принципиально нового придумывать не приходится, надо просто во всей полноте задействовать безграничное разнообразие средств, скучно-привычно именуемое «арсеналом форм и методов политико-воспитательной, культурно-просветительной, физкультурно-спортивной, общественно-массовой работы». В чем же тогда заключаются предпринятые в городе шаги на этом пути? Они просты и эффективны: ткварчельцы успешно осваивают искусство человеческого общения. Мы приехали сюда под вечер — и стали участниками народного праздника, посвященного Дню шахтера. Именно участниками, а не свидетелями, так как праздник получился в самом деле народным — было весело, непринужденно, тепло на душе от множества доброжелательных друг к другу лиц, и кто хотел — танцевал под несмолкавшую, однако не навязчивую музыку, кто-то о чем-то увлеченно рассказывал, и было много смеха, и не было на этом празднике чужих, а расходились поздно, потому что грядущий день был воскресный, и неохотно, ибо расходиться не хотелось... Можно, разумеется, возразить — в том плане, что, мол, Ткварчели город небольшой, в нем все между собой знакомы, и данное обстоятельство, здесь задачу предельно упрощающее, оборачивается своей противоположностью, например, в Тбилиси. Но что есть современный большой город, как не несколько городов, значительно поменьше, чьи пределы обозначены границами районов? Да и, право, не такой уж он маленький, нынешний Ткварчели, чтобы все друг друга «в лицо» знали; скорее напротив: описанный выше и многочисленные иные вечера как раз и ставят целью умножать подобные знакомства, расширять их круг по принципу: «Мои друзья — мое богатство»... Впрочем, я далек от намерения сводить разговор на тему «интенсификации духовной жизни» ткварчельцев (термин, между прочим, принадлежит одному нашему писателю, всесторонне занимающемуся этой пробле-

мой) к задаче преодоления, фигурально выражаясь, некой «полосы отчуждения» меж индивидами как атрибутивного попутчика урбанизации, хотя это объективно существующая реальность, — какой процент жильцов вашего восьмэтажного дома лично знаком вам, читатель?.. Городские партийные, советские, другие органы и учреждения Ткварчели ведут большую полезную работу в затронутом направлении, и нетрудно было бы перечислить формы, в которых она осуществляется. Вряд ли стоит это делать. Значительно важнее, на мой взгляд, акцентировать принцип подхода к делу. Он незамысловат, как все мудрое: последовательность и сугубо отрицательное отношение к эпитетам «мелкое», «незначительное», «второстепенное».

Секретарь комитета комсомола шахтоуправления «Ткварчельское» (созданная в мае прошлого года первичная организация объединяет около пятисот членов ВЛКСМ) Вахтанг Пипия, увлеченно делаясь планами на будущее, попутно очень подробно, эмоционально, даже, пожалуй, с вдохновением живописал процесс... ремонта сетчатого ограждения спортплощадки в поселке Поляна. Повествовательный энтузиазм молодежного вожака был обусловлен не одним личным участием в этой волнующей кампании местного масштаба, в его основе лежало понимание без малейшего преувеличения социального подтекста достигнутого результата. Вольно теоретизирующим товарищам рассуждать о великой пользе физической культуры и спорта в деле формирования гармонически развитой, здоровой телом и душой личности. А тут улетит мяч в Галидзгу — вовек не отыщешь. Если же и отыщешь, то один черт: пока игра возобновится, столько времени зря уйдет, что весь вкус к ней потеряешь... Да, вы правильно расцениваете ситуацию, логично вырисовывающуюся из приведенной детали: Ткварчели весь расположен в горах, шахтерские поселки — ступени высотой в добрые десяток-полтора метров, а после смены в город что-то не хочется ехать, хорошо бы прямо у дома сыграть в волейбол, в ручной мяч, мини-футбол, а мяч так и норовит скакнуть «ступенькой» ниже, тут ничего не поделаешь — гравитация, а внизу речка, да к тому же такая зловредная... Короче, в жизни намного прозаичнее, чем в теории: нет ограждения — не будет и гармонически развитой личности. Поэтому о двух днях, проведенных в Поляне, Вахтанг рассказывал с не меньшей гордостью, чем о далеко идущих плачах полутысячного отряда комсомольцев-горняков, где есть и пресбраования в системе

политического просвещения, и новинки в деле экономического образования молодежи, и широкая программа мероприятий в области контрпропаганды. И в такой — единственно верной — позиции комсомольского секретаря отражен реализм отношения к жизни всего руководящего звена, Ткварчели в целом, ибо, как отмечалось, это город-личность.

Еще его правомерно назвать городом-рабочим. Здесь 11 промышленных предприятий, 144 объекта бытового обслуживания, торговли и общественного питания, Дворец культуры металлургов, 6 средних, 2 восьмилетних, музыкальная, художественная, спортивная школы, 2 — рабочей молодежи, учебно-производственный комбинат, профессионально-техническое училище, Дом культуры энергетиков, 2 клуба, 7 библиотек, народный театр... Не так уж мало для города с 22-тысячным населением. Город предоставляет человеку возможность найти дело по душе; тот, полюбив свою профессию, считает ее лучшей, верно ей служит. Но, требуя от людей добросовестной работы, город берет на себя обязательство заботиться о них. Таково неперемное условие честной сделки (вполне, между прочим, добропорядочное слово, если понимать его буквально).

...Первые два дня мы наслаждались ткварчельским воздухом — упительной смесью прохлады вплотную подступивших горных вершин со свежестью, источаемой чудовищной массой близкого моря. Проснувшись утром третьего, с ужасом обнаружили, что Ткварчели покрыт слоем сажи. Она лежала на крышах автомашин, доверчиво заночевавших на пригостиничной стоянке, предательски спешила прилипнуть к неосмотрительно приложенной к подоконнику ладони — и, щедро источаемая гигантской трубой городской ГРЭС, продолжала с победоносной наглостью изливаться в девственно чистое накануне небо.

Орден Арсеньевич Циколия, секретарь партийного бюро энергетического сердца Ткварчели, смущенно, будто и впрямь был ответствен за недостойное поведение этой самой трубы, пообещал:

— К двенадцати часам приведем ее в порядок... У нас трудные времена — идет реконструкция электростанции, причем, как вы понимаете, без остановки. Останавливать то нельзя...

Слово Ордена Арсеньевича оказалось на поверку твердым. ГРЭС действительно перестала дымить. А вот в целом положение на электростанции было в самом деле куда как

сложным. И в полном соответствии с законом, согласно которому в экстремальных обстоятельствах подлинные человеческие качества (и, добавим, уровень организации дела) выявляются особенно выпукло, город-личность сверкнул новой гранью своего незаурядного характера.

В идиллические времена родственной близости человека с природой художники слова, стремясь вызвать в читателе представление о необычайной мощи какой-нибудь машины, сравнивали последнюю с гигантским ревущим зверем. В век победного шествия по планете научно-технического прогресса такая попытка заранее обречена на неудачу. Поэтому вообразите сотню (плюс-минус несколько штук — значения не имеет) паровозов, и, если грохот беснующегося под огромным давлением пара не лишит вас дара речи, вы слабо произнесете:

— Вот, значит, что такое старенькая тепловая электростанция...

Мы пробыли на производственной территории Ткварчельской ГРЭС около получаса — и почти оглохли. Впрочем, Орден Арсеньевич уверял, что к этому можно привыкнуть. Так или иначе, шум, который чрезвычайно затрудняет работу обслуживающего персонала, — лишь одно из обстоятельств, настоятельно потребовавших коренной реконструкции станции: ее оборудование устарело и морально, и физически. Недостаточная, мягко выражаясь, компетентность в подобных вопросах побуждает нас благоразумно обойти молчанием техническую сторону дела и перешагнуть непосредственно к сути сегодняшних трудностей трудового коллектива ГРЭС.

Рядом с эксплуатационниками, практически вплотную к ним, сейчас — и уже много месяцев — работают монтажники. Это нервирует, это мешает энергетикам выполнять обязанности, делать свое нелегкое, требующее особой сосредоточенности, неотрывного внимания дела. Наконец, реконструкция предприятия без остановки (будем реалистами) неизбежно порождает вопрос: почему я должен за те же деньги трудиться в более сложных условиях?.. Пусть упоминание о деньгах не вызывает ханжески-укоризненной гримасы — все мы трудимся и за деньги тоже. Между тем в городе интенсивно развиваются новые для Ткварчели отрасли промышленности, вступают в строй современные предприятия, где и работать легче, и заработки повыше... Мы подошли к главному: затянувшаяся реконструкция ГРЭС обусловила текучесть кадров, достигшую в 1984 году 18 процентов. Что это

значит для производства, ясно, наверное, даже очень далекому от него человеку. А теперь возьмем сегодняшний день: от восемнадцати процентов остались шесть, и текучесть продолжает уменьшаться.

Само собой, администрация, партийная, профсоюзная, другие общественные организации принимали все доступные им меры в борьбе с главной для любого производства бедой. Центральное внимание — жилищной проблеме. Уже никто из работников предприятия не живет в строениях барачного типа. В минувшем году был построен новый 45-квартирный дом для энергетиков. Капитально отремонтирован упоминавшийся выше Дом культуры, приобретены современная киноустановка стоимостью 10 тысяч рублей и новая мебель в зрительный зал. Сооружается спортивно-оздоровительный комплекс (стадион, плавательный бассейн, игровые площадки и т. д.); на него — еще 60 тысяч. Перечень можно продолжить, но... Как все это ни важно, все-таки не об этом в первую очередь очень хочется сказать автору. А о тех людях, которые, несмотря на все трудности, не покинули попавший в шторм корабль. Их было много, и называть кого-то значило бы обходить молчанием других. А те, что пришли на станцию взамен ушедших — особенно в пик текучести? И, в конце концов, реконструкция, которая приведет к резкому снижению шума на производстве, позволит полностью перевести установки и оборудование ГРЭС на дистанционное управление, то есть несравнимо улучшить условия труда, — она ведь должна в основном завершиться лишь к концу года... Выходит, дело не в одних только сиюминутных, вещественных благах, и поистине не хлебом единым мы живем... На этой грани яркого и — не будем в данном случае избегать сильных определений — красивого облика Ткварчели, сверкнувшей перед нами отчасти в результате небольшой аварии на электростанции, хотелось бы поставить точку в рассказе о городе, которому нет еще и полувека, но который так много успел. Потому что верность трудовому коллективу, оказавшемуся в затруднительном положении, со стороны ветеранов и готовность связать с ним судьбу, проявленная нынешними новичками, как и сотни других примеров подлинной гражданской ответственности ткварчельцев, питаются одними корнями — высокими нравственными качествами. Мы же вели разговор о Честности.

ВЫДАЮЩИЙСЯ советский ученый Н. Я. Марр был крупнейшим филологом - кавказоведом широкого профиля и в первую очередь грузиноведом и арменоведом.

Нет ни одного узлового или сколько-нибудь важного вопроса из истории древнегрузинской духовной культуры, который не явился бы предметом специальных научных изысканий Н. Я. Марра. На протяжении всей своей научной деятельности он с особой настойчивостью и любовью разрабатывал руствелологическую проблематику.

По свидетельству академика И. А. Орбели, «из всех поэтов древности Н. Я. Марр особенно чтит и любит бессмертного Шоту из Рустава»¹. И это действительно так. Н. Я. Марр вкладывал свой большой талант в дело всестороннего изучения весьма сложного поэтического наследия Руставели. Однако он не всегда был последователен в своих суждениях, нередко высказывал явно противоречивые мысли, допускал серьезные ошибки как методологического, так и историко-литературного порядка.

¹ Памятники эпохи Руставели, Л., 1938, с. 21.

Александр БАРАМИДЗЕ

МАРР- РУСТВЕЛОЛОГ

●

К 120-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. Я. МАРРА

Н. Я. Марр был глубоко убежден в том, что древнегрузинская литература развивалась в тесной связи с культурой соседних народов (византийцев, сирийцев, армянцев, персидцев, арабов, персов, азербайджанцев и других). Вместе с тем на первых порах он чрезмерно преувеличивал роль внешних творческих сил.

Н. Я. Марр не раз подчеркивал, что руствелологическая проблематика для него является соподчиненной частью его общетеоретической схемы зарождения и развития древнегрузинской светской литературы. В 1910 году Н. Я. Марр писал: «Взгляд наш на поэму Шоты — неразрывная часть общего теоретического построения о возникновении и расцвете древнегрузинской светской литературы».

То же самое повторял он и в 1917 году: «В схеме теории (возникновения и расцвета древнегрузинской светской литературы) и найдено было место как поэту Шоте, так и его творению».

В 1917 году Н. Я. Марр признал свою теорию возникновения и развития древнегрузинской светской литературы под персидским влиянием устаревшей, в 1920 году она была опровергнута им же. К сожалению, именно в свете этой — впоследствии опровергнутой — теории ставились и решались важнейшие историко-литературные вопросы поэмы «Витязь в барсовой шкуре».

В своей первой специальной руствелологической статье, опубликованной в 1890 году на грузинском языке («По поводу «Вепхисткаосани», газета «Театри», № 12), Н. Я. Марр писал: «Кто доказал, что «Витязь в барсовой шкуре» не есть перевод с персидского?» Тогда еще совсем молодой ориенталист самоуверенно заявил, что в ближайшем будущем он представит на суд читателей предполагаемый оригинал поэмы Руставели, повесть «Шарьер-Намэ», хранящуюся в рукописном фонде Британского музея. Вскоре, однако, выяснилось, что «Шарьер-Намэ» ничего общего не имеет с поэмой Руставели. Но Н. Я. Марр продолжал поиски, упорно настаивая на своем: «Я продолжаю надеяться, что рано или поздно в персидской литературе всплывет и тот роман, прозаический перевод которого послужил материалом творцу поэмы «Витязь в барсовой шкуре». Хотя поиски и были безрезультатны, Н. Я. Марр не переставал твердить: «Сюжет (поэмы Руставели) заимствован из персидской литературы, но на персидском языке до сих пор не находим подлинника или хотя бы каких-либо следов его».

Впоследствии Н. Я. Марр все-таки вынул голосу критики. «В свое время естественно было грешить», — писал он и самокритично пояснял: «Литературное строительство в Грузии да было нам видно, естественно, лишь со стороны фасадов, обращенных к внешнему миру... Не было ни опоры, ни стремления проникнуть за фасады... Ставились и решались проблемы формального порядка и в пределах внешних отношений». «Мы очень чутко подмечаем малейшее движение чужеземных мировых цивилизаций, оказавших влияние на грузинскую литературу, регистрируем все привносы их языков, но мы не знаем сил, шедших из самой грузинской почвы, не знаем главного источника осведомления касательно всех генетических вопросов, связанных с социальными явлениями, мы не знаем грузинского языка в его независимом образовании. Это знание заставило бы нас пересмотреть вопрос о заимствовании», — говорил Н. Я. Марр во вступительной лекции курса грузинского языка, прочитанного им в 1927-1928 гг. в Национальной школе живых восточных языков в Париже.

Знаменательно, что для иллюстрации крушения «теории заимствований и внешних творческих сил» Н. Я. Марр ссылался как на «чрезвычайно разительный пример» на «величайшую проблему грузинской литературы, творение гениального грузинского поэта Шоты Руставели «Витязь в барсовой шкуре».

Н. Я. Марр постепенно отходил от своих первоначальных взглядов в вопросах о путях развития древнегрузинской литературы и о месте Руставели в истории грузинской и мировой поэзии. По словам ученого, «стала намечаться идейная самостоятельность, даже самобытность поэмы «Витязь в барсовой шкуре». Перелом уже чувствуется в классическом труде Н. Я. Марра «Древнегрузинские описцы» (СПб., 1902, ТР, IV). В блестящем научно-публицистическом очерке «История Грузии» (СПб., 1906) Н. Я. Марр показал, «на что был способен гений маленького грузинского народа, когда он обеспечивал себе урывками мирное, но свободное развитие своих культурных сил». Н. Я. Марр очень многое сделал для обоснования самобытности и оригинальности идейного содержания «Витязя в барсовой шкуре», освещения мировоззрения и художественного мышления великого грузинского поэта. В 1910 году появилась замечательная работа Н. Я. Марра — «Вступительные и заключительные строфы «Витязя в барсовой шкуре» Шоты из Рустава с этюдом Культ женщины и рыцарство в поэме» (ТР, XII, СПб). Об этой работе Николая Яковлевича академик

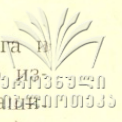
И. А. Джавахишвили говорит: «Первая прекрасно написанная монография о мировоззрении, целеустремленности и поэтических взглядах гениального автора «Витязя в барсовой шкуре» принадлежит академику Н. Я. Марру. Это его исследование положило начало новой эпохе в изучении «Витязя в тигровой шкуре» (1935).

В названной работе Н. Я. Марр научно разрабатывает положение о рыцарской идеологии и культуре женщины. По мнению Марра, «патронкмоба» (разновидность европейского вассалитета), форма общественных отношений, объединяющая славных героев-побратимов «Витязя в барсовой шкуре», есть «продукт местной жизни, родной (грузинский) институт, а не заносное культурно-социальное понятие». А основная идея поэмы Руставели — «культ женщины, аналогичный тому, что наблюдаем в христианской Европе». «Культ женщины, идеализированная любовь с преклонением перед нею — детище изысканно образованного грузинского общества эпохи Тамары», «Культ женщины... мы не находим ни в одной из известных восточных мусульманских литератур», — подчеркивает Н. Я. Марр в 1917 году. Ученый утверждает, что зарождение и развитие культа женщины имеет «свою историю на грузинской почве», что «без перелома в нравственных воззрениях и без внутренней подготовки... древнегрузинское общество не могло ни выработать, ни даже усвоить поклонение женщине. Нужна была собственная психологическая зрелость. К культу женщины в век Тамары и свободному провозглашению любви к женщине как явлению, равноценному культу бога, вел, несомненно, длинный путь» (1910). Этот «длинный путь» прослежен Н. Я. Марром с глубоким знанием материала и тонким анализом фактов. Н. Я. Марр пишет также о том, что поэма «Витязь в барсовой шкуре» «проникнута свободным от христианской церковности светским духом» и что будто бы Руставели даже «не исповедует церковных взглядов на будущий мир».

Н. Я. Марр убедительно показал, что Шота Руставели — передовой для своего времени, прогрессивно мыслящий поэт, антиклерикал и антидогматик, в неподражаемой художественной форме отображающий явления чисто грузинской социальной и национальной действительности.

Попутно Н. Я. Марр дает решительную отповедь нигилистам-руствелологам, отвергающим пролог «Витязя в барсовой шкуре», как позднейшую интерполяцию.

В прологе «Витязя в барсовой шкуре», справедливо гово-

рил Н. Я. Марр, «и по музыкальности, и по сжатости слога и образности мысли мы находим лучшее, что только вышло из-под пера Шоты». «В какую эпоху после Тамары, — спрашивал он, — писали в Грузии языком и стихами ставшего спорным вступления?.. Ведь эпоха Тамары не повторялась в истории Грузии: другого Шоты из Рустава нет в грузинской литературе».

В 1910 году Н. Я. Марр громогласно провозгласил, что поэма Руставели действительно «общенародное достояние», что «в ней грузины по праву видят высшее проявление своего гения в литературе», что «на славу «Витязя в барсовой шкуре»... (грузины) смотрят как на национальную гордость, более того — священную реликвию родной исторической жизни, народную святыню». Именно так оценивал значение поэмы Руставели для грузинского народа и общепризнанный вождь национально-освободительного движения Грузии XIX века, выдающийся поэт и мыслитель И. Г. Чавчавадзе.

В 1917 году Н. Я. Марр опубликовал новую монографию под интригующим заглавием — «Грузинская поэма «Витязь в барсовой шкуре» Шоты из Рустава и новая культурно-историческая проблема». Весь пафос этой монографии состоял в декларировании совершенно необоснованной и в корне ошибочной концепции о большой созидательной роли мусульманства в истории грузинской духовной жизни. Н. Я. Марр требовал пересмотра «шаблонного» представления о XIII—XIV веках как о времени «мерзости запустения», признавая, что и сам какое-то время находился «под влиянием традиционного грузинского взгляда» и глубоко заблуждался, когда писал: «ряд стихийных нашествий, в этот раз монгольских, постепенно упразднил всю культурную работу грузин, смыл с лица земли ее крупные результаты и вернул Грузию в первобытное сравнительно состояние». Теперь же Н. Я. Марр пытается доказать, что XIII—XIV века, период установления монгольского господства и начала исламизации (XIV в.) южногрузинской области Месхети, предполагаемой родины Руставели, являлись «цветущей эпохой» этого края. Месхети XIV—XV веков, по выражению Н. Я. Марра, — «областной центр пышной грузинской культуры», а вершиной месхской культуры является Руставели — «творец мировой ценности в местной областной оправе».

Хотя Н. Я. Марр и доказывал, что «Витязь в барсовой шкуре» — творение гениального поэта, по своему настроению бесспорно мирового, с мировыми общечеловеческими запроса-

ми, без малейшей тени навязчивой личной или националистической тенденции», тем не менее он считал, что поэма сильно проинизана месхизмами как языково-стилистического, так и мировоззренческого порядка.

По мнению автора этой новой историко-культурной концепции, «общий дух поэмы и общее настроение ее творца, с одной стороны мусульманско-культурное, с другой — грузинско-народное». следовательно, заключал он, знаменитая поэма создавалась не при дворе царицы Тамар и не на рубеже XII—XIII веков, а в XIV веке («не позже конца этого века») в мусульманизированной Месхети. Н. Я. Марр писал, что совершенно бесспорна «мусульманско-религиозная ориентация творения грузинского поэта», что вне всякого сомнения «господство мусульманской атмосферы в поэме» и что, наконец, автор поэмы, «величайший грузинский поэт, с бесподобным мастерством открывающий нам дух и неисчерпаемые художественные богатства грузинской народной речи... не христианин, а мусульманин».

После подобной решительной переоценки важнейших историко-культурных проблем вообще и историко-литературных вопросов руствелологии в частности, как ни странно, Н. Я. Марр неожиданно так заключает свою монографию: «И тем не менее наша теза вовсе не та, что Шота из Рустава не есть современник царицы Тамары и он бесспорно мусульманин. Все приведенные нами факты и соображения, как бы клонящиеся к установлению новой даты возникновения поэмы «Витязь в барсовой шкуре» и к новому освещению личности автора, пока имеют лишь одно назначение — внушить основательность сомнений в традиционном представлении о культурной среде и о времени литературной деятельности грузинского месхского поэта Шоты из Рустава, вселить убеждение, что эти сомнения возбуждаются в интересах более реалистического и, следовательно, более правильного понимания знаменитой поэмы. Нашей же тезой является то, что знаменитая грузинская поэма возникла в определенной не только национальной, но и племенной среде в фокусе общекавказских культурно-исторических течений, в частности мусульманского и христианского живого, народного взаимодействия».

Не задерживаясь на рассмотрении вопроса о религиозных воззрениях Руставели, мы хотим процитировать еще одно место из этой монографической работы Н. Я. Марра: «Во всей поэме (Руставели) нельзя указать ни одного места, ни одного слова, которое, если речь идет об исламе, про-

являло бы сколько-нибудь шутливый тон автора по отношению к мусульманину». В посмертно опубликованном исследовании «О технике языка и мышления Руставели» Н. Я. Марр пишет: «Единый бог» Шоты не имеет ничего общего с магометанским религиозным восприятием единства», а главный герой «Витязя в барсовой шкуре» Тариэл «смеется... над беспомощностью усилий ученых служителей магометанского культа помочь ему религиозными целебными средствами». Вторым любимым автором герой поэмы — Автандил, по исповеданию тоже мусульманин, хотя и молится в мечети, но «за такую молитву мусульманину предстоит, при самом снисходительном отношении, одно: быть отлученным от ислама вероотступником, глумящимся над религией пророка Мухаммеда и его верных последователей». Таким образом, «отнюдь не богу единому мусульман и его пророку Мухаммеду молился его герой в мечети».

Несмотря на ошибочность в целом концепции Н. Я. Марра, развитой в монографии 1917 года, в ней имеется очень много метких высказываний, остроумных филологических и литературоведческих замечаний, любопытных сопоставлений, отдельных глубокомысленных обобщений и т. д. касательно языка и стиля Руставели, народно-национального духа поэмы и ее бесспорно мирового, общечеловеческого значения.

Н. Я. Марр, в частности, писал: «Конечно, поэму Руставели отнюдь нельзя считать «простым стихотворным переложением грузинского прозаического перевода персидского подлинника», как предполагалось раньше, что «по своему идейному содержанию и бесподобному художественному выражению, антидогматическому мировоззрению, народному духу и гуманизму «Витязь в барсовой шкуре» занимает почетное место в истории мировой поэтической культуры».

В своих поздних работах Н. Я. Марр по существу отрекся от «новой историко-культурной» концепции в целом, отказался от датировки поэмы XIV веком, восстановил в правах тезис об идентичности поэтов Чахрухадзе и Руставели.

Очень много внимания уделял Н. Я. Марр текстологическим вопросам поэмы «Витязь в барсовой шкуре». Он справедливо считал, что дошедший до нас в рукописях сравнительно позднего времени текст поэмы сильно «изуродован». Особенно много искажений в прологе. Н. Я. Марр дал прекрасный образец «опыта восстановления подлинного текста» вступительных и заключительных строк «Витязя в барсовой шкуре» (ТР. XII, 1910). Критически установленный текст он снабдил

русским переводом с обстоятельными пояснениями и комментариями. О своем переводе Н. Я. Марр говорит: «Я стараюсь точно передавать мысли и настроения поэта, но не гонюсь за букввальным переводом грузинских слов и особенно форм».

Очень нелестно отзывался Н. Я. Марр о печатных изданиях и переводах поэмы: «Несмотря на существование нескольких десятков изданий грузинской поэмы, нет доселе ни одного в какой-либо мере надежного текста в печати. О переводах... говорить не приходится» (Об истсках творчества Руставели, Тбилиси, 1964).

В заключение нужно сказать, что руствелологические работы Н. Я. Марра не утратили своего научно-познавательного значения. При критическом подходе к ним они могут принести большую пользу в освоении великого поэтического наследия Руставели. Многие руствелологические работы Н. Я. Марра остались неизданными. В архиве ученого сохранились черновые записи его лекций, заметки по вопросам мировоззрения, языка и стиля Руставели, текстологические наблюдения, параллели «Витязя в барсовой шкуре» из грузинских и иностранных источников, критические замечания об изданиях и переводах поэмы, рецензии и т. д. Новые материалы неравноценны, но значение их, равно как и необходимость их публикации, не вызывает сомнений. Несомненно, назрел также вопрос о переиздании основных печатных руствелологических работ большого советского ученого и крупнейшего руствелолога Николая Яковлевича Марра.

Н. Я. МАРР — известное имя как в грузинской, так и в мировой науке. Особое значение имеет его вклад в грузинскую литературу.

Славное дело возрождения национальной науки, начатое Теймуразом II Багратиони, Мари Броссе, Давидом Чубинашвили, Платоном Иоселиани, Александром Цагарели, Дмитрием Бакрадзе, Александром Ханашвили, было достойно продолжено новой плеядой грузинских деятелей, среди которых был Николай Яковлевич Марр.

И становление качественно новой картвелологии (и не признавать этого нельзя) прежде всего связано с именем Н. Я. Марра.

«Марр поднял грузинскую филологию до уровня современной западноевропейской», — отмечал Иванэ Джавахишвили, имея в виду вклад Н. Я. Марра в расширение масштабов картвелологии и использование им качественно новых методов исследования. Действительно, нет почти ни одной области картвелологии, история это или языкознание, история литературы или текстология, искусствоведение или археология, в развитие которых не внес бы перспективный вклад Николай Яковлевич Марр.

Саргис ЦАИШВИЛИ

Николай Яковлевич Марр

Этого исследователя колоссальной энергии, наряду с владением эмпирическим материалом, характеризовала способность делать обобщающие и, на первый взгляд, неожиданные выводы. Он был неутомим, и если сегодня находился на раскопках в окрестностях Апи, завтра он искал уникальные древности в Тао-Кларджети, либо читал лекции в Петербургском университете, или заседал на международном конгрессе, где знакомил слушателей с новыми, еще в зачаточной стадии, теориями. Восторгаясь этой его неутомимой практической деятельностью, его ученик и соратник Акакий Шанидзе как-то писал: «Просто удивительно, как он успел сделать то, что нам завещал».

Недавно исполнилось 120 лет со дня рождения Николая Яковлевича Марра. Эту юбилейную дату отмечала вся наша научная и литературная общественность, весь народ. Авторитет ученого был высок уже при жизни и возрос еще больше в дальнейшем. Имя его у нас стало синонимом истинного ученого, синонимом науки вообще. Многое, связанное с его личностью, окутано туманом легенд и преданий.

Наверное, многие из вас, наслышанные о необыкновенных способностях Марра к языкам, задавались вопросом—все же сколько языков он знал, каким владел лучше? По сведениям Эвтиме Такашвили¹, его большого друга, Марр еще в гимназии изучил классические и почти все основные европейские языки. Несомненно одно — он был лингвистом, и если была в том надобность, в кратчайшие сроки изучал язык, который был нужен при исследовании закономерностей развития языков.

Полны преданий приключения предков Н. Я. Марра. Почему поселились они в Грузии, почему избрали для своей деятельности далекую Грузию, как получилось, что они обосновались в нашей стране?!

Сегодня, кроме прямых потомков Марра, эту фамилию носят несколько грузинских семей. Прямым потомком Н. Я. Марра является, например, известный грузинский альпинист, вице-президент Географического общества Иванэ (Како) Марр и т. д.

Но вернемся к старой истории о том, как поселились сами Марры в Грузии, к истории, которая прямо связана с биографией ученого и потому не должна быть лишена ин-

¹ Известный грузинский ученый и общественный деятель.

интереса для нашего читателя. Тем более, что за последнее время стали известны некоторые новые сведения.

Из семьи Марров первым приехал в Грузию отец Яков Яковлевича — Яков Патрикиевич Марр-Монтегю. По происхождению он был шотландцем и родился в селе Луиже (по некоторым сведениям — в 1793 году). Он был младшим сыном в семье Марров и, не нарушая майората, свою часть поместья уступил старшему брату, взамен же ему выделили определенную, видимо, небольшую сумму.

В поисках счастья он отправился в другие страны. Несколько лет находился в Испании, где обзавелся семьей — женился на испанке Факунде Антонио, а затем оказался в России.

Некоторое время служил в Одессе, а с двадцатых годов прошлого века приехал в Грузию. По профессии он был ученым-агрономом, но поначалу занимался коммерцией.

Здесь он встретил резкое сопротивление со стороны местных армянских купцов. Дело в том, что в то время монополия на торговлю была полностью в их руках, и приезжему иностранцу, как это было уже узаконено, право на коммерцию давалось только с их согласия. Иначе говоря, пришлый коммерсант должен был давать им товар оптом, а они этот товар по выгодным для них ценам доставляли покупателям.

Здесь невольно вспоминается сравнительно более давний, но аналогичный факт. Такую же борьбу вели тбилисские местные купцы с патерами-миссионерами — своими потенциальными конкурентами и, как известно, вынудили царя Теймураза принять против них жесткие санкции. Эту постыдную историю, между прочим, рассказал Михаил Тамарашвили в своей книге «История католичества в Грузии».

Существует документ о том, что именно на основании жалоб тбилисских купцов генерал Вельяминов издал приказ, согласно которому Якову Марру запрещалось самостоятельно заниматься коммерцией (дата приказа: 8 октября 1821 года).

Именно с того времени, видимо, из-за неприятностей, Яков Марр перебирается в Гурию, живет при дворе князя Мамиа Гуриели и работает агрономом в Западной Грузии — в Кутаиси и разных уголках Гурии и Имерети.

Особой живописностью отличаются села в районе Чохатаури вдоль реки Супсы — Букисцихе, Даблацихе, Сакваviste. Именно тут поселился Яков Марр.

Но прежде произошел один примечательный эпизод, полностью выявивший нравственную чистоту Якова Марра. Правитель Гурии князь Мамаи пожаловал Якову поместье вместе с несколькими крепостными семействами возле Дидубетского ущелья. Но Яков, оказывается, отказался принять в дар крепостных. Этот его шаг специально отмечался на страницах газеты «Дрозба», где речь шла о ранних заслугах Якова Марра: «Марр достоин похвалы: правитель Мамаи Гуриели предложил ему несколько дворовых с поместьями, но как честный и совестливый человек он спокойно отверг этот дар, ответив: «Совесть и здравый смысл не дают мне права держать рабами себе подобных» (газета «Дрозба», 1874 г., № 421).

Но дело было еще и в том, что для хозяйства того типа, которое собирался заводить Яков, эти места оказались непригодными, и, как уже было сказано, опять-таки с помощью Гуриели он обосновался вблизи Чохатаури, в поместьях Михаила Эристави.

Семья Якова Марра в это время состояла из жены и двоих детей: дочери, которую звали Евгенией (впоследствии мадам Фабр), и сына Ивана. От потомков Ивана — те несколько семей Марров, которые ассимилировались среди местных жителей и впоследствии проявили себя истинными грузинами.

Дочь Якова, мадам Фабр, внесла довольно-таки значительный вклад в дело просвещения в Грузии. Кто несколько знаком с недавней историей нашей страны, тому должно быть известно плачевное положение в области просвещения в первой половине XIX века. Тем более в сфере женского образования.

Так вот, еще в 1854 году в Тбилиси один из первых женских пансионов возглавила дочь Якова мадам Фабр.

Здесь, наряду с другими предметами, девушек обучали грузинскому и иностранному языкам. Воспитанницами этого пансиона были, между прочим, известные грузинские писательницы Екатерина Габашвили и Анастасия Туманишвили-Церетели. Тут же отмечу и тот малоприятный факт, что в некоторых специальных трудах, касающихся вопросов истории просвещения в Грузии, не отмечено, что мадам Фабр была дочерью Якова и старшей сестрой Н. Я. Марра.

Добавлю и то, что в семидесятых годах мадам Фабр возвратилась в Англию, но до конца жизни не порывала свя-

зей с Грузией и, оказывается, часто приезжала на свою вторую родину навестить брата и племянников.

Что касается самого Якова, хотя он с семьей и обосновался в селе Даблацихе, но работал в Кутаиси. Значительный вклад внес Яков Марр в дело насаждения в Грузии редких сельскохозяйственных культур. Опыты, проводимые Марром, рисуют его одним из самых активных деятелей, насаждавших культуру чая в Грузии. Кусты чая, разведенные Яковым Марром вблизи Чохатаури в селе Гора (в настоящее время Горабережоули), и навели на мысль, что Грузия представляет благоприятную почву для интенсивного развития чайного хозяйства. Ему же принадлежат разведение устойчивой к филлоксере крымской и одесской лозы, попытки пересадки трапезундских сортов табака и многое другое.

Известно также, что по инициативе Якова Марра и благодаря его заботам был построен кутаисский бульвар и разбит озургетский лесопарк. Старожилы Кутаиси и сейчас помнят рассказы о «фермах» Якова Марра. Здесь еще с сороковых годов прошлого века были учреждены опытное хозяйство и сельскохозяйственная школа, где готовили агрономов. Какое значение имели в то время училища такого типа, можно понять из известной речи Ильи Чавчавадзе, посвященной открытию в 1886 году сельскохозяйственной школы Цинамдзгвантари, которая была организована позже «ферм» Якова Марра. Между прочим, надо сказать и то, что именно на базе «ферм» возник затем Кутаисский сельскохозяйственный техникум и наконец Кутаисский сельскохозяйственный институт...

Здесь я думаю вернуться к вопросу о том, почему именно в Россию, а затем в Грузию направился из Шотландии Яков.

Выясняется примечательная история. Еще молодым в Англии Яков сблизился с знакомой нам из истории личностью — графом (впоследствии князем) Михаилом Воронцовым, который в течение ряда лет воспитывался в Англии, где его отец — Семен Воронцов состоял на дипломатической службе, был полномочным послом России в Великобритании.

Имеются сведения, что Михаил Воронцов и Яков Марр даже вместе учились в высшем учебном заведении. Очень может быть, что их отношения явились своего рода импульсом к тому, чтобы Яков, пустившийся в путь на поиски счастья, взял курс именно на Россию.

Михаил Воронцов, одна из самых выдающихся фигур

старой России, как известно, в 1844—1854 годах занимал пост наместника Кавказа и главнокомандующего кавказскими войсками. Известно и то, насколько толерантной была его позиция по отношению к грузинскому населению и как он способствовал целому ряду культурных начинаний.

Видимо, здесь, в Грузии, вновь возобновилась старая дружба Якова и Михаила Воронцова. С сороковых годов прошлого века полезные начинания Якова поддерживает (и даже финансирует) именно старый его знакомый и друг Михаил Воронцов. Из многочисленных документов я приведу только один: «Признавая полезным, — пишет наместник Кавказа Воронцов Якову Марру, — чтобы все сады и питомники в Имеретии и по соседству находились в главном заведении одного сведущего и опытного лица, поручаю Вам инспекцию образцовых сельскохозяйственных заведений и плантаций, как ныне существующих и вновь учреждаемых в вышеозначенных местностях.

В надежде, что при исполнении возлагаемого мною Вам поручения Вы окажете помощь в разведении, умножении и улучшении всякого рода растений: садовых, кормовых, древесных, плодовых, огородных, мануфактурных, красильных и проч., свойственных климату и почве земли помянутой посыл...»

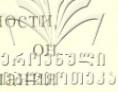
Здесь же говорится о таких интересных починах, как благоустройство кутаисского бульвара, разведение новых сортов виноградной лозы, улучшение оросительной системы, пересадка из Трапезунда масличных, а также других культурных растений и т. д. В документе оговорена финансовая помощь, которую окажет государственная казна в развертывании дела в таком широком масштабе.

Якова Марра еще более тесно связала со второй родиной его женитьба после смерти Факунды Антонио на грузинке — Агате Магулария-Шарашидзе.

В 1864 году у них родился сын Николай, в дальнейшем прославленный ученый и общественный деятель. Сам Яков после этого прожил еще десять лет (умер в 1874 году). Его с большими почестями похоронили в селе Даблацихе. О его кончине сообщал некролог в газете «Дроэба».

Ввиду больших заслуг Якова Марра его сыну была предоставлена возможность учиться в гимназии, а затем в высшем учебном заведении на государственный счет.

Как отмечает сам ученый, годы, проведенные в Кутаиси,

оставили неизгладимый след на формировании его личности, его национальных идеалов и, что главное, именно здесь он сблизился с многими славными патриотами (см. Воспоминания Эквтима Такашвили в избранных трудах, т. 1, Тб., 1968 г.).

Именно с этих лет начинается Н. Я. Марр тот титанический труд, который поставил его в ряд признанных ученых с мировым именем.

После окончания гимназии с отличием для продолжения учебы он едет в Петербург и в соответствии со своими целями выбирает факультет восточных языков (с картвелологическим уклоном) Петербургского университета.

Выбор факультета молодым Марром оказался на редкость удачным. Это было действительно счастливое совпадение. В то время Петербургский университет был одним из крупных очагов науки и просвещения, а Петербургскую академию украшали такие известные в ориенталистике имена, как Розен, Ольденбург, Жуковский, Коковцев, Латышев и многие другие. Здесь же после Давида Чубинашвили заведовал кафедрой грузинской словесности выдающийся картвелолог, лингвист и исследователь древнегрузинской литературы Александр Антонович Цагарели.

Многое было сказано и написано о Н. Я. Марре. Много хорошего и даже много плохого. К сожалению, в обоих случаях имели место преувеличения.

Большому кораблю — большое плавание. В громадном наследии Н. Я. Марра, наряду с трудами, исполненными классической точности и гениальных постижений, явно заметны и рецидивы поспешных выводов и навязанных мнений.

Ясно одно — в области современной, в частности грузино-армянской, филологии многие действительно классические труды Марра незыблемы и перспективны. Ну, а в сфере лингвистики некоторые его прозрения опережают сегодняшний день, и их доработка — удел будущих поколений. Истинную науку нельзя представить без интуитивных «откровений», и Марра следует отнести к разряду ученых именно такого типа.

Не надо забывать, что иной раз исторические обстоятельства обуславливают целую цепь заблуждений. Часть лингвистических теорий Марра разрабатывалась в двадцатые годы нашего века, в пору установления нашей новой идеологии и усиления вульгарного социологизма, когда часто возникали превратные представления и теории. Так было и в литературе, и в других сферах духовной деятельности. Благо-

дарение богу, многое в этих теориях в настоящее время считается анахронизмом и может послужить лишь горьким уроком последующим поколениям.

Все это говорится лишь затем, что, по моему мнению, к оценке наследия не столь уж далекого прошлого правомочен именно такой исторический подход. Именно с этих позиций надо оценивать положительные и отрицательные стороны, сопутствующие значительному наследию Н. Я. Марра.

Как было сказано, петербургская научная школа многое дала молодому талантливому ученому. Он, как губка, впитывал знания.

Несомненно, что именно это, наряду с разработкой строгих научных методов, обусловило тот широкий диапазон, которым отличаются научные интересы Н. Я. Марра. Предметом его научных изысканий как в сфере культуры, так особенно в лингвистических исследованиях были нации всех континентов мира.

Но в то же время его не коснулась неизлечимая болезнь, называемая космополитизмом. Национальная позиция его была здоровой и ясной. Здесь чувствуется несомненное влияние концепций Ильи Чавчавадзе и его соратников, к которым молодой ученый приобщился в стенах Кутаисской гимназии.

Здоровая национальная позиция помогала ему как ученому. Он знал многое, но лучше всего постигал, а главное, чувствовал всем своим существом язык, который был для него родным.

«Национальный язык — самый мощный рычаг культурного возрождения», — утверждал Марр.

На одном из важных международных научных конгрессов Н. Я. Марр, обращаясь к своим иностранным коллегам, сказал, что настало время, чтобы грузинский язык, язык богатых конструкций и древней культуры, стал предметом научных исследований и изучения в учебных центрах мира. На что выдающийся французский языковед Антуан Мейе заметил докладчику, что он, верно, преувеличивает значение этого языка, поскольку это его родной язык. Марр ответил: «Я говорю о большом значении грузинского языка не потому, что по происхождению грузин, а потому, что сам по себе, по своим внутренним качествам грузинский язык является языком мирового значения».

В связи с этим эпизодом отмечу, насколько несправедливы были обвинения Н. Я. Марра в национальном нигилизме. Ответом на эти выпады можно считать следующее замечание.

сделанное незабываемой для грузинской культуры личностью — Эквтиме Такаишвили: «Едва ли наша нация удостоится другого Н. Марра. Исследования Марра являются краеугольным камнем изучения нашего языка, литературы и вообще прошлого».

Нико Марр понимал, что для возрождения грузинской науки требовались новые, подготовленные научные силы. И он сумел привлечь к своей работе многих перспективных молодых ученых. Результаты оказались действительно впечатляющими: Иванэ Джавахишвили, Акакий Шанидзе, Иосиф Кишшидзе, Георгий Чубинашвили, Юстин Абуладзе, Вукол Беридзе, Симон Каухчишвили, Георгий Читая и многие другие. Каждый из них многим обязан покровительству Марра, давшему направление их последующей научной деятельности.

Обширное наследие оставил Марр и в такой области картвелологии, какой является история грузинской литературы. Наверное, нет ни одного труда современных историков литературы, в котором так или иначе, конечно, в рамках научного подхода, не шла бы речь о трудах Марра, об отдельных его наблюдениях или догадках.

Им же подготовлены к публикации многочисленные памятники древнегрузинской литературы первостепенного значения, и эти издания считаются образцовыми и по сегодняшний день. Марр поднял на качественно новую ступень грузинскую текстологию и издал тексты, с методологической точки зрения близкие к уровню лучших европейских образцов. По существу, исследования его были совершенно новым этапом в таком значительном для картвелологии деле. К примеру, здесь можно ограничиться публикациями «Витязя в барсовой шкуре» и «Одописцев» или найденным и научно установленным Марром текстом «Жития св. Григория Хандзтийского», текстом Георгия Мерчуле.

Н. Я. Марр одним из первых выявил значение грузинской литературы для византинологии, заинтересовав тем самым мировую науку. В грузинской литературе сохранилось много таких памятников, на наличие которых в современной науке имелись лишь указания. Как известно, хорошие результаты в этом направлении принесли работы Корнелия Кекелидзе и его учеников.

Одним из первых Марр, и притом не раз, разрабатывал такой узловой для грузинской культуры вопрос, как грузинский «Балавариани». Обоснование доказательств мигра-

ции грузинского «Балавариани» в мировой литературы явилось незыблемым доводом против прискорбного проявления нигилистического отношения к грузинской культуре.

Поразительной прозорливостью отличается труд ученого «Древнегрузинские описцы». В его руках оказались фактически разрушенные и утраченные тексты классической эпохи. С интуицией искусного художника-реставратора Н. Я. Марр вернул первоначальный вид текстам Шавтели и Чахрухадзе. Хорошо известно, какие восторженные отзывы посвятили и тогда, и впоследствии труду Н. Я. Марра Акакий Церетели, Кита Абашидзе, Михаил Церетели, Эквtime Такашвили, Давид Каричашвили, Иванэ Джавахишвили, Корнелий Кекелидзе и другие.

Как отмечал Павле Ингороква, «Н. Я. Марр первым заложил основы для изучения Чахрухадзе тем, что смог установить в общих чертах текст «Тамариани», дошедший до нас в поразительно искаженном виде. Поистине с гениальной прозорливостью Н. Я. Марр установил, что «Тамариани» является сборником отдельных стихов, притом выявил основной реальный размер, который дал возможность четко разграничить отдельные произведения».

Н. Я. Марр рассматривал «Витязя в барсовой шкуре» не только как художественный памятник, но и как памятник, имеющий национально-политическое значение. Он отмечал, что полное освоение Руставели грузинами реально объединит всю Грузию.

Конечно, ввиду сложности руствелологических проблем некоторые соображения Марра в настоящее время требуют пересмотра, а некоторые из них явно неприемлемы, но иначе, наверное, и нельзя было себе представить. Всестороннему изучению «Витязя в барсовой шкуре», полному постижению его художественных ценностей, вероятно, будет отдан самоотверженный труд многих и многих поколений...

Недавно грузинский народ отметил 120-летие со дня рождения великого ученого. Среди всего прочего нужно отметить юбилейную сессию, которая была проведена в родном уголке Николая Яковлевича Марра, в Чохатаури, где он провел детские и юношеские годы и почувствовал любовь к родной земле и народу. Преисполненный этой благодати, он отдал себя духовной деятельности и направился по той стезе, которая должна была принести только лишь благо его народу.

ЭТИ три романа сбли-
жает друг с другом
свособразное художествен-
ное осмысление мифических
моделей, связанных с куль-
том луны. И наша статья
ставит целью показать раз-
личные аспекты мифиче-
ских образов, связанных с
этим (главным | божеством
грузинского мифологическо-
го пантеона.

Параллели с мифологи-
ческими архетипами, сопут-
ствующие мифологемы и
мифические модели, как
специфические художест-
венные средства и способ
стилизации, особо подчер-
кивают основную цель авто-
ра. В научной литературе
не раз указывалось на роль,
которую сыграла мифоло-
гия в развитии литературы
и искусства.

Согласно мнению амери-
канского исследователя М.
Кауля, «нация, не имею-
щая своей мифологии, не
может зваться нацией, это
просто сообщество живущих
на одной территории и под-
чиняющихся одним законам
индивидуумов» (М. Кауль.
Три цикла развития мифа
в американской литературе,
см. также его книгу «Мно-
гооконный дом», Москва,
1973, с. 260). Как пишет
исследователь, основное ка-
чество мифов — архетипы,
владеющие коллективным
мышлением народов, его со-

Аполлон ЦАНАВА

**МЕТАФОРА ЛУНЫ
В РОМАНАХ
„ПОХИЩЕНИЕ ЛУНЫ“,
„ТУТАРЧЕЛА“
И „ДАТА ТУТАШХИА“**

знанием. Триста спартанцев до последнего воина защищали от персов ущелье Термополиса, их подвиг был достоин мифа, и правдива или нет история, ставшая мифом, существенного значения не имеет. Главное, настойчиво подчеркивает исследователь, качество мифа. Амирани и Прометей переносят нескончаемые муки, на которые обрекли их боги за добро, содеянное ими для людей. Качество мифа здесь определяет безграничное терпение. «Прикованный цепями герой... сохраняет глубокую веру в величие человека... И в Прометее безграничное терпение пленяет людей больше, чем его бунт против богов» (А. Камю. Прометей в аду. «Дискари». 1977, № 11, с. 92).

Различаются несколько стадий развития мифологического мышления (зооморфические божества были заменены антропоморфическими, женщины-богини — богами-мужчинами и прочее). Известно, что египетская мифология никогда не могла стать почвой для развития греческого искусства (К. Маркс), поскольку она строилась на зооморфических божествах (животные), а в греческой мифологии господствовали божества антропоморфические (люди). Поэтому греческая мифология явилась не только арсеналом для греческого искусства, но и взрастившей его почвой (К. Маркс).

Различаются две ступени мифологического мышления. Первая, низшая, когда природа и общественные формы неосознанно перерабатывались фантазией людей и не имели переходного значения. Тогда человек и в самом деле верил, что проглоченное драконом солнце вновь появляется на небе, освобожденное находящимся в брюхе дракона Амирани, что Гильгамеш и в самом деле завладел «бессмертной травой» для людей, которая была отнята у него посланным богами змеем. Высшая ступень развития человеческого общества исключает «всякую мифическую зависимость от природы», «требует фантазии, независимой от мифологии» (К. Маркс). Именно в силу этой независимости фантазии от мифологии ранние мифологические представления принимают переходное значение, приобретают художественное метафорическое осмысление. А это уже вторая ступень развития мифологического мышления. Именно этой стадией развития мифологического мышления всегда интересовались искусство и литература.

Известно, что в эпическом творчестве древнейших аграрных цивилизаций широко использованы те модели сюжета

и образов, которые были специфичны для их календарных мифов. «Календарные аграрные мифы были главнейшей мифологией древней классической эпохи» (Е. Мелетинский, «Историческая поэтика фольклора», Москва, 1977, с. 7). Там же указано, что многие образы эпических героев в определенной мере несут на себе функциональную нагрузку того или иного божества. Многие сюжеты и фрагменты эпического памятника используют традиционные мифологемы («Вепхисткаосани», «Змеед», «Похищение луны», «Улыбка Диониса», «Тутарчела», «Дата Туташхиа»). Но это не означает, что эпический памятник является целиком производным мифа. Мифологические основы сохраняют и классические образцы эпохи.

Первым грузинское мифологическое (языческое) религиозное творчество исследовал Иванэ Джавахишвили. Он высказал основополагающие взгляды на проблемы иерархии грузинского мифологического пантеона, на обожествление природы, поклонение светилам, деревьям, восстановил в первоначальном виде сохранившиеся сказания об Амирани. На основании изучения и сравнения огромного количества историко-этнографических и фольклорных материалов он доказал, что одним из древнейших божеств у грузин была луна.

«Всюду... где жили грузины, поклонение луне как божеству должно считаться древнейшей религией всех грузинских племен» (Ив. Джавахишвили. История грузинской нации, т. 1, 1960, с. 59).

Основной ритуал культа луны был таков: бдение во дворе храма луны, человеческое жертвоприношение (приносимого в жертву закалывали особо предназначенным для этого мечом), земные поклоны у врат храма (причем каждый входящий в храм должен был попать ногой жертву и только потом войти в него), избрание из толпы человека (туташхи), который после ночного бдения в храме становился пророком (вдохновленный луной, он должен был предсказать, каков будет урожай, не будет ли войны и т. д.). Надев на себя вериги, верующие несколько раз на коленях обходили кругом храм. (На дальнейшей стадии развития человечества космические божества сменили антропоморфические. В Грузии культ луны сменился культом святого Георгия. Сохранились все вышеперечисленные ритуалы, даже инсценировка человеческого жертвоприношения).

У грузинских племен «понедельник именуется «туташха» (днем луны). Некоторые болезни называются «туташа».

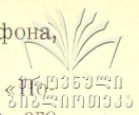
В луну верят, «как в сакральный символ... От луны зависят горести и радости людей...» (А. Ламберти, Описание Мегрелии, 1938, с. 147).

У луны просят помощи и избавления от всякого рода затруднений и невзгод. «Луна-заступница, молось твоей счастливой судьбе... Защити от всяческих бед мои корни и поросль» (С. Макалатия, История и этнография Мегрелии, 1941, с. 313—314). Народившемуся месяцу молились так: «Новая луна, порадуй мое семейство» или «Новая луна, божество, ты обнови меня, омолоди».

В грузинской, так же как и в мировой мифологии, луна (и солнце) могла исчезнуть: спуститься на землю, упасть в море или в бездну, а затем вновь вернуться на небо, возродиться. Одно из хеттских сказаний повествует о том, как луна упала с неба. Вслед за упавшей на землю и канувшей в пропасть лунной бог грома и молнии послал дождь; вымокнув, луна была вынуждена вернуться на небо (Упавшая с неба луна; Древняя литература Малой Азии, Москва, 1977, с. 50). Согласно сванской легенде, спустившийся на землю месяц рассердил мать, доившую корову. В гневе мать швырнула в сына коровьей лепешкой, которая размазалась у него на лице, поэтому на луне есть темные пятна (Б. Нижарадзе). Бушмены обращаются к новой луне со следующими словами: «Возьми мое лицо и дай мне свое... лицо, которое возвращает к жизни уходящего в смерть. О луна, раньше ты говорила, что после смерти к нам вновь вернется жизнь» (Е. Котляр, Африканские мифы и сказки, Москва, 1975, с. 73).

Когда-то большой океан поссорился с небом и умчал солнце в царство мертвых. Бог грома и молнии послал своего сына к океану и заставил его вернуть солнце. Когда люди убили и съели Хаине (луну), солнце (Ишко) отомстило убийцам и превратило их в гиен (Е. Котляр. Указанное издание, с. 79). Когда Аид похищает и уводит Персефону в царство мертвых или когда, умирая, Осирис расстается с берегами Нила, жизнь замирает, все гибнет, а когда они возвращаются — природа расцветает и обновляется.

Смерть или временное исчезновение божеств, а затем воскресение, обновление и возвращение — принадлежность древнейших аграрных мифов. Путешествие луны и солнца по небу и по подземному царству (смерть и воскресение) — стадийно позднее явление, его архетипами считаются вегетативные божества. На более высокой ступени развития мифологии все эти функции присваиваются антропоморфическим

божествам (Иштар, Осирис, Адонис, Дионис, Персефона, Христос и др.).

Константинэ Гамсахурдиа в своей статье «По поводу «Похищения луны» указывает, что бурная река Ингури в его романе выведена как символ революции, которая «разрушила религию... уничтожила религиозный феномен». Здесь имеются в виду обычаи, берущие начало из культа луны и сменившего его культа святого Георгия, которые очень ревностно соблюдали Ломкац Эсванджия, Лукаиа Лабахуа, Кац Звамбаиа, Тараш Эмхвари, Кора Махвши, Тамар, дед Таризл и другие.

Архетип заголовка романа связан с мифическим бессмертием луны. Разлившийся Ингури выхватил луну из рук Тараша Эмхвари, так как последний неспособен, подобно луне, на обновление, возрождение. В прологе и эпилоге романа — два различных аспекта мифологизации луны: в прологе отец с сыном — Кац Звамбаиа и Арзакан — ночью переплывают разлившийся Ингури. В волнах Ингури «танцевала белая луна» (Тутарчела). С помощью отца Арзакан благополучно переплыл бунующий Ингури, символизирующий собой революцию. В эпилоге та же луна светит над головами Эмхвари и Арабиа, пытающихся одолеть полноводный Ингури, но «вскоре бледное облачко закрыло ее». Волны Ингури выхватили Арабиа у захлебывающегося Эмхвари. На мгновение вновь выглянула луна, «засверкала на поверхности воды». Закричал Эмхвари, открыл глаза, луна уже спустилась вниз и «плыла по зеркальной глади воды». Тараш раскинул руки и прижал к себе луну. Пылающий диск луны слепил ему глаза, «...и в беспомоществе он поплыл за луной». Но «еще раз набросился Ингури, подбросил луну, вырвал ее у обессиленного пловца и умчал в безграничный мрак».

Именно здесь раскрывается основная мысль взятой для названия романа мифической модели. Ингури вырвал луну из рук Эмхвари, потому что Тараш неспособен на обновление, возрождение, которое, согласно мифической модели, удел божества или возведенного в ранг божества героя. Жизненная вера Тараша Эмхвари, его идеи и взгляды обречены на гибель. Их обновление невозможно.

Упомянутую в прологе «Похищения луны» «белую луну», свет, идущий от полной, желтоватой луны, в Мегрелии именуют «Тутарчелой». Эта близна, ее божественная сила своеобразными художественными средствами мифологизированы в романе Н. Цулейскири «Тутарчела». Действие романа происходит в окрестностях знаменитой белой горы Чегола, в

селе Сакаландарио. «Медленно всплыла желтая луна, окутывая Сакаландарио в белый туман...» «...Тутарчела тронулась / с белой горы...» «...Белая гора заговорила в Тутарчеле, открывая тайну белой ночи старому другу» (Н. Цулейскири. Роман и рассказы, 1973, с. 7). И эта тайна — именно та мифическая модель («рамка»), которую использует писатель для достижения своей основной цели. Архетипы Гугу Каландариа — Арги и Одоиа, Анины же — богиня Нана. Арги, избрав путь самопожертвования, поднял народ против возведенного в божество Капуния, вместо которого он стал поклоняться луне. В построенный храм луны был заточен принесенный ей в жертву Одоиа (Туташи), который, отказавшись «от земной, спокойной и беззаботной жизни, наложил на себя вериги и в Тутарчеле продолжил беседу со своими богами» (там же, с. 19).

Путем самобичевания во имя своего бога фанатично верующий Одоиа достигает своей заветной цели, отправляется к луне. Луна благословила и обожествила верного Одоиа. Но однажды с помощью Ции он похитил прекраснейшую богиню Нану и спустился с ней на землю. В этом архетипе главное — качество мифа, согласно которому зло обязательно будет наказано, а добро восторжествует, но путь к этому лежит через самопожертвование.

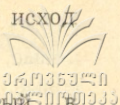
Носящий, как и Туташи, вериги, Гугу Каландариа отмечен свыше, необыкновенен, возвышен. «Тело Гугу носило отпечаток божественной силы, как и у его предков... Словно Туташи или великие мученики завещали Гугу Каландариа этот талисман» (с. 69).

Не вынеся измены жены, Гугу Каландариа, известный в селе человек, преисполненный доброты и всяческих добродетелей, накладывает на себя вериги и погружается в фанатичную веру.

Гугу Каландариа взошел на свою голгофу, он вверил свой помраченный рассудок Тутарчеле. Ему является видение туташи Одоиа, который учит, что во имя истинной любви нужно страдать, что любовь требует большой веры, что путь к ней лежит через страдание. Гугу Каландариа прошел великий путь страданий и вновь соединился с возвышенной божественной любовью, вернулся к жизни, к семье.

В «Тутарчеле» мифологизация не является самоцелью. Мифическая модель использована тут для выявления в художественном аспекте высоких качеств советского человека — негибаемой веры и непреклонной воли. Зло — наказуемо, и

как бы ни пыталось оно продлить свое существование, исход неизбежен. Добро же не знает поражений.

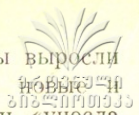

Дата Туташхиа — отмеченный свыше, возведенный в ранг божества, олицетворяющий добро нравственный герой. «Туташхиа — не характер, и тем более не тип. Он — идея, символ... В произведении у него есть прототип — мифический Туташха... Разбор мифа о Туташхе был бы по существу разбором действий Туташхиа» (Б. Бардавелидзе. Герой нравственности и добра, «Мнатоби», 1976, № 5, с. 165). Архетип Туташхиа — Туташха путем самопожертвования должен вновь возродиться и обновиться подобно луне. Ему, как отмеченному знаком божества — луны — не суждена смерть. Один из персонажей романа — граф Сегеди считает Туташхиа необыкновенным, отличающимся от других человеком. Он спрашивает у Каридзе: «Не кажется ли анахронизмом благородство и великодушие Даты Туташхиа в наше время, отмеченное всеобщим и личностным малодушием?» («Дата Туташхиа», 1975, с. 273). В ответе Каридзе ясно вырисовывается нравственный облик Туташхиа, его общечеловеческая миссия — миссия спасения человечества: Ной уменьшил Дату, заточил его в бутылку и бросил в море, дабы «после потопа его прибило бы к берегу и он начал бы новую жизнь. Руками Ноя боги спасли человеческое великодушие и нравственность... И сколько раз ни развратилось и ни пало бы потомство людское... столько раз спасет провидение Дату Туташхиа...»

Как видим, в романе прямо указывается на высокую божественную миссию Туташхиа, но ведь этого обожествления можно достичь только через самопожертвование. Жизненный путь Туташхиа не похож на простую историю обыкновенного человека. В нем заложены лучшие качества героев народного эпоса и мифологического пантеона, таких как Туташха, Амирани, Бадри, Миндиа, Арамхуту, Торгва, Лухуми, Гахуа Мегрелаури и другие.

В мифической модели романа об архетипе Даты — божестве Туташха сказано так: «И был судьей над народом и правил им Туташха, юноша прекрасный и благолепный. Не будучи человеком во плоти, был он, однако, духом человеческим, во глубинах души обитавшим и во все составы ее входящим».

Туташха нашел поработившего его страну дракона, «питавшегося кровью и душами людей», и, вонзив копьё ему в

глотку, обезглавил. Но на месте отрубленной головы выросли новые, Туташха отрубил и эти, но вырастали все новые и новые, а пролившаяся кровь затопила всю страну и «унесла все содеянное предками». Нужно было искать другие пути для избавления, и Туташха, «дух всеобъемлющий», решил превратиться в юношу из плоти и крови, так как только смертный может постичь природу людскую. Только твердая, непреклонная вера может наставить человека на путь перевоплощения зла в добро. И вступил «Туташха по доброй воле на тернистый путь мук и страданий». (Тут архетипом является миф о восшествии Христа на голгофу). Отрубил он себе левую руку и бросил на съедение чудовищу. По примеру Туташха и другие отрезали себе руки и побросали чудовищу. Туташха отрубил себе обе ноги и их тоже отдал чудовищу. И другие последовали его примеру. Чудовище изменило свой отталкивающий облик, встало на две ноги, морда его превратилась в лицо человека. Тогда Туташха рассек себе грудь, вынул сердце и протянул его чудовищу. «Но не притронувшись к жертве, рек дракон: «Не жажду я более крови и плоти человеческой» и вернул всем отсеченные части туловища. Зло было поправлено и перевоплотилось в добро, и дух Туташха, превратившегося в смертного юношу, возносится на небо и становится там луной, а юноша становится богом. Согласно этой мифической модели, исчезнувший в морской пучине Дата Туташхиа должен воскреснуть, возродиться, обновиться, как его архетип Туташха.

Туташхиа борется со злом во всех обличьях, которое мифологизировано тут в образе чудовища. Одна из ипостасей многоглавого чудовища — Мушни Зарандиа. Он подстрекнул так, что Туташхиа был убит собственным сыном, но подобно чудовищу, пораженному самоотверженностью Туташха и отказавшемуся от человеческой крови, Зарандиа после необъяснимого исчезновения Даты бросил свое ремесло. Тяжелая меланхолия точила его в течение трех лет и в конце концов свела в могилу.

Как справедливо отмечает один из исследователей, «на фоне мифа о Туташха четко проявились эпические образы романа, его главного героя. Дата Туташхиа по своей высокой нравственности, ищущей натуре, действительному характеру, необыкновенной духовной и физической силе стоит рядом с героями легенд, мифов, эпических сказаний» (Б. Бардавелидзе, Герой нравственности и добра, «Мнатоби», 1976, № 5).

СТОЯ НА ЗЕМЛЕ

БОЛЬШИЕ, добротные дома стоят в селах Кахети. Но, любуясь ими, провожая их взглядом, замечаешь, что почти каждый дом еще строится, достраивается. Кахетинец возводит дом свой всю жизнь и завещает эту работу сыну. Совет, который Толстой когда-то дал Фету, — строить свой дом возможно дольше, — исполнен здесь.

Силован Нариманидзе родился и вырос на кахетинской земле. Реки и горы, неисчислимые ряды виноградных лоз и — главное — крестьяне Кахети с открытыми, ясными, благородными лицами — суть поэзии Нариманидзе. «И снова Кахетия, снова Панкисские горы, долина долин, где родиться мне выпало счастье. Тропинка в лесу под листвою — минувшие годы укрыли ее и упрятали в грабовой чаще» (перевод В. Леонovichа). Величина мира поэта определяется пристальностью его взгляда. Новомодная глобальность видения на поверку оказывается суетностью, плохо замаскированным тщеславием. Поэт не должен глядеть на землю с высоты полета рейсового авиалайнера или сквозь стекла мчащегося автомобиля. Как и крестьянин, он должен обеими ногами стоять на своей земле. Силован Нариманидзе не торопится обогнать звук, он спокойно, под сенью дубов, прислонясь спиной к шероховатой коре, следит за миром и воссоздает его: «При свете сочных звезд слышнее становились в ущелье — волчий вой, в долине — шум гульбы. Но эти звуки вновь порывом уносились — шумели надо мной широкие дубы. Молитву ли они творили в час полночный, когда, щемящий жест к созвездиям воздев, меж небом и землей свой шелест неумолчный преобразовали вдруг в таинственный напев»¹.

Трагические проблемы современности входят в поэзию

¹ Здесь и далее, где не указан переводчик, стихи даны в переводе автора статьи.

Силована Нариманидзе на высокой, звенящей от напряженности ноте. В поэме «Беженцы» люди, по зловещей воле империалистов лишенные отечества, бредут по чужбине. Очевидно захватчиков, поэт обращается и к изгоям: «Но, может быть, и ваша вина в том, что вы изменили когда-то заветам священным. И из ваших сердец ушло сострадание. Когда вы делили друг с другом и радость и горе — беда отступала... Когда же каждый стал думать лишь о себе самом — черные крылья несчастья небо застили. Вас только изгнание заново объединило. Грозный час испытанья вернул идеалы — вы снова стали заботиться о доме и чести ближнего». Поэма-протест предупреждает о том, что судьба земли зависит от каждого человека, от его совести, веры и поступков.

Перипетии современной жизни, огромное количество информации, калейдоскоп событий подчас настолько занимают сознание, что не замечаешь прихода весны. Радость становится забытым чувством, если результат вчерашнего матча волнует сильнее, чем распутившиеся акации. Нариманидзе проникновенно пишет о смене времен года: «Нет, увяданью надлежит пройти, и, в почву превращаясь, ждать появления весны. Мы маки красные должны в дом приносить и ставить в вазы! А осень не пускайте в дом. Она и так придет потом, и облетят дубы и вязы...» Может быть, мудрость в том и заключается, чтобы самоограничиться. Изрядная доля правды, наверное, была в шутке Е. Винокурова — «чтобы быть поэтом, надо многого не знать». Информационная лавина не столько обогащает, сколько погребает под собой, и кажется, что, привыкнув смотреть на экраны, мы уже никогда не сможем наблюдать за листопадом. Полны укора строки поэта: «Звуки охоты затихли на том перевале. Лес, как и дом, стал такой же забытый, пустой. Дед мой погиб, а потом уже столькие пали. Ну, а потом даже память вдруг стала иной...» Однако подлинная поэзия приемлет жизнь такой, как она есть. «Все изменилось. Засохли в полях Ведзисхеви плодоносящие яблони. Но, в свой черед, саженцы выросли и превратились в деревья. Облик иной на глазах твоих принял народ».

Нариманидзе — поэт многоплановый, он пишет не только о современности, в перспективе его стихов являются полчища персидских захватчиков, которых сменяют другие, в дальней дымке проходят легионы Помпея... В конечном счете дела истории, как и дела океана, подернуты тайной, и, может быть, озарения поэта откроют нам их в большей степени, чем кропотливый поиск ученого.

Болю в сердце поэта отдается опустение селений. Герой одного из стихотворений Габриэл Джабушанури спускается с гор, и безмолвие остается у него за спиной — верный предвестник заброшенности. С. Нариманидзе сокрушается, что каждый четвертый грузин живет на асфальтовых полях. Грузия — это крестьянский дом, любит повторять он слова классика.

«Джабушанури! Джабушанури! Что же ты делаешь?! Не промахнувшейся ли стреле ты уподобился? Леки коварные гонят тебя, дэвы ужасные? Как без призора, как без души родина брошена?! Медленный путь. Путь ледника. Медленно сумерки сходят окрест — на Цихисджвари и на Цхракари...» (перевод В. Леоновича). Нет, С. Нариманидзе не оставляет горы безлюдными, и пусть их суровые склоны оживлены лишь его поэтическим видением — это уже немало, он верит — люди вернуться: «Кто живет высоко, там, в туманных горах? Кто сумел дольний прах отряхнуть от ступней? Вечно плачущий снег никогда не растает. Жизнь идет — и над ней человек обитает» (перевод В. Леоновича).

Подобно крестьянскому дому, строит дом своей поэзии Силован Нариманидзе. В нем живут, в нем светло, просторно и хорошо, но строителю нет покоя. Ибо есть нечто более важное, чем завершенность, это — непрерывное творчество.

В кахетинском селе Какабети недавно усилиями всех жителей был построен водопровод. Его трубы от дальнего горного родника ныряют в ущелья, поднимаются по отвесным скалам, и когда вода самотеком все же приходит в селение — это походит на чудо. Дело в том, что исток родника расположен на несколько метров выше, чем гребни гор, преграждающие ему путь, и родниковая вода преодолевает их. Вот, подумалось мне, символ поэзии. И недаром создали его на земле Силована Нариманидзе.

Нугзар ЦХОВРЕБОВ

«ПЕРЕВОД— ДВОЙНИК ОРИГИНАЛА»

ПОД таким заглавием в тридцатые годы появилась одна из статей замечательного лирика и мастера художественного перевода Валериана Гаприндашвили, переводческая деятельность которого, к сожалению, все еще недостаточно изучена. Между тем он одним из первых познакомил русского читателя с поэзией автора бессмертного «Мерани».

Интересы В. Гаприндашвили как переводчика весьма разнообразны. Помимо лирики Н. Бараташвили, Г. Табидзе и других, которую он сделал достоянием русского читателя, он перевел на грузинский язык произведения А. Пушкина, М. Лермонтова, И. Некрасова, К. Бальмонта, И. Анненского, В. Брюсова, А. Блока, В. Маяковского, С. Есенина, Д. Бедного, Э. Багрицкого, В. Гюго, Ш. Бодлера, П. Верлена, А. Рембо, Г. Гете, Гейне, Шелли, Э. По...

В течение ряда лет В. Гаприндашвили возглавлял отдел перевода Союза писателей Грузии, был участником I Всесоюзного совещания переводчиков. Его статьи «О переводах и переводчиках», «Перевод — двойник оригинала» и др. не утратили своего значения и сегодня.

Но каким бы значительным ни был вклад Гаприндашвили в область художественного перевода, он прежде всего яркий, самобытный поэт в таком прекрасном созвездии поэтов, как Г. Табидзе, П. Яшвили, Т. Табидзе, К. Надирадзе и другие.

Чтобы до конца постигнуть В. Гаприндашвили как переводчика, те принципы, которые он выдвигал в своих статьях и реализовывал практически, необходимо хотя бы бегло познакомиться с его творчеством, той сложной эволюцией, которую пережил поэт, начавший свой путь декадентским сборником «Даисеби» («Закаты») и завершивший его произведениями, воспевающими нашу социалистическую действительность (В. Гаприндашвили умер 31 января 1941 года).

За год до выхода сборника «Даисеби» (1919), проникнутого мистическими настроениями, В. Гаприндашвили поместил в журнале «Арс» стихотворение под весьма примечательным названием — «Куафёр», написанное по-русски. В этом стихотворении, как и в циклах «Двойники», «Дуэль с двойником», «Карусель «Голубых рогов» и др., составивших сборник «Закаты», нетрудно обнаружить генетические истоки, питавшие раннюю лирику В. Гаприндашвили, — произведения Ст. Малларме, К. Бальмонта, И. Анненского и др.

Излюбленной темой его поэзии становится зеркало, величайший, по мысли поэта, «символ нашего бытия», полнее всего отражающее скрытую сущность человеческой природы (стихотворения «Я — в зеркале», «Благовонное зеркало», «Дуэль с двойником» и др.). «Ничто так мистически не отражает наше бытие, природу нашей двойственности, связь прошлого и настоящего, как зеркало», — утверждал поэт.

Апология смерти, мистика, призыв ухода в потусторонний мир — вот лейтмотив сборника «Закаты».

Однако, начиная уже с середины 20-х годов, когда «пробывание в клетке замкнутой и тесной» становится невыносимым, тематический и эстетический круг творчества поэта расширяется — Гаприндашвили устремляется в гущу реальной жизни, вдыхая живительные запахи земли, по-новому переживая ее сказочную красоту.

...И я влюбленный в землю,
В листву и облака —
Всесильный! Вновь я внемлю
Твой зов издалека...

(перевод А. Кочеткова)

Своеобразие мирозерцания и мироощущения поэта глубоко и всесторонне раскрывается в пейзаже. Природа у него — символ «безлобности», нравственной раскрепощенности. Подобно язычнику, поэт «славословит дерево», это — гимн всему многоликому, многоголосому миру природы, которая в стихах поэта никогда не остается безучастной — она переживает вместе с ним и за него.

Именно реальный мир рождает многообразную гамму ощущений, эмоций, заставляет учащенно биться сердце поэта, делает его пульс наполненным и полнокровным. Радостное опьянение первым чувством — «первый снег мне напомнил любовь мою первую», неизбывная тоска в пору глухой осени, встреча с морем, воспринимаемая как озарение, счастье, о котором когда-либо доводилось мечтать, — все это воплощается в остро пережитые картины реальной природы. Лирический герой как бы растворяется в безбрежности «морского сада», и в каждой, словно набегающей одна на другую строке мы слышим гулкое, с перебойми биение его взволнованного сердца. «Гармония живая» — вот основополагающий импульс лирики В. Гаприндашвили тридцатых годов. И если даже в его стихи прокрадывается грусть, то это уже не прежняя обреченность и безысходность, а светлое, по-человечески простое и доверительное чувство. Меняется соответственно и принцип изобразительности. Фантазия уже не уводит поэта в мир грёз, фраза становится раскованной, сравнения — более жизненными, реальными.

Своеобразие оригинального творчества В. Гаприндашвили, его личность, мировоззрение так или иначе сказались на его переводах. Не имея возможности анализировать все переводы поэта, остановимся здесь на отдельных переводах двух выдающихся романтиков — Николоза Бараташвили и Галактиона Табидзе.

В 1889 году в Петербурге вышел сборник «Грузинские поэты в образцах» в переводе И. Тхоржевского, куда вошли и стихотворения Н. Бараташвили. Начиная с этого времени русские переводы из Н. Бараташвили печатались в «Новом обозрении», «Вестнике иностранной литературы», «Кавказском вестнике» и др., но в силу господствующего тогда буквализма они не давали представления о подлинном характере оригинала.

В 1922 году в Тбилиси вышел сборник стихов грузинских поэтов в переводах А. Кулебякина, З. Бекхановой, В. Величко и др., а также В. Гаприндашвили. Нет надобно-

сти разбирать большинство этих переводов. О них, на примере переводов В. Величко, хорошо сказал в своей «Высокое искусство» К. И. Чуковский: «...похоже, он специально заботился о том, чтобы в его переводах с грузинского не было ни единой грузинской черты».

Говоря о переводах В. Гаприндашвили, не следует забывать того, что они выполнены в конце 10-х, начале 20-х годов, когда поэт был увлечен декадентским искусством. Разумеется, это последнее обстоятельство сказалось на переводах Гаприндашвили — они отмечены известной стилизацией, перегружены архаизмами и т. д. Однако в целом — и это безусловно несбыточный случай в творческой практике — метод художественного перевода здесь расходится с эстетическими пристрастиями и воззрениями самого переводчика. В статье, посвященной творчеству Николоза Бараташвили и предваряющей сборник 20-х годов, мы читаем: «...Пьяный корабль» Артюра Рембо и «Мерани» Бараташвили — стихотворения одной категории. Здесь Дионис празднует свою победу над здравым смыслом и неудержимо стремится вперед, к гибели и нирване...», и далее Николоз Бараташвили провозглашается... «первым декадентом» в грузинской поэзии¹. Но несмотря на подобное толкование, переводчик, проникаясь духом подлинника и стремясь перевыразить его содержание и смысл, прорывается к реальной первозаданности оригинала, далекого от подобных умозаключений. Переводы В. Гаприндашвили, появившиеся в начале 20-х годов, стали этапными в истории русских переводов. Его опытом воспользовался Б. Л. Пастернак, спустя два десятилетия приступивший к переводу произведений Николоза Бараташвили. В своем письме к Симону Чиковани он писал: «Я смотрел, что сделали в этом отношении раньше (московские и ленинградские издания) Спасский, Лозинский и др. Выделяется, между прочим, Гаприндашвили — молодец... «Судьба Грузии» в московском издании очень хороша. Ее сделал покойный Валериан так, как не сделает никто из нас... Надо ли мне это делать?».

Действительно, переводы В. Гаприндашвили выгодно отличаются не только от большинства переводов, появившихся в 20-е годы, но и значительно более поздних — С. Шер-

¹ В. Гаприндашвили. Николоз Бараташвили. — В сб.: Стихотворения. Тифлис, 1922, с. 19.

винского, Вс. Рождественского, М. Лозинского, С. Спасского, Н. Тихонова..

Стихотворение «Серьга» — шедевр любовной лирики Н. Бараташвили. Русский перевод этого стихотворения был напечатан В. Гаприндашвили в конце 10-х годов, т. е. в период бурного процветания буквализма в переводческом искусстве. Первое, что сразу же обращает на себя внимание, это то, что переводчик отказался от воспроизведения формы оригинала, в котором после первых двух пятисложных строк следует десятисложная, сохранив при этом, однако, смежную и кольцевую рифмовку.

Как легкокрылый мотылек
Качает ландыша цветок,
Вполне отдавшись упоенью,
Под ухом девы молодой
Серьга, влюбившись в призрак свой,
Играет с собственной тенью..

В своем более позднем переводе стихотворения «Серьга» русский поэт Сергей Шервинский воспроизвел форму оригинала, внешний его рисунок, рифмовку, и все же перевод, на наш взгляд, не удался.

Как мотылек
Ландыш-цветок
Колышет под лиственной сенью,
Так и серьга,
Чудо-серьга
Играет с собственной тенью...

Оригинал отличает необычайная благозвучность, легкость — в этом его поэтическое очарование. В переводе С. Шервинского, в котором чувствуется насилие над синтаксисом, эта легкость утрачена — сохранив равное количество слогов в строке, переводчик пожертвовал естественным звучанием русского стиха.

Причина неудачи большинства русских переводов — Вс. Рождественского, М. Фромана, В. Боровика и др., как правило, стилизовывавших Бараташвили под восточных поэтов, — кроется в недооценивании роли «принципиального западничества» грузинского романтика, особенно ярко проявившегося в области любовной лирики (Г. Кикодзе).

Стихотворения Н. Бараташвили «Мерани», «Сумерки на Мтацминда», «Размышления на берегу Куры» и другие при переводе трудно поддаются метрически точному воспроизведению. Метрическая точность, вызвавшая впоследствии не-

мало нареканий критики, делала перевод тяжеловесным, чуждым природе русского стихосложения. В. Гаприндашвили, который хорошо это понимал, отказывался от метрически точного воспроизведения оригинала.

Обратимся сначала к русским переводам стихотворения Бараташвили «Я встретил в пустыне храм...», выполненным В. Успенским и К. Липскеровым.

Наяву возник на пути моем храм в пустыне,
Негасимый в нем трепетал огонь — дар святыне.
Как кимвал Давидов, бряцали там струны лир,
Вторил ангелу хоров ангельских горний клир...²

(перевод В. Успенского)

Переводчик задался конкретной целью: воспроизвести форму оригинала и, как видим, воспроизвел ее, но воспроизвел механически. Трудно даже произнести вслух такую неуклюжую фразу, как «Наяву возник на пути моем храм в пустыне», или же сразу продаться к смыслу строки — «Вторил ангелу хоров ангельских горний клир».

Переводчик пренебрег важным законом искусства художественного перевода, который подразумевает творческое, а не механическое воссоздание формы оригинала. То же самое видим мы и в переводе К. Липскерова.

Я нашел приют, он вознесся тут — в мертвой пустыне.
Серафимы тут к струнам лирным льнут в сладкой кручине.
Слыша горний клир, я крылатых сил внял благостыне...³

Перевод стихотворения «Я встретил в пустыне храм...», выполненный В. Гаприндашвили в начале двадцатых годов, оставался лучшим до пастернаковского перевода этого произведения.

Я встретил храм, стоял в пустыне он.
Был вечен свет свечи неугасимой.
Над струнами рыдали серафимы
И звуками небес был воздух напоен.
Скиталец мира, утомлен тоской,
Я там искал забвенья жизни брэнной.
Измученному злобою людской —
Мне нужен был лампы свет священный...⁴

² Сб. Грузинские романтики. Л., 1940, с. 151.

³ Н. Бараташвили. Стихотворения. М., 1938, с. 36.

⁴ Н. Бараташвили. Стихотворения. Тифлис, 1922, с. 43.

Перевод В. Гаприндашвили, в отличие от более ранних переводов 30-х—40-х годов, приведенных нами выше, более естествен, свободен, более близок к стилистическим нормам русского языка, русского стихосложения. И не случайно, выступая в тридцатые годы в защиту переводов Б. Пастернака из грузинской поэзии, В. Гаприндашвили остановился именно на этой стороне переводческого искусства. «Высокое мастерство Пастернака проявилось в переводах самым абсолютным образом. Его переводы звучат как самостоятельные стихи. Но это вовсе не значит, что его переводы не связаны с оригиналом... Конечно, вас изменил наряд чужого языка, музыка чужого стиха, но вы благодарны переводчику, который ввел вас в иной уборе в многолюдный и торжественный мир русской поэзии»⁵.

В тридцатые годы В. Гаприндашвили приступает к переводу лирики выдающегося грузинского поэта XX века Галактиона Табидзе. Глубоко самобытные, тесно связанные с истоками национальной поэзии, особенностями языка, его звукописью, стихи Г. Табидзе довольно трудно поддаются переводу. Этим, очевидно, и следует объяснить, что у нас все еще мало по-настоящему хороших переводов его произведений.

В. Гаприндашвили выполнил девять переводов из Галактиона Табидзе: «Я и ночь», «Русскому поэту», «Мы, поэты Грузии», «И с каждым новым кирпичом», «Отважный истинный поэт», «Взвились к небу сотни песен»⁶ и др.

Перевод стихотворения «Я и ночь» — несомненная творческая удача В. Гаприндашвили. Тайна, глубоко сокрытая в душе поэта — «томительной и дивной тайны давно душа моя — чертог» — лейтмотив раннего творчества самого В. Гаприндашвили. Видимо, это и обусловило внутреннюю близость переводчика к переводимому поэту, а потому и успех перевода.

...Томительной и дивной тайны давно душа моя — чертог.
Ее не знает мир случайный, ее не знает ветерок.
Как знать друзьям о муке вечной, таящейся в груди больной,
Как знать, что в глубине сердечной, схоронено навеки мной!

⁵ В. Гаприндашвили. Перевод — двойник оригинала. — Литературная газета. 1936 г., 15 января (выделено мною. — Н. Ц.).

⁶ Рукописный перевод этого стихотворения хранится в ЦГАЛИ, ф. 631.

И не похитит этой грезы миг самый сладкий у меня —
Ни беспощадные угрозы, ни ласки, полные огня,
Ни кубок, полный влагой сладкой, ни женский вздох в
ночной тиши

Не в силах взять того украдкой, что спит на дне моей души...

Обратимся теперь к гаприндашвилевскому переводу стихотворения Г. Табидзе «Русскому поэту» (в черновом варианте оно называлось «Валерию Брюсову»). Стихотворение «Русскому поэту» было известно в переводе Б. Серебрякова, однако перевод этот не удовлетворил В. Гаприндашвили: в нем, прежде всего, замедлено само движение стиха.

...И туманом и стужей полей увлажненные,
Погружались в пространство влюбленные взоры,
Одинаково, мерой одной опьяненные,
Я вином, ты — своим белоснежным простором.

Призываю сегодня я Шелли в свидетели,
Разлучить нас не смогут безгранные дали.
Ни земных калужских полей беспределие,
Ни напевы грузинской печали.

Сравнение перевода с оригиналом сразу же обнаруживает стремление Б. Серебрякова сохранить все компоненты подлинника. Но такая «верность», как заметил В. Брюсов, часто оборачивается «предательством». В переводе Серебрякова стихотворная строка утратила тот эмоциональный заряд, страстность и непосредственность интонационного звучания, которым отличается оригинал. А ведь интонация — это та система, которая организует наше эмоциональное восприятие даже «про себя», без произнесения текста вслух. Она является весьма важной стороной художественной формы, к тому же тесно связана с фонетическим, грамматическим строем национального языка.

В. Гаприндашвили избрал совершенно иной принцип перевода стихотворения «Русскому поэту»: пожертвовав частностями подлинника, слегка интерпретировал его, однако сохранил при этом идейно-смысловую сторону произведения, его поэтический настрой, динамичность. Точность перевыражения достигается здесь не в результате дословного воспроизведения оригинала, а благодаря творческой свободе, основанной на глубоком и пристальном внимании к предмету. Интонационно подлинник и перевод В. Гаприндашвили необычайно созвучны:

...Как будто в мороз, сквозь завесу тумана,
Мы оба явление одно увидали,
И вот опьянели мы, брат мой названный,
Ты — снегом своим, я — струей Цинандали.

О, русский поэт! В зачарованном круге
С тобой мы сошлись, не смущенные далью.
И встретились степи немые Калуги
С исконною нашей грузинской печалью.

Валериян Гаприндашвили оставил нам сборники замечательных стихов и переводов. В заключение хочется сказать и о его переводах на русский язык собственных стихотворений. Они дают возможность еще полнее понять и раскрыть многогранность яркого дарования В. Гаприндашвили. В одном из своих писем к Н. Табидзе Б. Л. Пастернак писал: «...Мои мысли о нем слишком близки моим мыслям о самом себе... Хотя как будто бы мы не похожи, но в обоих случаях та же душевная собранность, та же глубина глаза, та же способность и желание переписать все окружающее в образах...»

Несомненно, интересная страница о русских переводах замечательного грузинского лирика Валерияна Гаприндашвили, так рано ушедшего от нас, будет написана.

СТРАНИЦЫ ДРУЖБЫ

ГРУЗИНСКАЯ ПЕРИОДИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА И АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

МАТЕРИАЛЫ периодической печати Грузии XIX века представляют собой огромный интерес с точки зрения азербайджано-грузинских взаимосвязей.

На страницах грузинской периодики 1850—1900 годов в определенной мере нашли отражение вопросы азербайджанской литературы.

В двух номерах журнала «Цискари» (1863, № 12; 1864, № 1) напечатана статья И. Евлахова под заголовком «Персидская поэзия». Автор говорит о литературе Востока, в частности о Низами, Афзеледдине Хагани Ширвани как больших мастерах слова, о «Шахнаме» Фирдоуси, «Гюлустане», «Бустане» Саади, о творчестве Хафиза, Джами.

Маленькая заметка в журнале «Имеди» рассказывает об одном эпизоде из жизни гениального азербайджанского поэта А. Хагани.

Как известно, Хагани обвинялся в предательстве шаху Ахситану и в 1170 году был заключен в крепость Шабран, где создал цикл стихов под названием «Хабсие» («Тюремное»). Заметка в журнале рассказывает о том, что в тот период в Шабране находился Андроник Комнен, племянник византийского императора Мануйла, который, по всей вероятности, способствовал освобождению поэта из тюрьмы. Некоторые ученые, в том числе Ю. Марр, К. Чайкин, М. Занд и другие, полагают, что Хагани посвятил Андронику два стихотворения.

На страницах грузинской печати с большой симпатией рассказано и о другом гении азербайджанского народа — Низами Гянджеви, воспеваящего Грузию — «страну изобилия и плодородия». Поэмы Низами были хорошо известны в Грузии еще при жизни поэта, а две из них («Лейли и Меджнун», «Хосров и Ширин») были переведены на грузинский язык. По словам поэта-академика И. Гришашвили,

«Лейли и Меджнун» с давних пор считалась популярной книгой в Грузии, она обычно давалась в приданое невестам.

Необходимо также принять во внимание авторитетные высказывания А. Хаханашвили о Низами. Профессор Московского Лазаревского института восточных языков Александр Хаханашвили в статье, напечатанной в журнале «Мамбе» (1896, № 6), дал высокую оценку поэме Низами «Лейли и Меджнун», с сожалением отметив, что она еще мало изучена.

На страницах газеты «Цнобис пурцели» периодически появлялись статьи о классиках азербайджанской литературы. Примечательна статья Иллариона Джаши «Молла Багир» (1902), в которой говорится о блестящем знатоке восточной литературы — Молле Багире из Гянджи. Автор дает сведения и о таких крупнейших представителях литературы Востока, как Фирдоуси, Саади, Хафиз, Низами, Джами и другие.

В частности, И. Джаши отмечает, что «как поэт Низами уступает Абулгасиму и Саади, однако по мастерству он стоит выше».

Конечно, по нашему мнению, такое механическое сопоставление одного поэта с другими в корне неверно и свидетельствует о неправильном понимании системы их воззрений.

Вместе с тем автор статьи называет Хагани «гениальным», представляя его как самого известного в то время поэта, создавшего своеобразную литературную школу.

На страницах газеты «Иверия» были опубликованы афоризмы известного азербайджанского поэта-просветителя Мирзы Шафи Вазеха, вызвавшие большой интерес.

М. Ш. Вазех прожил какое-то время в Тбилиси, где организовал литературный кружок «Дивани-хикмет» («Собрание мудрости»). Он поддерживал тесные отношения с передовыми грузинскими писателями и журналистами.

В XIX веке, в особенности во второй его половине, в азербайджанской прозе наблюдался определенный застой. А. Мирахмедов писал: «Говоря об общественной мысли Азербайджана 70—90-х годов (имеется в виду XIX век — Ш. М.), нужно учесть существование внутренней ее диалектики и, в частности, процесс непропорционального развития разных жанров литературы». Отставание в области прозы А. Мирахмедов объясняет двумя причинами — во-первых, усилением политической реакции и религиозного фанатизма в стране в 80-х годах, а во-вторых, тем, что развитие творческой молодежи, «великих героев мысли будущего», происходило сти-

хийно, безо всякого руководства. У молодежи не было никакого печатного органа, соответствующего ее демократическим устремлениям, не было ни одного прогрессивного литературного общества, ни одного культурного учреждения, ни одного авторитетного вождя.

Тем не менее в прошлом веке созданы некоторые интересные образцы азербайджанской прозы: «Рашид бек и Саадат ханым» (1835) И. Гуткашынлы, «Китаби-Аскаррия» (1842) А. Бакыханова — образцы прозы нового типа. В последние годы найдены рассказы М. Сафиева, опубликованные в 1853—1855 годах на страницах тбилисских газет «Закавказский вестник» и «Кавказ», повесть М. Ф. Ахундова «Обманутые звезды» (1857), которая знаменует новый этап в развитии азербайджанской прозы XIX века.

Роман А. Адыгезалова «Гара ел» вызвал большой интерес грузинской периодической печати. Газета «Иверия» посвятила роману специальную статью (1891, № 115), в которой высоко оценила идею романа, отметив, что в этом произведении отражена борьба азербайджанского и грузинского народов против Ага-Магомет-хана.

К сожалению, до сих пор не найден оригинал этого произведения. Изыскания продолжаются в архивах Тбилиси, обнаружить оригинал «Гара ела» — одна из важных задач, стоящих перед азербайджанскими учеными.

Во второй половине прошлого столетия зародилась азербайджанская драматургия. Основоположителем ее стал крупнейший писатель, мыслитель Мирза Фатали Ахундов.

Прогрессивная общественность Грузии видела в Ахундове выразителя чаяний азербайджанского народа, глашатая идей братства и дружбы народов. Ахундовские произведения переведены на грузинский язык еще в прошлом веке. Небезынтересно и то, что первые переводы произведений Ахундова были сделаны великим сыном грузинского народа, другом азербайджанской литературы Акакием Церетели. Еще в 1887 году «Иверия» (№ 208) сообщала, что А. Церетели начал переводить на грузинский язык переложенную азербайджанским писателем М. Ф. Ахундовым пьесу «Шир-Али». По словам Д. Алиевой, «упомянутое в газете «Иверия» произведение или перевод Ахундова «Шир-Али» пока еще не обнаружены. Но заметка говорит о том, что А. Церетели интересовался творчеством Ахундова».

А. Церетели перевел комедию «Приключения визиря лен-

коранского хана» М. Ф. Ахундова, которая была опубликована в журнале «Акакис твиური кребули» (1898, № 7).

Отметим, что А. Церетели перевел ее с русского. В доме-музее Акакия Церетели, в селе Схвitori, хранится сборник комедий Ахундова на русском языке, вышедший в свет в 1853 году. Видимо, им и пользовался Акакий при работе над переводом. Как известно, свои комедии М. Ф. Ахундов переводил на русский язык сам. Поэтому и русский текст считается оригиналом.

В грузинской периодике имя М. Ф. Ахундова впервые упоминается в 1884 году. В статье Г. Гвиниашвили, напечатанной в журнале «Иверия», анализируется содержание комедии «Медведь — победитель разбойника», указывается, что в произведении автор касается важных социальных проблем.

В 1903 году в газете «Цнобис пурцели» напечатана интересная статья под заголовком «Первый драматург мусульман». Исследователи истории грузинской журналистики предполагают, что эта статья принадлежит Самсону Пирцхалава. Здесь М. Ф. Ахундов представлен как первый драматург всего Ближнего Востока.

Важное значение для исследователей имеют соображения грузинских авторов, высказанные во время постановок комедий азербайджанского драматурга в Тбилиси. Грузинские публицисты, театральные критики не только отмечали мастерство исполнителей, успех постановки, но и высказывали свои суждения о содержании пьесы, ее идее и художественных особенностях.

Постановка комедии М. Ф. Ахундова «Приключения виризя ленкоранского хана» на грузинской сцене в переводе Акакия Церетели стала большим культурно-литературным событием, яркой демонстрацией дружбы народов.

В статье, опубликованной в газете «Иверия», А. Церетели подверг резкой критике выпады в адрес пьесы Ахундова и отметил, что произведения этого автора переводятся и на иностранные языки. Он выразил свою полную солидарность с известным критиком Аполлоном Григорьевым, который сравнил Ахундова с Мольером. «Вообще пьесы Ахундова, — говорится в статье, — написаны с высоким мастерством. В его произведениях жизнь наших азербайджанцев видна так ярко, как в зеркале».

Через несколько дней А. Церетели выступил с еще одной статьей в газете «Цнобис пурцели», в которой он гово-

рит о триумфальном успехе спектакля, отметив при этом, что он обусловлен близостью грузинскому зрителю быта и нравов, обличаемых в комедии (1898, № 450).

Интересно, что режиссером, поставившим этот спектакль, был Котэ Месхи, явившийся инициатором и организатором создания бакинского грузинского театра. В спектакле блестяще сыграли свои роли известные мастера грузинской сцены, такие как Г. Канделаки (хан), Е. Черкезишвили (Зиба-ханум), В. Абашидзе (Гаджи Салах) и другие.

Страницы грузинской периодики 1850—1900 годов, содержащие обильный и ценнейший материал об азербайджанском устном народном творчестве и азербайджанской классической литературе, — свидетельство тесных литературных взаимосвязей двух братских народов.

ХРОНИКА

ЮБИЛЕЮ ПОСВЯЩАЕТСЯ

В 1990 году исполняется 150 лет со дня рождения великого грузинского поэта и общественного деятеля Акакия Церетели.

Республиканская юбилейная комиссия утвердила план мероприятий к юбилею поэта. Выйдут в свет его сочинения на грузинском, русском, английском, французском, немецком, испанском языках. Готовятся издания, рассказывающие о взаимоотношениях А. Церетели с выдающимися

деятелями России, Украины и Закавказья, альбомы, буклеты, юбилейные медали, отбрасывающие жизнь и творчество поэта. Предусмотрено создание художественно-документального фильма «Родной край А. Церетели — Сачхере» и документальных лент о юбилее поэта.

К знаменательной дате будут капитально отремонтированы дом-музей А. Церетели, усадьба матери поэта. Из-за рубежа будут возвращены мемориальные вещи семьи А. Церетели.

ПОЛЕ ДОБРОТЫ

«ГРУЗИНСКИЙ писатель Леван Хаиндрава — человек необычной судьбы. Он родился, вырос и возмужал вдали от родной земли, вернулся на родину, в Грузию, уже зрелым человеком. Годы, проведенные на чужбине, отложились в нем глубокими впечатлениями о пережитом и нашли свое отражение в новом романе «Отчий дом».

Такова аннотация к этой книге («Советский писатель», 1985 г.), и все, что может быть сказано в аннотации, здесь сказано. Книга же заслуживает более пространный разговор, и говорить о ней в одно и то же время трудно и легко.

Легко — потому что и по форме, и по содержанию она чрезвычайно проста. В ней нет экспрессии, нет затейливых литературных изысков, нет сжимающейся в начале, чтобы резко распрямиться в конце, пружины интриги, нет... Да мало ли чего нет в этой книге. В ней нет того, чего и не должно в ней быть, — только и всего. Зато все, что должно было быть, все, что нужно, — есть: И простота ее — благородна.

Роман «Отчий дом» написан скорее в манере века девятнадцатого — повествование течет плавно, неторопливо, спокойно. Несуетность — одно из больших достоинств

этого романа, относящегося к автобиографическому жанру.

«Отчий дом» — книга о детстве. О самом обыкновенном детстве самого обыкновенного мальчика Гоги Горделова (так звучит переделанная на русский манер грузинская фамилия Горделава). Собственно говоря, те обстоятельства, которые произвели это незначительное искажение фамилии, то есть драматическая биография отца Гоги Ростом Георгиевича, выглядят куда более «романическими». И, однако, в «Отчем доме» биография отца рассказана лишь вкратце, на нескольких страницах, в виде экспозиции, а в самом повествовании Ростом Георгиевич Горделава лишь выполняет функции отца Гоги, что, впрочем, совершенно не мешает ему быть одним из самых ярких, глубоких и обаятельных героев книги.

Если бы Л. Хаиндрава написал роман о Ростоме Горделава, опираясь на те же самые реальные факты, которые легли в основу образа этого персонажа — в данном случае несущественно, послужил ли прототипом для него отец писателя или кто-нибудь другой, — этот гипотетический роман, при всей своей документальности, не был бы страданным. А в книге о детстве Гоги Горделова писатель говорит о том, что пережил сам. Нет нужды устанавливать тождество между автором и его героем, но взволнованная искренность рассказа заставляет думать и об этом.

...Есть, вероятно, что-то общее в том, как пишутся и как

читаются книги о детстве. Должно быть, всякий раз, дописав (или дочитав) очередную главу, человек встает из-за рабочего стола (с кресла, со стула, с дивана) и, задумавшись, меряет шагами комнату, выходит на балкон, возвращается, берет с полки какую-нибудь книгу, рассеянно — или, напротив, заинтересованно — листает ее, откладывает... Так называемые «физические действия», разумеется, не регламентируются, но я почти уверен, что тень грустной улыбки непременно коснется губ, промелькнет в глазах, устремленных в эту минуту в собственное детство, к тому, что в нем было, и к тому, чего это детство было лишено. И тут не избежать печали, оттого что детство ушло, его не вернуть — все это так обыкновенно, так по-человечески и так сокровенно... Вот почему писать о книге Левана Хандрава не так уж легко.

Страницы с отпечатанным текстом превращаются в некий код, мостик, соединяющий нынешнее бытие читателя — и автора — с более или менее отдаленным их детством. Создается как бы поле доброты, покоя, доверия, поле тяготения, в котором автор и читатель могут отлично понять и почувствовать друг друга.

Чувство это — заслуга автора. В романе «Отчий дом» прекрасно оживает мир детства — теплый, насыщенный любовью и заботой близких и дорогих людей мир благополучного детства с его радостями и неизбежными потрясениями, когда человек впервые открывает мир вокруг себя. Повествование ведется от третьего лица, но местами, по какому-то особому волнению, по тому, как не успевает дет-

ская мысль или ощущение маленького Гоги отлиться в епокойную литературную форму. Все еще переживает это ощущение сам, и волнение его передается читателю.

Все действующие лица изображены ярко и достоверно, это совершенно живые и очень разные люди. В предисловии «От автора» говорится, что в книге реально существовавшие люди соседствуют с вымышленными персонажами, однако мастерство писателя таково, что различить их можно лишь по каким-то косвенным приметам — например, когда приводятся строки стихотворения Гогиной сестры Лены Горделовой, а в сноске указано, что они принадлежат Лидии Хандровой, можно — да и то весьма относительно — о чем-то догадаться. Члены большого семейного клана Горделовых, одноклассники и учителя Гоги, товарищи его детских игр, подрастающие и взрослеющие вместе с ним, — все эти многочисленные персонажи романа не оставляют впечатления придуманности, их словно видишь перед собой, задумываешься над их будущим. Мне, например, почему-то кажется, что однокласснику Гоги — Саньке Житомирскому, с его ершистой добротой и неброским мальчишеским благородством, суждено погибнуть — такие люди, попав в критические обстоятельства, не гибнут и не изворачиваются в поисках выхода, а идут навстречу беде. Следующие части трилогии («Отчий дом» — это начало), возможно, подтвердят или развеют мои опасения за судьбу Саньки. Возможно также, что в будущих частях найдут завершение сюжетные линии, брошенные автором в «От-

чем доме» на полпути, — например, судьба Жени Морозовой, которой уделено слишком много внимания, чтобы навсегда расстаться с ней так, как это произошло в романе.

При всей «обыкновенности» повествуемой истории она весьма необычна. Ведь отчий дом грузинского мальчика Гоги Горделова, не говорящего по-грузински, а только по-русски — и по-французски, не зря же трудится гувернантка мадам Люси, — отчий дом его находится в Харбине, в Маньчжурии, а детство Гоги приходится на 20-е — 30-е годы нашего века, то есть переломный, трудный момент истории, когда семья Горделовых и многие другие семьи в силу исторических обстоятельств оказались отрезанными от родины. Леван Хаиндрава подробно и интересно рассказывает о фактах и событиях, мало известных широкому читателю, — о жизни

русского и грузинского общества в Харбине, об их взаимоотношениях с окружающими этими людьми китайскими населением, о захвате Маньчжурии японцами и о многом другом. Очень органично, ничего не форсируя, касается писатель таких сложных, порою болезненных вопросов, как исторические и географические корни, положение «инородцев» на чужбине, ностальгия, которая неизбежна и неодолима, как бы хорошо ни устроились люди в чужом краю...

Леван Хаиндрава написал добротную и добрую книгу. Написал ее светло, благородно, с достоинством, и вместе с ним его роман писала история, и писала не со стороны, а изнутри, что тоже очень важно. «Отчий дом» вызывает искреннее желание познакомиться с его продолжением.

Александр ЗЛАТКИН

ДОРОГА ПОЭЗИИ

ВЫШЕЛ в свет новый поэтический сборник сухумца Станислава Лакобы*. Лакоба пишет на русском языке, он известен не только как поэт, автор трех теперь уже книг, но и как историк (основная его профессия), знаток абхазского фольклора, архивных страниц жизни и творчества грузинских и русских деятелей культуры, связанных с Абхазией.

Это нужно было сказать и потому, что все это формирует и питает его поэзию, и потому, что для Лакобы, думаю, важен завет китайских поэтов эпохи Сун: «Если хочешь заниматься поэзией, сосредоточь свои усилия вне ее...» Может быть, отход от себя, от своего лирического «Я» позволяет лучше увидеть себя же, а через эту призму и других. Лучше всего это выражено во «Взгляде с вершины прошлого в себя»:

Я бродил по холму
и подбирал движением руки
по несколько тысячелетий
сразу.

Все здесь перемешалось
эпохи
города
народы
государства

* Станислав Лакоба. Опрокинутое. Стихи. Сухуми, Алашара, 1985.

Там на мою ладонь
приполз играть судьбой
червь дождевой
Он становился

то буквой
то иероглифом
то клинописью
то кругом
то крестом
а то звездой....

Когда мы говорим о прочтении непрочитанного, имеем в виду то, что мы еще не прочитали в человеке, в природе, в нашем многоступенчатом мире вообще, иногда кажущемся нам построенным из двух половинок противопоставления.

Не знаю, ставил ли перед собой такую задачу Станислав Лакоба, напечатавший в свое время в одном малоизвестном сборнике блестящую работу «Бодхисатва-Хлебников и Восток», но вот уже в третьей книжке он средствами поэзии вновь соединяет древние и новые пути народов.

Я обнаруживал в себе
пласты веков
когда как археолог проникал
в культурные слои людских
пороков...

Даже не учитывая того, что сейчас «лирические герои» удивительно беспорочны, мы не можем не отметить редкостную самораскрытость поэта. Старый постулат о том, что в человеке сосредоточена целая вселенная, здесь раскрывается заново. Не каждому дано обнаружить «культурные слои людских пороков»... в себе. И метафорически на это решиться нелегко.

Лакоба задает вопросы себе. Он спрашивает с себя, правда, счастливо нигде

ется в реальность мифа и где возникает четвертое измерение, освещенное Семилучевой звездой. Здесь буквально опрокидываются наши чересчур самонадеянные представления о главных и второстепенных дорогах мира. Для жреца Юго «истинные пути вселенной и человека» пересекаются на горе Дыдрыш, где находится древнее абхазское святилище. Но это не единственное место, хотя здесь, судя по всему, чрезвычайно сильна концентрация высшей энергии.

Лакоба как поэт и не отрицает другие пути, которые могут проходить через единство: природа — человек («Орех») или внутри одного человека («Художник», «Жил-был на Бзыби...»). Грубо говоря, в каждом из нас должен быть свой Дыдрыш, свое святилище. Сложность состоит в том, как его открыть или, вернее, как поверить в его существование...

Было бы нелепо требовать от поэта стабильных решений. Дело поэта — пробиться в нашу подкорку, задеть струну, надежно укрытую инстинктом самосохранения. Дело поэта — начинать снова и снова:

Проникну в запредельное
и снова начнусь не
окончившись

Приду двойником
к своему очередному

рождению

Хотя в этих строках и отдана дань формальной логике, они достаточно точно отражают суть устремлений поэта, его движения к истине.

Станислав Лакоба не облегает себе задачи, он понимает, что запредельное — это не то, что всего лишь за горизонтом. Напротив, это то, что рядом, но как бы перевернутое, опрокинутое:

Низко-пренизко
брел человек которого
обожгло
дыхание птицы
и он вспыхнул будто сухая
ветка...

Такая остановка взгляда, наведение точного фокуса — необходимы, чтобы осмотреться и понять, в какую сторону идешь. Путь к себе дольше кругосветного путешествия, хотя и кажется, что физически ты затрачиваешь меньше усилий.

Так раньше казалось, что солнце вращается вокруг Земли, а сама Земля покоится в виде плоскости на трех китах.

Сергей БИРЮКОВ

ПОДАРОК ГРУЗИНСКОГО МАРИНИСТА

ЭТА книга в обложке цвета океанской волны и с золотым штурвалом на ней озаглавлена строго и деловито: «Морская терминология». Подзаголовок на ее титульном листе позволяет легко определить, что перед нами русско-грузинский и грузино-русский морской словарь, и это само по себе делает однотомник, только что сошедший с печатного станка издательства «Ганатлеба», явлением для грузинской литературы — не просто заметным, но попросту уникальным и доселе небывалым. Ведь никогда и никто еще не создавал подобного специализированного справочника, сориентированного на потребности мореходов Грузии...

Автор этой в высшей степени полезной книги — тоже, пожалуй, единственный в своем роде — грузинский писатель-маринист Вахтанг Бараташвили. Однако литературное ремесло все-таки является, так сказать, искренней потребностью его сердца, хотя иные из полутора десятков написанных им увлекательных книг, ну, скажем, таких, как широко известный «Гавайский соловей», или «Глазами советского моряка», или «Вокруг света», были изданы не раз и очень хорошо известны любителям того вида чтения, которое освящено волнующим смыслом понятия

«романтика дальних странствий». Главная профессия этого удивительного человека — пенитель морей и океанов. Капитан дальнего плавания В. В. Бараташвили не один десяток лет провел на командирских мостиках лайнеров, танкеров, сейнеров и сухогрузов, бороздящих синие просторы нашей планеты. Трудно назвать такую гавань в Старом или Новом свете, где бы не швартовались суда под алым советским флагом, экипажами которых руководил знаменитый мореход.

Последние годы Вахтанг Виссарионович был капитаном-наставником Грузинского государственного морского пароходства: он подготовил для него буквально тысячи первоклассных судовых специалистов. Его имя и опыт — высочайший авторитет для молодых моряков солнечной Грузии, суда которых все чаще и чаще выходят в дальние моря и океаны. И уж кто-кто, а Вахтанг Бараташвили хорошо знал, как необходима на кораблях, приписанных к батумскому, потийскому, сухумскому и другим портам Советской Грузии, книга такого характера. Ведь юноши нашей республики, надевшие морскую форму, жаждут поскорее познать премудрости непростой морской терминологии, складывавшейся веками. Без этого какие же могут быть успехи члена корабельного экипажа! С немалыми трудностями сталкивались прежде и писатели, затрагивавшие в своем творчестве морскую тему, и читатели, знакомившиеся с произведениями прозаиков-

маринистов, и, конечно, переводчики. Но, повторимся, прежде всего для юных сыновей нашей республики, посвятивших свои жизни флотской службе, для того, чтобы было максимально ускорено их профессиональное корабельное становление, и создал капитан дальнего плавания В. В. Бараташвили очень серьезную свою работу, эту «Морскую терминологию» — полезный двуязычный словарь-справочник, над составлением которого трудился много лет.

Радует скрупулезная, весьма прагматичная разработка Вахтангом Бараташвили всей многообразной проблематики флотского дела, профессиональной терминологии тружеников моря. А шел он во множестве случаев поистине неизведанными путями. Ведь, казалось бы, иные термины не так-то просто могут быть сличены со своим иноязычным эквивалентом. Многие специальные обозначения вроде бы никогда и не имели своего аналога в грузинской словарной сокровищнице. Скажем, попробуй-ка найти в грузинском языке абсолютно равнозначный термин для таких нестари прижившихся понятий флотского словаря, как «обрасопить», или «стрингер», или, допустим, «шка-торина». Но в этих и в ты-

сяче других случаев Вахтанг Виссарионович искал и находил абсолютно точные равнозначные грузинские слова. Огорчительно лишь, что не во всех случаях на высоте оказалась русская корректура. Ряд терминов обозначен в справочнике с искажениями и опечатками: «рында» тут названа «риндой», «эскадренный миноносец» — «эскадронным миноносцем», Черноморский флот наименован со строчной буквы, а не как имя собственное, вместо «судно павесно-палубное» напечатано «полубное». Комментарии тут, как говорится, излишни: ведь издание это — в известном смысле нормативное и такого рода огрехи корректуры в нем совершенно недопустимы.

Но все это — частности, не могущие отменить главного вывода. Можно не сомневаться, что искреннее «спасибо» скажут капитану и писателю Вахтангу Бараташвили моряки Грузинского пароходства за «Морскую терминологию», которой несомненно уготовано стать их настольной корабельной книгой. И еще — тысячи юношей нашей республики, мечтающих о морской службе, о бескрайних океанских просторах...

Владимир НОВИК

Георгий ДЗИДЗАРΙΑ,
Игорь ЛЕЙБЕРОВ

„ОСУЖДЕН: ПО ОБВИНЕНИЮ В БОЛЬШЕВИЗМЕ“

Продолжение совместного
научного поиска ленин-
градских и абхазских
ученых-историков

В 1983 году в первом номере нашего журнала был опубликован документальный очерк двух известных советских историков — члена-корреспондента Академии наук Грузинской ССР, профессора Г. А. Дзидзария (Абхазия) и профессора И. П. Лейберова (Ленинград) «Осужден: по обвинению в большевизме».

В этом очерке речь шла о прекрасной и удивительной жизни большевика — ленинца, земляка и друга В. И. Ленина — Алексея Александровича Белякова. С весны

1918 года по заданию В. И. Ленина и ЦК РКП (б) Беляков был командирован в Закавказье, где возглавлял штаб Кавказского краевого комитета партии и координировал работу железнодорожного транспорта, снабжение продовольствием Тбилиси, Баку, Сухуми, Батуми, Кутаиси, организовывал добычу бакинской нефти. С конца 1918 и по осень 1919 года Алексей Александрович возглавлял подпольный Сухумский окружной комитет РКП (б) и Абхазскую большевистскую организацию. Однако в конце сентября 1919 года он был арестован в Сухуми, затем переправлен в Метехский замок в Тбилиси, где просидел почти год. Только в конце 1920 года по категорическому требованию Советского правительства А. А. Беляков вернулся в Москву. И опять по личным заданиям В. И. Ленина выполнял целый ряд ответственных заданий.

Наши читатели, очевидно, помнят, что авторы кончали свой очерк словами: «Еще далеко не все известно, что он (Беляков) сделал для России и Закавказья. Поиск начат, поиск будет продолжен».

И поиск был продолжен профессорами Г. А. Дзидзария и И. П. Лейберовым. В Москве и Ленинграде были выявлены новые архивные материалы. Состоялись встречи и беседы с сыном А. А. Белякова — Александром Алексеевичем Беляковым, профессором, доктором технических наук, лауреатом Ленинской премии.

Данный очерк является продолжением и существенным дополнением к уже осуществленной авторами публикации.

СОВСЕМ недавно в Москве в материалах Департамента полиции Центрального архива Октябрьской революции нами было выявлено архивное дело: «О крестьянине Алексее Александровиче Белякове», начатое 29 марта 1894 года и содержащее документы девяностолетней давности. Оно существенно уточняет некоторые биографические данные друга и земляка В. И. Ленина. Перелистаем его пожелтевшие листы.

А. А. Беляков родился 5 августа 1870 года в деревне Большие Кадели, Селенгушской волости, Казанской губернии. Вырос в семье крестьянина-середняка, имел двух братьев — Ивана и Николая. Алеша в семье был старшим, поэтому на его плечи легла основная тяжесть помощи отцу и матери по работе в домашнем хозяйстве, присмотре за малыми братьями. Благодарные отец и мать дали старшему сыну максимально возможное образование для крестьянского мальчика. В Самаре Алеша Беляков успешно закончил реальное училище, а затем и учительскую семинарию (ЦГАОР СССР, ф. ДП. 00, 1894 г., д. 1205, л. 3).

Весной 1891 года последовал первый арест за участие в социал-демократическом кружке в Самаре, который возглавлял В. И. Ульянов-Ленин. В справке Департамента полиции сообщалось: «При обыске у А. Белякова были найдены: сочинения К. Маркса, запрещенные к обращению в России; записная книжка, в которой был помещен конспект запрещенного сочинения Милля «О свободе». Беляков изобличается в хранении у себя сочинений и брошюр явно преступного, противоправительственного содержания» (там же, л. 3 об.). Через год последовал новый арест и высылка в Челябинск под гласный надзор полиции. Здесь вскоре Алексей Александрович вошел в состав руководящего ядра «Уральского рабочего союза». При его посредничестве «Уральский союз» установил связи с В. И. Лениным и петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» (См.: «Литературная Грузия», 1983, № 1, с. 187—188. Авторы вынуждены читателю напомнить основные поворотные данные из революционной биографии А. А. Белякова для последовательности и логичности изложения материала).

С марта 1894 года управление Западно-Сибирской железной дороги часто откомандировывало А. А. Белякова по делам железнодорожного строительства в Курган, Омск, Томск. В эти годы строилась громадная Транссибирская железнодорожная магистраль («стройка XIX века!») от Петербурга и

Москвы до Хабаровска и Владивостока. Эти поездки Алексей Александрович использовал для революционных целей. По заданию «Уральского рабочего союза» устанавливал связи с уральскими и сибирскими социал-демократами, среди которых было немало и закавказских революционеров-марксистов, перебрасывал в эти города подпольную литературу. «А. А. Беляков и П. В. Балашев воспользовались принадлежащей управлению (Западно-Сибирской железной) дороге пишущей машинкой и гектографом и стали заниматься изготовлением революционных сочинений», — говорится в справке III делопроизводства Департамента полиции за 29 марта 1894 года (ЦГАОР СССР, ф. ДП. 00, 1894 г., д. 1205, л. 4).

Верным помощником и единомышленником в делах Белякова стала его жена Евгения Карпер. Умная, энергичная, миловидная, всегда аккуратно и со вкусом одетая, она была выслана из Петербурга за участие в студенческих волнениях и проживала в Челябинске под гласным надзором полиции. Алексей и Евгения обвенчались 3 ноября 1893 года (там же, л. 17). Она переехала к нему, в дом Пчелина, где вошла на правах хозяйки в рабочую коммуну трех мужчин (трех друзей А. А. Белякова, П. В. Балашева, Н. М. Зобнина). В той же полицейской справке за 29 марта 1894 года сообщалось: «В квартире П. В. Балашева и его сожителей (в том числе А. А. и Е. М. Беляковых) нередко бывают по вечерам и ночам собрания, в которых принимают участие поднадзорные Челябинска, причем они занимаются чтением нелегальной литературы, а иногда что-то пишут» (там же, л. 4 об.).

С поездками в Омск, Курган, Томск, Красноярск и другие города Сибири круг знакомых Алексея и Евгении Беляковых резко расширился. Чаще всего это были политические ссыльные, люди, верой и правдой служившие революционному делу. Среди таких знакомых был и многоопытный революционер-конspirатор Ипполит Иванович Рябков («Пчела»), бывший старший телеграфист на станции Курган. В его квартире за чаем и собирались поднадзорные революционеры. Начальник Омского жандармского управления Сибирской железной дороги сообщал в Петербург: «...Упомянутый Рябков по имеющимся сведениям находится в близких отношениях с проживающими в Кургане и Петропавловске политическими ссыльными и поднадзорными... и, в частности, железнодорожным агентом Алексеем Беляковым и женою последнего, состоящую под гласным надзором полиции Евгенией Марковой и другими (ЦГАОР СССР, ф. ДП. 00, 1893 г., д. 826, л. 69).

Пройдет лет пятнадцать, и два друга, большевики-ленинцы, умудренные многолетним опытом нелегальной работы А. А. Беляков и И. И. Рябков создадут тщательно законспирированные паспортное бюро и кассу взаимопомощи Красного Креста помощи политзаключенным при Петербургском комитете РСДРП. Помогал им в этом деле не менее опытный большевик-конspirатор Сергей Яковлевич Аллилуев (отец Надежды Сергеевны Аллилуевой — супруги И. В. Сталина), ряд лет проживший и проработавший на предприятиях Тифлиса. В условиях столыпинской реакции петербургский Красный Крест окажет действительную помощь подложными паспортами и деньгами значительной группе русских и закавказских большевиков для организации побегов из сибирской ссылки, лечения, эмиграции. Среди них были Яков Свердлов, Иосиф Сталин, Серго Орджоникидзе, Елена Стасова, Сурен Спандарян, Шалва Элиава, Симон Тер-Петросьянц (легендарный Камо) и другие. Об этом интересном факте биографии Алексея Александровича рассказал его сын — профессор А. А. Беляков; и этот факт требует дальнейшей разработки и изучения (воспоминания А. А. Белякова-младшего, запись сделана в октябре 1984 года в Москве).

В тех же материалах Департамента полиции хранится дело «О ковенской мещанке Евгении Марковой Беляковой, урожденной Карпер». В одной из секретных справок министерства внутренних дел за 2 августа 1896 года дается следующая характеристика Алексею и Евгении Беляковым: «Супруги Беляковы по своим убеждениям представляются личностями безусловно вредного направления. Причем, не скрывая несколько своих революционных взглядов, они открыто заявляют о них в обществе, стараясь при этом разъяснить своим знакомым существо разных социальных теорий. Знакомство Беляковых составляют преимущественно местные ссыльные и поднадзорные. А кроме того Беляковы состоят в близких отношениях с фельдшерицами на переселенческом пункте станции Омск, замеченными неоднократно в возбуждении переселенцев против железнодорожной администрации». (ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1893 г., д. 826, лл. 64, 69).

В мае 1898 года последовали третий арест и трехлетняя ссылка в заполярный Архангельск. Туда выехали всей семьей с тремя малолетними детьми. В ссылке Беляковы пробыли с августа 1898 по июнь 1901 года (там же, ф. ДП. 00, 1894 г., д. 1205, лл. 49, 50, 51).

Осенью того же года семья переехала в Петербург. Это был первый приезд Алексея Александровича в город на Неве. На всю жизнь пленил его Петров град своей неповторимой красотой, величественными дворцами и набережными, и, главное, стойкостью и сознательностью питерских рабочих. Первые недели жили без предварительного разрешения полицейских властей. Квартирu сняли в дешевом доходном доме полковника А. Н. Елагина под номером 120, на Лиговской улице (там же, лл. 51, 56).

Первые недели жили очень трудно, денег попросту не хватало на хлеб насущный. Алексей Александрович и Евгения Марковна буквально бегали по городу в поисках частных уроков, хотя бы для какого-нибудь заработка. Ему приходилось подрабатывать и грузчиком на Николаевском или Варшавском вокзале, в морском порту, ей — постирывать чужое белье, поочередно сидели или гуляли с детьми, занимались с ними немецким и французским языками. Важной заботой была и подготовка к сдаче экзаменов по строительному делу. В делах Департамента полиции сохранилось прошение А. А. Белякова, написанное 15 января 1903 года, «...о продлении разрешения на жительство в Петербурге до 2 марта 1903 года для подготовки и выдержания испытания при техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел на право производства строительных работ. Подготовкой к экзаменам я занимаюсь у господина секретаря Института гражданских инженеров — гражданского инженера И. Б. Михаловского, а жительство имею по Загородному проспекту, дом 28, кв. 13, у зубного врача Врублевского» (там же, л. 64).

Все это были, так сказать, чисто внешние, личные дела. Однако были и дела потаенные. В сугубо нелегальных условиях 1902 — начала 1903 года Беляков установил связи с руководящим ядром Петербургской организации РСДРП Е. Д. Стасовой, И. И. Радченко, А. В. Шотманом. В те месяцы Алексей Александрович не принимал активного участия в нелегальной работе партийной организации, ибо жандармерия и полиция неукоснительно следили за каждым его шагом, его семьей. И все же он штудировал каждый номер ленинской «Искры», познакомился с книгой В. И. Ленина «Что делать?».

В марте 1903 года экзамены на звание техника-строителя были успешно сданы. 2 апреля А. А. Беляков с семьей покинул Петербург. Его пути-дороги вновь лежали в район Челябинска, Омска и Томска. Затем он переезжает в Туркестан и Киргизию, где строит мосты, железнодорожные разъ-

езды, возводит оросительную систему. После II съезда РСДРП вошел в ряды партии большевиков и последовательно придерживался ленинской линии.

Осенью 1905 года первая российская революция достигла своего апогея. А. А. Беляков с семьей возвратился в Петербург и сразу оказался в центре революционных событий. Он вошел в редакцию большевистской газеты «Новая жизнь», где работал рука об руку с В. И. Лениным, который вернулся в столицу из эмиграции 8 ноября, А. М. Горьким, А. В. Луначарским, М. Ф. Андреевой, В. В. Воровским, М. С. Ольминским. Однако 2 декабря газета была закрыта царскими властями. Еще в ноябре 1905 года В. И. Ленин поставил вопрос о создании в Петербурге легальной большевистской типографии. Чтобы руководить революционным движением в огромнейшей по территории стране — разнонациональной, разноязыкой, разнокультурной, давать четкие директивы многотысячной пролетарской партии и ее разбросанной системе городских, поселковых и сельских парторганизаций, следовало иметь мощную полиграфическую базу с крупной типографией. Этому обстоятельству Владимир Ильич придавал архиважное значение. 3 октября 1905 года Ленин писал в ЦК РСДРП: «Проходят времена идейного руководства путем «шептания» на явках и свиданиях с агентами! Надо руководить политической литературой» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 76). Через три недели, 26 октября, Ленин вновь, в письме к большевичке М. М. Эссен в Петербург, возвращается к этой мысли: «...на легальную газету теперь тоже надо обратить много внимания. Загранице уже приходится частью закрывать лавочку (пропагандистская литература), — скоро закроем совсем и откроем в Питере». Вождь партии подчеркивал, что нужна «новая легальная газета, которая будет иметь аудиторию в десятки, если не сотни тысяч рабочих...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 47, с. 100—101, 105). Вот для всего этого ленинской партии и нужна была мощная полиграфическая база.

Поэтому в ноябре-декабре 1905 года В. И. Ленин поставил вопрос о переводе в Петербург из Баку ставшей уже тогда легендарной подпольной типографии «Нина». Еще в начале 1901 года грузинские революционеры-марксисты Ладдо Кецховели и Авель Енукидзе создали небольшую, но хорошо законспирированную типографию под условным названием «Нина». Через несколько месяцев по предложению В. И. Ленина и по примеру кишиневской типографии «Иск-

ра» («Аким») «Нина» была расширена и переоборудована для печатания ленинской газеты «Искра» и газеты грузинских марксистов «Брдзола» («Борьба»), выходившей на грузинском языке. Владимир Ильич проявлял неизменный интерес к работе этой типографии. Он посоветовал грузинским печатникам печатать «Искру» с матриц, которые нетрудно было переслать через границу. Ленин доказал и преимущества этого способа: «1) не надо иметь шрифта, 1а) гораздо скорее, 2) меньше людей — значит безопаснее в конспиративном отношении, 3) газета будет иметь вид заграничной, что опять-таки в видах конспирации гораздо удобнее». Он настаивал на проведении опытов печатания с матриц, просил сообщать о результатах и постараться как можно скорее издать целиком хоть один номер «Искры». Грузинские революционеры выполнили это ленинское указание. При этом они, как неоднократно уже делали и ранее, проконсультировались с петербургскими партийцами. Вскоре один за другим выехали в Баку известные ленинцы Л. Б. Красин и И. И. Радченко, а также петербургский студент Н. Н. Простосердов.

...В течение января-февраля 1906 года из Баку в Петербург с большим трудом и риском, но с соблюдением полнейшей конспирации было переправлено объемное типографское оборудование. Тогда же в столицу прибыла группа грузинских большевиков-печатников: Авель и Семен Енукидзе, Ваню и Георгий Стуря, Сильвестр Тодрия, Ваню Болквядзе, Ладо Думбадзе и другие. Это была когорта мужественных молодых людей, рыцарей революции, до последнего вздоха преданных интересам партии и рабочего класса. Почти все они были выходцами из Кутаисской губернии, отчаянно смелыми, высокими профессионалами в типографском деле, прекрасно владели огнестрельным и холодным оружием. И не дай бог, чтобы в их круг проник трус, провокатор или предатель — его ждало справедливое возмездие. Грузинские революционеры представляли собой особо законспирированную группу боевиков-печатников, выполнявших наиболее ответственные и рискованные задания В. И. Ленина, ЦК партии и боевой технической группы ЦК РСДРП.

Для организации новой полиграфической базы нужны были крупные денежные суммы. Их поисками занимался главный казначей партии Леонид Борисович Красин. Значительные вклады сделали врач И. Г. Симонов, добрый знакомый Ленина и особенно Крупской по совместной работе в смоленской вечерней воскресной школе для питерских рабо-

чих, сочувствовавшая большевикам О. А. Мухина, владелица меблированных комнат на Большой Морской улице. Часть средств внесло Кавказское союзное бюро РСДРП; они были переданы Красину через Миха Цхакая и Авеля Енукидзе («Метлицкий Б. Электротечатня товарищества «Дело». «Нева», 1970, № 3, с. 139; Личный архив члена КПСС с 1903 г. Л. Н. Вороновой, воспоминания 60-х годов — Сухуми—Цебельда).

В феврале 1906 года близкий соратник Ленина — Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич снял в аренду часть цокольного этажа и квартиру под номером 54 дома 96 по набережной реки Фонтанки. Это было типичное доходное шестизэтажное многоквартирное здание постройки конца прошлого века. Здание и его двор имели выходы на Фонтанку и Малый Казачий переулок, подходы к дому хорошо просматривались из смежных квартир. Все это имело немаловажное значение для конспирации в случае неожиданного полицейского налета.

Установкой и монтажом типографского оборудования руководили Алексей Беляков и Авель Енукидзе. Дом 96 по набережной Фонтанки подключили к силовой электролинии по распоряжению Л. Б. Красина, заведовавшего кабельной сетью и проживавшего недалеко отсюда (Фонтанка, дом 56/6). Сама типография была в градоначальстве зарегистрирована под официальным названием «Электротечатня товарищества «Дело». Официальными владельцами ее числились — один из первых российских марксистов, инженер-технолог М. И. Бруснев, С. Б. Красина-Лушниковна — сестра Л. Б. Красина и О. А. Мухина. Заведующим типографией стал Алексей Александрович Беляков, а старшим бухгалтером — Иван Иванович Радченко, недавно бежавший из ссылки и проживавший по подложному паспорту (Ленин в Петербурге-Петрограде. Лениздат, 1980, с. 220—221).

С конца марта 1906 года «Дело» начало выпускать марксистскую литературу. 26 апреля вышли в свет центральный орган партии—газета «Волна» и журнал «Библиотека наших читателей». Спустя годы В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «К этому времени у нас на средства нашей партии была уже организована громадная типография «Дело». Мы, конечно, отдавали все наши заказы в эту нашу собственную типографию, которая сослужила огромную службу делу пропаганды наших взглядов» (Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч., т. 2. М., 1961, с. 387). Не только петербургские, но

российские и закавказские большевики еще никогда не имели такой значительной по размаху и технической оснащенности издательской базы.

Здесь, на Фонтанке, 96, четыре месяца проработал Алексей Александрович Беляков с А. С. Енукидзе и его группой боевиков-печатников. И вновь часто виделся, работал и беседовал с В. И. Лениным. Типография стала центром кипучей издательской деятельности большевиков. Тут печатались популярные ленинские брошюры и статьи, журнал «Вестник жизни», партийные газеты «Волна», «Вперед», «Эхо». Только в 56 номерах этих газет было помещено свыше 60 передовиц, статей и заметок В. И. Ленина. Одной из первых была напечатана брошюра В. И. Ленина «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)». (В. И. Ленин. Биохроника. Т. 2. М., 1971, с. 229, 259; Очерки истории Ленинградской организации КПСС. 1883—1917. Т. 1, Л., 1980, с. 147).

А. С. Енукидзе, близко общавшийся в тот период с В. И. Лениным, вспоминал: «Он аккуратно в течение двух месяцев приходил утром в редакцию. Там была небольшая комната, где помещалась редакция, и еще меньше — его кабинет. К приходу Владимира Ильича готовились все газеты. У его стола стоял большой плетеный стул. Он встанет на стул на колени, обопрется о стол и с красным карандашом в руке читает подряд несколько газет, начиная с «Нового времени». Отчеркивает то, другое, потом берет «Русь» и так далее. Все газеты перечитывает до 12 часов; причем все время отмечает те или иные места. Потом все сложит и в полдень уходит перекусить. Питался он там же, у Фонтанки, в Казачьем переулке, в маленьком ресторане (это был ресторан Елиз. Мильбрет по Большому Казачьему переулку, 11 — Авт.). Заходит туда, ему моментально подают. Он поест и идет к половине второго снова в редакцию» (Енукидзе А. История организации и работы нелегальных типографий РСДРП. «Пролетарская революция», 1923, № 2, с. 162-164).

Немалая заслуга в успешной работе легальной большевистской типографии «Дело» принадлежала и А. А. Белякову, его уменню достать деньги, детали, шрифт, бумагу, краску. Алексей Александрович активно сотрудничал с грузинскими большевиками-печатниками, обслуживавшими типографию «Дело». Тесные дружеские отношения у него установились с Авелем Енукидзе, Ваном и Георгием Стуруа. Верными

помощниками у Беякова в распространении ленинских изданий, пересылке их нелегальными транспортами в Грузию и Абхазию стали уроженки Тифлиса, курсистки Высших курсов П. Ф. Лесгафта, члены партии с 1903 года Людмила Воронова и Клавдия Александр, член партии с 1905 года Лидия Качаунова, замечательная грузинская революционерка, член партии с 1906 года, курсистка-бестужевка Мария Микеладзе.

На плечи Алексея Александровича легли также обязанности предохранения типографии «Дело» от возможных полицейских и цензорских провокаций. Менее чем за месяц (с 26 апреля по 24 мая 1906 года) царские власти привлекли газету «Волна» и ее редакцию сразу к трем судебным делам, а полиция неоднократно пыталась конфисковать отдельные номера газеты. Однако В. И. Ленин и работники редакции предусмотрели все эти репрессии. Беяков договорился с рабочими—разносчиками газет («газетчиками») о том, что они будут приходить за «Волной» рано утром и что тираж будет передаваться частями по мере напечатания. Когда же полиция являлась на Фонтанку, 96 с ордером на арест «преступного» номера — обычно это происходило в девять-десять часов утра, — весь тираж газеты был вынесен, вывезен и распродан. Чаще всего в таких ситуациях полиция оставалась ни с чем.

Через неделю после закрытия «Волны», когда уже выходила газета «Вперед», вечером 3 июня полиция оцепила дом 96 по Фонтанке. Она ворвалась в квартиру 54 и в типографию. В. И. Ленина и членов редколлегии не было в помещении. «Встречал» полицейских Алексей Александрович Беяков. Ротационная машина была остановлена. Полиция устроила многочасовой обыск, искали нелегально отпечатанную брошюру В. И. Ленина «Доклад об Объединительном съезде РСДРП». Три четверти объема брошюры основного тиража были отпечатаны и отосланы в Москву. В типографии «Дело» допечатывались приложения к брошюре — документы IV съезда РСДРП. Полиция конфисковала почти 40 пудов заключительной части брошюры. Ленинский «Доклад» был спасен, только часть тиража брошюры вышла в свет без приложений. В сохранении ленинского труда, его основного тиража немаловажную роль сыграл заведующий типографией «Дело» А. А. Беяков (Метлицкий Б. Электропечатня товарищества «Дело»—«Нева», 1970, № 3, с. 140—141).

Вместе с тем монархическая реакция переходила в наступление. 7 июля 1906 года, в канун роспуска I Государственной думы, был приостановлен выпуск центрального органа партии — газеты «Эхо» — продолжательницы «Волны» и «Вперед». В июле 1906 года В. И. Ленин и ЦК РСДРП решили перенести издание центрального органа партии — газеты «Пролетарий» из Петербурга в Выборг. Операция была блестяще выполнена Беляковым, Енукидзе и грузинскими печатниками. Эта страница биографии Алексея Александровича уже описана авторами очерка (См.: «Литературная Грузия», 1983, № 1, с. 190—191).

А вот окончательная судьба электропечати товарищества «Дело» еще неизвестна в советской исторической науке. О ней не знают ни историки, ни читатели. И все же судьбу типографии «Дело» нам удалось наконец-то узнать из обнаруженного недавно в материалах Департамента полиции архивного дела под названием «По наблюдению за формальным дознанием об обнаружении в складе «Безопасность» нелегальной литературы ЦК РСДРП. Начато 3 июня 1908 г.». Перелистаем плотные пожелтевшие листы этого дела. Вот о чем оно поведало.

...Все началось с того, что 20 мая 1908 года, когда А. А. Беляков уже работал в Баку и Тифлисе, крупный наряд полиции оцепил товарные склады «Безопасность» по Забалканскому проспекту (ныне Московский проспект), дом 75 и устроил там повальный обыск. К крайнему удивлению полиции и прокуратуры на складе оказалось 1000 пудов революционной литературы (ее взвешивали в мешках на грузовых весах!), американская «бостонка» (ротационный печатный станок), ручной печатный станок, две стереотипные печи, типографского шрифта 394 пуда, инструменты и материалы для изготовления матриц, запасные части к «бостонке» и ручному печатному станку (ЦГАОР СССР, ф. ДЦ, VII делопроизводство, 1908 г., д. 3402, л. 6).

И закрутилось-завертелось бюрократическое колесо полицейско-жандармского следствия. Довольно быстро было установлено, что товарные склады «Безопасность» по существу являлись нелегальным главным складом литературы Центрального Комитета партии большевиков, а типографское оборудование принадлежит товариществу «Дело». В самом конце 1907 года это оборудование было демонтировано и с Фонтанки, 96 перевезено вместе с литературой на Забалканской, 75. 29 ноября 1908 года начальник Петербургского

губернского жандармского управления сообщал в Департамент полиции: «...Типография товарищества «Дело» оборудована на средства, добытые экспроприацией в гор. Тифлисе, и существовала исключительно для партийных целей. Сведения эти в настоящее время проверяются. Кладовая склада «Безопасность», где хранится означенное имущество, спечатана печатью вверенного мне жандармского управления» (там же, лл. 6—7, 19 и об.).

Это сообщение не соответствовало реальности. Экспроприация грузинскими боевиками во главе с легендарным Симоном Тер-Петросьянцем (Камо) огромной суммы денег (порядка 250—320 тысяч рублей) была произведена на Эриванской площади в Тифлисе в июне 1907 года, то есть когда типография «Дело» функционировала уже в течение 15 месяцев. Прохлопав в итоге деятельность «Дела» и ее законспирированность, петербургская охранка теперь все сваливала на грузинских боевиков и экспроприированные ими денежные суммы. Однако это было крайне трудно доказать, что и понимала петербургская жандармерия.

Ровно через полмесяца, 16 декабря 1908 года, начальник столичной жандармерии доносил в Департамент полиции: «...Установить нелегальность происхождения типографского имущества «Дела», оказавшегося в означенном складе, не представляется возможным. Сведения охранного отделения о том, что типография «Дело» была оборудована на деньги, добытые экспроприацией в гор. Тифлисе, и служила для нелегальной цели, не могут быть проверены в порядке формального дознания. Типографской экспертизой выяснено отчасти, что лишь некоторые запрещенные к обращению брошюры печатались шрифтом названной типографии» (там же, л. 8).

Ясно, что петербургская жандармерия стремилась уйти от ответственности за провал слежки и своевременного пресечения деятельности «Дела», его грузинского боевого ядра, и теперь искала этому всякие объяснения..

Неожиданно жандармско-полицейскому следствию помог сам владелец товарных складов «Безопасность». Купец и коллежский ассессор Н. С. Цетлин, предварительно получив от руководителей типографии «Дело» (Енукидзе и Белякова) несколько десятков 500-рублевых ассигнаций (из тех самых, которые были добыты грузинами-боевиками во главе с Камо в Тифлисе) и яредоставив свою «Безопасность» для укрытия типографского оборудования и большевистской литературы,

решил покаяться Департаменту полиции. 21 ноября 1908 года он направил туда свое прошение, сообщив, что типографское имущество было «доставлено на склад инженерно-технологом М. И. Брусневым». И, конечно, ни слова о тех суммах, которые он получил от А. А. Белякова и А. С. Енукидзе за сохранение типографского оборудования «Дела» и революционной литературы. Полиции и Цетлину неведомо было, что Михаил Иванович Бруснев являлся одним из ближайших сподвижников В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. Сей добровольный предатель (Цетлин) жаловался в своем прошении: «Я обратился в СПб-ское губернское жандармское управление с таковым ходатайством о распечатании кладовой (т. е. складов «Безопасность». — Авт.), на каковое, однако, досих пор никакого ответа от последнего не получил (т. е. от жандармского управления. — Авт.). Таким образом кладовая моя почти полгода уже находится запечатанной, и я несу ничем не заслуженные убытки. Ввиду вышесказанного честь имею покорнейше просить Ваше высокопревосходительство о возможно скором снятии печатей и уборке находящихся в названной кладовой вещей. Две гербовые марки 75 копеек достоинства при сем прилагаются» (ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1908 г., д. 3402, л. 9).

Складской купец решил предупредить события, чувствуя, что если он вовремя не сознается в своих грехах, то ему грозит либо несколько лет сибирской каторги, либо месть в виде меткого револьверного выстрела от грузинских боевиков-печатников за предательство или от черносотенных головорезов, если бы те узнали, что он прячет типографское оборудование центральной типографии большевиков. Поэтому Н. С. Цетлин и решил уйти под «прикрытие» Департамента полиции. 14 февраля 1909 года он вновь пожаловался в министерство внутренних дел, что его «кладовая № 9 «Безопасность» не распечатана и я несу совершенно незаслуженные убытки»; вновь «при сем прилагались две гербовые марки достоинством 75 копеек» (там же, лл. 13—16).

Однако ниточка для следствия была дана. В конце концов кладовая под номером 9 склада «Безопасность» была вскрыта. К ужасу полиции там хранилась огромная библиотека негегальной литературы, состоящая из 350 названий в количестве 115142 экземпляров книг, брошюр, газет, то есть целая городская библиотека. Начальник столичного жандармского управления констатировал 4 марта 1909 года в своем докладе: «По осмотру этого последнего книжного имущества

там оказалось значительное количество нелетальных сочинений, состоящих преимущественно из изданий агитационной и частью революционной литературы, подлежащих выемке и приобщению к делу в качестве вещественных доказательств» (там же, л. 18 и об.).

С помощью того же Цетлина жандармерия наконец-то вышла на след Алексея Александровича Белякова. В это время он уже скрылся из Петербурга, некоторое время работал в Баку и Тифлисе, затем переехал в городок Благовещенск на Амуре, где завершалось железнодорожное строительство. 21 марта 1909 года столичная жандармерия сообщала в Департамент полиции: «...Бывший заведующий типографией товарищества «Дело», техник-строитель А. А. Беляков, проживавший с семьей по Ивановской улице (ныне Социалистическая улица. — Авт.), дом 4. Упомянутый Беляков до возбуждения настоящего дела скрылся и, привлеченный к дознанию в качестве обвиняемого, подлежит розыску... По сообщению С.-Петербургского охранного отделения, Беляков — лицо, политически крайне неблагонадежное и, кроме того, был замечен в том, что совместно с петербургским присяжным поверенным Е. И. Кедриным менял пятисотенные кредитные билеты, добытые экспроприацией, бывшей в июне 1907 года в Тифлисе» (ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1908 г., д. 3402, л. 19).

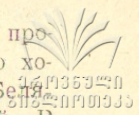
В ходе следствия полиции удалось установить также, что большевикам Енукидзе, Белякову и Радченко в свое время удалось приобрести две крупные ротационные машины для типографии «Дело». Куплены они были на деньги, экспропрированные в Тифлисе. Когда над «Делом» нависла угроза полицейского разгрома, Алексей Александрович сумел их упрятать: одну — крупную ротационную — на хранение в типографию Березина по Ивановской улице, в доме 14; вторую — плоскую — в типографию Пентковского по Большой Подъяческой, в доме 22. Оказывается, до отъезда из Петербурга Беляков короткое время работал управляющим типографией товарищества художественной печати А. Березина. Поэтому ему и удалось довольно быстро спрятать от полиции оборудование и имущество типографии «Дело» (там же, л. 19 об. 20 и об.). Вспомним, что Алексей Александрович с семьей и проживал на этой же Ивановской улице, в доме 4. Но ведь в типографии Березина по Ивановской, 14 с 22 апреля (5 мая по новому стилю) 1912 года начала издаваться ленинская газета «Правда». И корни ее

уходили в 1905—1907 годы, и у истоков ее стояли В. И. Ленин, его земляк и друг А. А. Беляков...

Следствие по делу типографии длилось три года. Жандармерия и полиция его императорского величества израсходовали десятки тысяч рублей на следствие и филерскую слежку, истратили пуды бумаги и ведра чернил на бюрократическую переписку. И все три года не могли обнаружить главного «виновника» — техника-строителя А. А. Белякова. В одной из справок Департамента полиции говорилось: «Так как Беляков скрылся, дознание приостановлено производством впредь до явки или розыска» (там же, л. 24).

И вдруг — гром среди ясного неба. 11 сентября 1911 года на имя директора Департамента полиции пришла секретная зашифрованная телеграмма от жандармского ротмистра Акцынова из Благовещенска. В ней говорилось: «Согласно циркуляра 1909 года № 151023, у Алексея Александровича Белякова мною произведен обыск без результата (многоопытность большевика-подпольщика! — Авт.). Вследствие заявления начальника работ постройки средней части Амурской железной дороги, что Беляков состоит доверенным компании «Техник», подрядчиком земляным (и) мостовым работам на сумму 2 млн. рублей. Немедленный его арест приведет задержку в работах. Мною временно он передан под безотлучный надзор полиции. Испрашиваю дальнейших указаний» (там же, л. 58).

Складывался парадоксальный случай: всероссийская жандармерия три года разыскивает «государственного преступника» Белякова; его обнаруживают в Благовещенске, обыскивают безрезультатно, устанавливают «безотлучную» слежку полиции, но боятся арестовать, ибо это сорвет строительные работы на Амурской железной дороге. И что удивительно, за большевика-ленинца, талантливого техника-строителя горой встали владельцы строительной компании «Техник». Конечно, не из «любви» к нему, а из боязни потерять свои прибыли. В открытой телеграмме компании «дворянина Гейса, Казаченко, коллежского советника Трофима Семенкова» из Благовещенска от 13 сентября 1911 года в Департамент полиции сообщалось: «Внезапное изъятие из Благовещенска А. А. Белякова грозит полным финансовым крахом товариществу, имеющему свыше чем на миллион рублей казенных подрядов на постройку Средне-Амурской ж.д. дороги, сильно расстроит порядок на работах, даже создаст серьезные недоразумения при расчете свыше 1000 рабочих, причинив убытки казне,

всему торговому сословию Благовещенска. Покорнейше просим, если нет возможности избежать ареста Белякова, то хотя бы отсрочить этот арест до января 1912 года, когда Беляков освободится от срочных ответственных обязанностей. В случае надобности можем представить солидное поручительство, но только путем оставления Белякова в Благовещенске». Такая же телеграмма пошла в Петербург к министру торговли и промышленности (ЦГАОР СССР, ф. ДП, VII д-во, 1908 г., д. 3402, лл. 60, 62—65).

Вся эта переписка закончилась тем, что Департамент полиции, Петербургское губернское жандармское управление и Благовещенское уездное жандармское отделение по соглашению с прокурорским надзором признали возможным допросить А. А. Белякова в Благовещенске и «мерою пресечения избрать залог с него в сумме пяти тысяч рублей» (там же, л. 72). При допросах Алексей Александрович не признал себя виновным в «...деятельности насильственного посягательства на изменение в России установленного законами образа правления» (там же, л. 88). Он был арестован и посажен в областную тюрьму до внесения им денежного залога в 5000 рублей. Через неделю, 23 ноября 1911 года, доверенный «Торгового дома И. Я. Чурин и К^о» М. П. Коробов вручил ротмистру Акцынову поручительство и пяти тысячный залог за Белякова, и он был освобожден из тюрьмы. Через некоторое время Алексей Александрович с семьей выехал в Петербург, чтобы стать там одним из редакторов-издателей ленинской газеты «Правда». Там он вновь будет работать рука об руку с выдающимися грузинскими большевиками А. Енукидзе и С. Тодрия. 12 июня 1913 года судебное дело А. А. Белякова было прекращено (там же, лл. 88, об., 92 об.).

Так большевик-ленинец А. А. Беляков работал на партию и революцию, а как техник-строитель — на развитие производительных сил своей родины России и одной из ее национальных окраин — Закавказья. Дальнейший жизненный путь А. А. Белякова, очевидно, читателю известен из нашего очерка о нем, опубликованного в «Литературной Грузии» (1983 год, № 1, сс. 191—197).

Мы встретились со старшим сыном А. А. Белякова — Александром Алексеевичем в светлой и гостеприимной квартире старого московского дома, что находится в центральной части столицы, в одном из маленьких переулков, близ площади Ногина, где расположен комплекс зданий Центрального Комитета КПСС и Центрального Комитета комсомола.

В августе 1984 года ему исполнилось 90 лет, и страна широко отметила день его рождения. Жизнь Александра Алексеевича не менее легендарна, чем жизнь его отца — революционер, неоднократно видевший В. И. Ленина и беседовавший с ним, участник империалистической и гражданской войн, Февральской и Октябрьской революций. Долгие годы работал вместе с выдающимся большевиком-ленинцем, другом и соратником В. И. Ленина, крупным советским ученым-гидростроителем, академиком Г. М. Кржижановским.

Александр Алексеевич Беляков — один из выдающихся советских ученых и инженеров-гидростроителей. Профессор, доктор технических наук, академик Академии архитектуры и строительства СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, заслуженный строитель РСФСР, лауреат Ленинской премии и Государственных премий СССР. Кавалер нескольких орденов Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени. Главный строитель или научный консультант строительства почти всех крупнейших гидроэлектростанций СССР и среди них: Волховской, Днепрогэса, Свирской, Братской, Каховской, Куйбышевской, ряда электростанций Закавказья. Профессор Беляков почти полностью потерял зрение, но по-прежнему сохраняет светлый ум, цепкую память, неуемную энергию, является главным научным консультантом одного из министерств.

Мы попросили Александра Алексеевича вспомнить о встречах его отца с В. И. Лениным, свидетелем которых он был. Ученый рассказывает:

— С лета 1906 года, когда В. И. Ленин поставил вопрос о переносе выпуска центрального органа партии — газеты «Пролетарий» из Петербурга в Выборг, мы переехали с семьей в Териоки (ныне Зеленогорск — в 54 километрах от Ленинграда). Мой отец контролировал работу типографии «Дело» в Петербурге и вместе с Владимиром Ильичем организовывал выпуск «Пролетария» в Выборге. За отцом тщательно следила полиция, вот и пришлось ему с семьей скрываться в «ближней эмиграции» в Финляндии.

Поселились мы в финском двухэтажном домике в Андреевском переулке. Снимали второй этаж из трех комнат с небольшой верандой. Обстановка была самая скромная: деревянные кровати с матрацами, набитыми свежим сеном (отец сам очень любил косить), деревянные скамьи вдоль стен, два-три стула, на окнах скромные занавеси. Запомнились мне две вещи: настольная керосиновая лампа с зеленым

абажуром и объемный медный самовар. Отцу часто приходилось работать по ночам при свете лампы, и он любил пить крепкий чай горячим или холодным.

...Владимир Ильич раза три побывал в нашем доме. На сколько я помню сам и, главное, из рассказов отца, первое посещение Ленина было связано с переводом редакции и наборщиков газеты «Пролетарий» в Выборг. Тогда отец только что вернулся из Выборга, где договорился со шведскими социал-демократами о печатании там «Пролетария». Отец был доволен итогами поездки и подробно проинформировал о них Владимира Ильича. Алексей Александрович поставил перед Лениным вопрос о необходимости переезда в Финляндию — Выборг и всей грузинской десятки печатников-большевиков во главе с Авелем Енукидзе. Ленин с этой идеей согласился, потом добавил:

— Молодцы, грузинские товарищи! Вот уже почти полгода бесперебойно печатают наши большевистские газеты, нашу литературу. И фактически ни одного крупного провала. Поразительные организованность и сплоченность, помноженные на смелость и риск, и это — невзирая на весь их южный темперамент и интерес к жизни. Главное для грузинских наборщиков — забота о деле, о революции. Их подвига наша партия не забудет...

Я уже сказал, что наш дом был двухэтажный. Мы жили на втором этаже, а первый этаж снимала группа эсеровских боевиков. Их комнаты и подвал были буквально забиты взрывчаткой, боеприпасами, капсулами с гремучей ртутью, металлическими оболочками для ручных бомб. Почти каждый день они что-то конструировали, изобретали и раз в неделю где-то на лесной поляне испытывали свои бомбы, пугая грохотом взрывов местных мещан и особенно дачников. Как-то отец обо всем этом рассказал Ленину. Ильич проявил повышенный интерес к этой информации.

Через день-два он приехал к нам в гости и не один, а с каким-то кавказцем. Как выяснилось, это был легендарный Камо, который тогда скрывался на «даче Ваза» у В. И. Ленина и Н. К. Крупской. Ленин и Камо попросили Алексея Александровича познакомить их с эсерами-максималистами и их мастерской. При этом Ильич с тревогой пошутил:

— А вы, Алексей Александрович, не бойтесь, что вместе с семьей как-нибудь «взлетите на воздух» от этих эсеровских «штучек»?

Отец ответил, что эсеровских боевиков очень боится ме-

стная финская полиция, поэтому наш дом они обходят с этой стороны, а русской жандармерии боятся сообщать, ибо та обвинит их в бездеятельности и трусости. Вот, дескать, и вся польза от этого какая-то есть.

Тогда же Ленин и Тер-Петросьянц внимательно осмотрели мастерскую, где познакомились с производством ручных бомб, составом взрывной смеси, с результатами действия этих фугасов. Алексей Александрович был поражен интересом Ленина к искусству взрывного дела. Тогда Владимир Ильич обронил фразу:

— Мы, большевики, всему должны учиться во имя победы революции. Мы и сами умеем изготавливать свои бомбы, но если эсеровские мастера их лучше делают, мы и этот опыт должны учитывать.

Позднее мой отец вспоминал, что, очевидно, Камо что-то использовал из этого опыта для изготовления бомб в Закавказье, в Тифлисе, в частности во время известной тифлисской экспроприации банка.

Третье посещение Ленина нашей семьи в Териоках было неожиданным. Оно произошло глубокой осенью 1907 года. Владимир Ильич пришел к нам весь промокший, усталый, какой-то нервный. Оказывается, за ним в Петербурге увязались сразу два филера, и Ильичу никак не удавалось от них оторваться. Он даже проехал мимо станции Куоккала, где была «дача Ваза». И только в вечерних Териоках сумел от них оторваться, пользуясь темнотой и проливным дождем. Ленин провел у нас часа два: обсушился, погрелся, пил с отцом крепкий чай. Но ночевать не остался, как его ни уговаривал Алексей Александрович. Ильич не хотел беспокоить нашу семью, нас, троих детей, думал, что вот-вот может ворваться полиция. Мой отец всегда с теплотой вспоминал этот факт:

— Великий человек был Ленин. Думал и делал все для победы революции. Но и всегда помнил и заботился о детях, которым предстояло жить и трудиться уже при социализме...

Эти записанные нами воспоминания крупного советского ученого мы впервые предаем гласности.

 0000000000
 0000000000

Статья врача-психиатра и литератора М. И. Буянова посвящена весьма сложной проблеме, разрабатывая которую исследователи разных стран, в том числе и советские ученые, еще не пришли к единому мнению. И эта статья, разумеется, не решит проблемы «Гений и общество», но интересна сама постановка вопроса, некоторые наблюдения и выводы автора, а также то, что при анализе обильно привлекается и грузинский материал.

Статья носит дискуссионный характер, во многом она полемически заострена. Предлага-

вая ее к публикации, мы хорошо сознаем, что в социалистическом обществе многие из проблем, прямо или косвенно затронутых здесь, уже решены или решаются, но мы обсуждаем вопрос в целом, прослеживая его и в историческом плане. Мы понимаем и то, что научное изучение взаимоотношений одаренности и общества вряд ли завершится при жизни даже самых юных нынешних читателей, но нам кажется, что некоторые наблюдения и рекомендации специалиста могут заинтересовать читателей.

Михаил БУЯНОВ

Жить и сгорать у всех
 в обычае,
 Но жизнь тогда лишь
 обессмертишь,
 Когда ей к свету и величию
 Своею жертвой путь
 прочертишь.

Борис Пастернак

НЕКОТОРЫЕ УРОКИ

ОБЪЯСНЕНИЕ такого сложного, субъективного и противоречивого явления, как человеческий талант, требует чрезвычайной осторожности, здравомыслия и деликатности — как в отношении анализа конкретных фактов, так и в отношении трактовки их взаимосвязей.

Пока еще предприняты первые шаги на пути совместного изучения личности талантливого человека с помощью

медицинских и немедицинских методов. Путь этот бесконечен.

Еще в 1872 году известный итальянский ученый Чезаре Ломброзо опубликовал книгу с нарочито броским названием «Гениальность и помешательство» (русский перевод 1885 года). Многие из суждений Ломброзо не выдержали проверку временем, подвергались основательной критике (в частности, теория прирожденного преступника, от которой сам Ломброзо к концу жизни — а он скончался в 1909 году — отказался). Другие — по сей день пользуются популярностью.

Выход названной книги, которая рассматривала вопросы на стыке медицины, психологии, литературы и искусства, обострил интерес исследователей к изучению психологии выдающихся людей. В этом направлении пройден большой путь, открыты некоторые интересные закономерности. По нашему мнению, ныне акцент исследований нуждается в переключении с вопроса, чем болеют великие люди (тут никаких закономерностей не обнаружено), на иное: есть ли какая-либо связь между психическими особенностями личности с его необычным даром в той или иной области. Нерешенным остался и вопрос — отчего гений чаще всего пребывал в состоянии антагонизма — придуманного им или реального — в микросоциальном окружении современников, кто в этом антагонизме был повинен, что сделать, чтобы его избежать.

После «Гениальности и помешательства» ученые разных стран (в том числе и отечественные) опубликовали немалое число работ на эту тему. И наша статья тоже поднимает вопросы, которые стары, сложны и многогранны, как мир. Внимательно изучая жизнь талантливого человека, мы часто сталкиваемся с выраженной дисгармонией его души и вызванным этим конфликтом такой личности и общества. Целясь в малоприятного для себя поручика, Мартынов целился не только в своего «обидчика» — он целился в гениального поэта, создавшего нетленные шедевры. Убивая насмешника, он убил гордость российской словесности.

Больно резануло по сердцу, когда прочитал беспощадные строки Андрея Битова: «Горький пьяница, не имевший за свою жизнь семьи, умер в холодном подвале, умер никому не известный малеватель базарных вывесок. И лишь лет еще через тридцать в сознании любителей живописи наконец умирает великий народный художник... Полуграмотный, спивающийся крестьянин, никогда не видевший живописи, умудрив-

шийся оставить наследие, выразившее его, его время, его народ и даже самый дух нации с такой полнотой и любовью, какой это не удалось никому из грузинских художников, выразивший, по-видимому, навсегда» (А. Битов. Семь путешествий. Л., Советский писатель. 1976, стр. 583—584).

Как бы не хотелось, чтобы о добром, сердечном художнике по имени Нико Пиросмани говорилось так сурово! Ведь это укор всем нам — живущим ныне и жившим тогда. Как бы хотелось, чтобы об этом великом художнике отзывались как-то иначе, не бередили нашу совесть, не мучили сознанием, что современники (а мы все современники каких-то гениев) допустили, что Нико страшно жил и так нелепо умер. Ведь нет могилы даже, да и вообще мало что известно о Пиросмани, но то, что известно, это все так, как у Битова: из песни слова не выкинуть.

Но тут есть и вторая сторона проблемы: как бы современники ни помогали некоторым гениям, большинство из гениев так или иначе отказывались от этой помощи, она не шла им впрок. Будто каждый гений стремился не упустить ни единой возможности превратиться в мученика. Будто сам стремился себя погубить. И в результате непонимание, нищета, болезни, одиночество, ранняя смерть, позднее признание.

Что за заколдованный круг, неужто человечество обречено повторять одни и те же ошибки? Неужели талантливые люди тоже ничему не научились — ни на своем опыте, ни на опыте других?

Отношение современников к большому таланту в любой сфере никогда — за малым исключением — не было чересчур милосердным и терпеливым: оценить оригинальный талант в полную меру современникам трудно, нужна дистанция времени. В истории были замечательные примеры терпеливой, самоотверженной помощи гению, помощи, без которой гений не смог бы раскрыться в полной мере. Я имею в виду в первую очередь ту героическую многолетнюю поддержку, которую оказывал Марксу его великий друг Фридрих Энгельс.

Сейчас же, когда темп духовной жизни ускорился, а продолжительность физической жизни возросла, появилось больше шансов на своевременное признание гениев. Но гений на то и гений, чтобы идти впереди сверстников и своим подвижничеством прокладывать путь другим.

Это один аспект проблемы. И рассматривать его нужно, отбросив всякие эмоции.

Еще большая объективность и холодный рассудок необ-

ходимы, когда мы касаемся другой стороны: как сам гений относится к обществу, не создает ли он сам себе и своим доброжелателям непреодолимые трудности, не укорачивает ли себе жизнь, не провоцирует ли окружающих на губительное к себе отношение, не дает ли повод завистникам реализовать свой комплекс Сальери? Гений всегда незащищен, в нем нет такого прозаического инстинкта самосохранения, который сковывает мозг и сердце обычного человека, не позволяя в силу этого проявиться подспудным талантам.

Но как все же избежать или хотя бы уменьшить возможность этой провокации, чтобы не принести талантливому человеку — сознательно или неосознанно — вреда?

Много, очень много раздумий возникает, тут больше вопросов, чем ответов. Ясно одно: важна ответственность общества перед талантом и важна ответственность таланта перед обществом и перед своим даром.

Как свидетельствуют современники, да не всякие, а самые высокообразованные, здоровые, принадлежавшие к элите творческой интеллигенции, Пиросмани — во всяком случае в последние годы жизни — не был таким уж обездоленным и безвестным. В молодости он был довольно зажиточен, потом растратил все свои средства ради какой-то заезжей кафешантанной дивы, стал пить, опустился, будто решил подтвердить точку зрения В. Катаева, высказанную в романе «Алмазный мой венец», что для выявления в себе творческого начала и создания шедевра нужно пережить неудачную любовь.

Как только Пиросмани стал популярным в городе живописцем, он получал столько денег, сколько хотел: другое дело, что много он и не просил, а полученное пропивал.

Во времена Пиросмани проживали в Тифлисе и другие художники, в том числе и неплохие примитивисты. Только что-то нигде не описано, чтобы они жили в такой страшной и унижительной нищете, в какой пребывал Пиросмани.

Один из братьев Зданевич — Кирилл — художник, друг, покровитель Пиросмани, фактически его первооткрыватель для широкой публики¹ — упоминает двух тифлиссских

¹ К. М. Зданевич. Нико Пиросманашвили. М., 1964 — в этой прекрасной книге, вышедшей с предисловием К. Паустовского, излагаются многочисленные свидетельства современников великого художника; упоминаемые в нашем очерке факты взяты из нее.

художников-самоучек, в свое время не менее известных. Речь идет о Карапете Григорьянце, расписавшем популярную в свое время столовую под игривым названием «Симпатия» и о Ване Ходжабегове. Оба жили бедно, картины их не дошли до наших дней (не было у них своих братьев Зданевич), но жили они вовсе не так, как Пиросмани.

Пиросмани был членом Союза художников Грузии, но посетил лишь первое — учредительное заседание. Ему помогали разные люди (хотя бы те же братья Зданевич и Ле Дантю), но все было напрасно: любые деньги поступали к художнику лишь с одной целью — поскорее ускользнуть из его рук, чтобы Пиросмани вновь очутился на самом тифлисском дне.

Пиросмани любил жаловаться на недомогание, на какую-то слабость. Его и с железной дороги уволили из-за того, что он часто болел. Но что это была за болезнь, мы не знаем и, видимо, никогда не узнаем. Даже если это было и физическое страдание, то оно неразрывно переплеталось с определенными психическими свойствами, о которых мы еще будем говорить.

Имея многочисленных покровителей, Пиросмани помощь их не ценил и толку от нее для него не было. Естественно, что это вызывало у его покровителей раздражение, но тем не менее они продолжали ему помогать. Терпения у них хватало, как хватало терпения и у Пиросмани... игнорировать эту помощь.

Многие из грузинских интеллектуалов, с которыми я говорил о судьбе Пиросмани, объясняли его образ жизни одним словом — богема. Понятие это сложное, в разные эпохи определялось по-разному, содержание, вкладываемое в это слово, тоже неоднозначно.

У Пиросмани был громадный талант, а история прощает великим то, что она не прстит заурядности. Потомки прощают богему не человеку по фамилии Пиросмани, а великому художнику, и горько сожалеют, что богемные установки сгубили этого человека и тем самым прервали жизненный путь художника. Никто из богемствующих художников не доводил себя до такой степени нищеты, как Пиросмани.

В сознании читателя, не изучавшего жизнь Пиросмани по литературным источникам, а знающего его лишь по созданным им картинам, да и по легендам, эстрадным песням, сложился облик наивного, благосродного, бесхитростного че-

ловека, немного не от мира сего (то же самое касается В. Хлебникова, Ван Гога и других). Возможно, так на самом деле и было: во всяком случае его творчество — а точнее калло души любого художника — создаст именно такое представление о Пиросмани-человеке. Ведь для понимания психологии творца психологи и психиатры давно привлекают его произведения.

Творчество гения не может не вызывать восхищения, и поэтому понятно стремление не замечать негативных сторон жизни реального человека по имени Нико. Но не замечать — это не путь ученого. Мы пытаемся разобраться в закономерностях противоречий, присущих великим людям, чтобы не быть обреченными на повторение ошибок. Словно пытаюсь загладить свою вину перед гениями, униженными при жизни и доводимыми или доводящими самих себя до быстрой смерти, потому что хотят это забыть и обрушиваются на всякого, кто напоминает им о том, как несправедливо, немилосердно, придирчиво, злобно они относились к живому гению, боготворя его после смерти.

Не закрывать на обстоятельства глаза, а напоминать о них, особенно молодежи, внушать, что вести себя следует во всех случаях жизни и независимо от степени таланта так, как принято в обществе, не нарушать его правила игры, ибо в противном случае последует наказание, которое может оказаться трагическим. Человек сам хозяин своего характера, нет характеров, которые нельзя было бы обуздать самому владельцу характера, только нужно обуздывать, а не мечтать о вседозволенности.

Неужто личность не способна использовать опыт предыдущих поколений? К чему тогда знание истории и вообще всякое образование?

Считается, что Пиросмани был малообразованным самоучкой, плохо знавшим историю искусства. Предположим, что он не знал о трагической судьбе многих гениев, поэтому, дескать, и не делал верного вывода из своей жизни и из жизни предшественников. Но Рембрандт-то, Ван Гог — они же знали историю. И тем не менее первый умер от холода и голода на чердаке одного из амстердамских домов, а второй всю жизнь страдал от тех же проблем, которые добивали его блистательных предшественников и потомков по искусству.

Рассуждая о Пиросмани, мои грузинские друзья всякий раз говорили: логикой не объяснишь поведение художника, нет

ли тут психической аномалии? Может, здесь лучше поработать психиатру, нежели искусствоведу?

Одной только логикой вряд ли можно объяснить и жизнь человека, не имеющего великих талантов, не то что гения. Если бы все сводилось лишь к логике, то никакого искусства не было бы и в помине. Но в данном случае не в этом дело.

Вот тут-то мы и подходим к сути наших размышлений о талантах. Может ли психиатр объяснить феномен гениальности?

Скажу сразу же, что врач тут бессилён, хотя и способен что-то уточнить, расшифровать, приоткрыть. Не в главном, а в частности. Не о природе гения, а о личности обладателя таланта.

Даже не внося чего-то существенного в понимание явления, медик тем не менее обязан вмешиваться во все эти проблемы. Хотя бы для того, чтобы всем стали ясны границы его возможностей. Это уже проблемы мировоззренческие, методологические. Ведь стоит интеллигентному человеку столкнуться с психиатром, как сразу же к нему обращаются с вопросом — а правда ли, что все или почти все гении были душевнобольны? И если не получают положительного ответа, то обычно говорят: вы-то все знаете, но скрываете, боитесь чего-то, не хотите оскорбить человечество...

Легко задать такой вопрос — невозможно ответить на него односложно. Причин тут множество.

Нельзя забывать, что гения признают гением обычно после смерти, когда реальных фактов мало (при жизни забыть их собрать и проанализировать, ведь гения гением-то не считали тогда), а после смерти начинаются легенды и домыслы...

Так вот, следует отметить со всей определенностью, что когда речь идет о гениях, медики обычно куда более сдержанно и объективно, чем неспециалисты, оценивают состояние их здоровья. Компасом тут являются не только профессиональные сведения врача, но и его моральные установки. Профессионализм без совести в психиатрии (как и вообще в любой жизненной сфере) может привести к ошибкам и преступлениям.

Вот, к примеру, Хлебников. Многочисленные мемуаристы сохранили образ безумного гения, оторванного от жизни, чьи произведения непонятны обычным людям. И действительно, поэт Хлебников пока понятен немногим, но если раньше число таких людей было ничтожно, то сейчас о Хлебникове прово-

дят международные симпозиумы, и то, что прежде многим казалось бредом сумасшедшего, ныне воспринимается как поэтическое чудо или философское откровение.

В облике поэта, в его поведении и творчестве современники отмечали так много странностей, что сложился даже такой стереотип: уж коли о ком и можно спорить, здоров ли он душевно, то Хлебников — этот «поэт для поэтов», по выражению В. Шкловского, — безусловно ненормален, о нем дискутировать нечего.

Ну а что думают по этому поводу психиатры? Да не нынешние, а современники Хлебникова, общавшиеся с ним?

Приведем свидетельство крупнейшего отечественного психопатолога проф. В. Я. Анфимова, опубликовавшего в 1935 году статью «К вопросу о психопатологии творчества. В. Хлебников в 1919 году». Анфимов подробно сообщает о знакомстве с поэтом, случившемся в харьковской психиатрической больнице, куда Хлебников поступил на экспертизу для выяснения, годен он к военной службе или нет. Детальнейшим образом изучив психику пациента, Анфимов пришел к выводу, что Хлебников не был душевнобольным (то есть не страдал эпилепсией, шизофренией и иными грубыми расстройствами психики), а являлся субъектом с врожденной дисгармонией в эмоционально-волевой сфере, то есть психопатической личностью. Хотя Анфимов отнес Хлебникова к полубольным-полуздоровым, он все же освободил его от несения военной службы как человека, неспособного в силу выраженных личностных странностей выполнять обычные человеческие функции. К тому же психиатру было жалко отправлять на фронт поэта, который неминуемо был бы сразу же убит во время военных действий.

Поведение Анфимова нам представляется в данном случае идеальным. Он верно квалифицировал его состояние. Он спас поэта от гибели. Он назначил ему лечение, которое в те годы считалось наиболее эффективным.

А ведь бывало, что врачи неверно трактовали состояние таких людей и объявляли их душевнобольными. Находясь под гипнозом славы гения и таланта выдающейся личности, его не лечили — ибо врач видел в нем не пациента, а обожествляемый им талант.

Анфимов ни словом не обмолвился о природе поэтического дара Хлебникова. И это тоже показательно и правильно: ведь сколько психиатров дискредитировали себя тем, что пытались объяснить происхождение того или иного дара у

своих пациентов. Врач занимается патологией, но не талантом. Последний же может сочетаться с чем угодно. В том числе с душевной дисгармонией.

Психопатия — это уродливо выраженное сочетание карикатурно заостренных обычных человеческих свойств. Это врожденная биологическая аномалия, но при которой человек все же может не распускаться, может уберечь себя от беды. Если же личность поддается своей дисгармонии характера, то горя не миновать — и самому человеку, и его окружению.

Мы бесконечно далеки от того, чтобы ставить какой-нибудь психиатрический диагноз Пиросмани: биография его известна мало, объективных свидетельств почти нет, мнения врачей, лечивших художника, неизвестны. Неясно к тому же, были ли среди них специалисты по психоневрологической патологии. В творчестве Пиросмани нет никаких признаков, указывающих на какую-то душевную ненормальность. Другое дело, что жизнь Пиросмани очень странна и, возможно, требует определенного психиатрического анализа, но провести его по вышеуказанным причинам вряд ли удастся. Да и нужен ли он? Может ли он быть абсолютно достоверным? Даже обычному человеку безо всяких талантов врачи редко ставят единодушно один и тот же диагноз, а тут такой колосс...

Но для науки нет запретных тем. Все, что неясно, требует объяснений. И тут нам на помощь приходит метод аналогий. Кто ближе всего из тех гениев, чья жизнь хорошо известна, кто был его современником и прожил отведенные ему судьбой годы примерно так же, как Пиросмани?

В первую очередь Ван Гог. Он был приблизительно на 8—9 лет старше Пиросмани, то есть фактически ровесник. Тоже самоучка. Тоже презрел и отверг образ жизни, навязываемый ему средой. Тоже был одинок и несчастен. Ван Гога многие относили к примитивистам. Его тоже считали алкоголиком. Он много раз лечился в психиатрических заведениях.

Ван Гог — это модель, на которой сотни врачей анализировали сложнейшие взаимоотношения между одаренностью и психическими расстройствами. Анализировали и приходили к взаимоисключающим выводам.

При жизни о Ван Гоге вышла одна-единственная статья, а к 1940 году их было уже около 800. К началу 1970-х годов о Ван Гоге было напечатано более 150 публикаций (в том числе и десятки медицинских диссертаций), в которых

подробно исследуются психопатологические аспекты его жизни.

Но вот что поучительно: Ван Гог-пациенту врачам ставили самые разнообразные диагнозы, фактически все, что существует в природе. Тут и шизофрения, и эпилепсия, и психопатии, и алкоголизм, и все остальные диагнозы — даже малоизвестные массам медиков.

Самые выдающиеся психологи всех стран Европы и Америки пытались понять психику Ван Гога и тоже не пришли к единому выводу. Если бы стали изучать Пиросмани, то тем более не было бы у них согласия. Природа создала истинного гения лишь в одном-единственном экземпляре. В нем есть много того, чего в досталь у обычных людей, и много такого, что бывает только у одаренных индивидов. Помимо этого имеется то, что есть только у него — у данного конкретного гения. Поэтому в гении сложно переплетается типичное, единичное и уникальное. Это касается и психологических особенностей, и психопатологических.

У выдающихся людей встречаются как психические аномалии, типичные для всех людей, так и психические расстройства совершенно необычные, не укладывающиеся в рамки периодически меняющихся медицинских представлений. Последние создаются на основании изучения массовых моделей психических болезней у обычных людей: можно ли в это прокрустово ложе уместить психические особенности гения, появляющегося раз в истории человечества? Грипп или нефрит у всех протекает одинаково — и у гениев, и у негениев. А вот некоторые психические расстройства (не все, а те, что тесно спаяны с личностью) текут необычно, как необычна и сама личность гения.

Всем великим людям свойственны по-разному выраженные специфически сочетающиеся черты, среди которых обостренная восприимчивость (она всегда избирательна: что-то гений чувствует острее всех, а к чему-то совершенно равнодушен), непоколебимое сознание своей особой миссии, своего особого предназначения, вытекающую из этого особую гордость (все, кто сталкивался с Пиросмани, отмечали высокое осознание им своей творческой значимости — подобное раздражало многих, ведь они не привыкли видеть такое удивительное сочетание нищеты, житейской неприспособленности и убогости с гордостью властелина мира, поэтому некоторые именовали Пиросмани «графом»).

Не зря народная мудрость гласит: «Гений делает то, что

должен, талант — то, что может». Полуглухой, стареющий, мучающийся от бесчисленных болезней Бетховен писал: «Я не могу покинуть этот мир, не свершив все, к чему предначинчен».

Гениям присущи способность отрешаться от всего, что мешает творчеству, стремление к самоутверждению, игнорирование многих условностей, которым подчинена судьба обычного человека. Бедность, неустроенность, опасение утратить свою творческую свободу, постоянное чувство одиночества, рефлексия, самоуглубленность — это и многое другое было свойственно Пиросмани, Ван Гогу, многим иным крупным художникам. И проявлялось это в феноменальной форме.

Происхождение подобных черт характера сложно и никоим образом не может быть объяснено только патологией, хотя первое, что приходит в голову, — это психопатия. Нет, психопатия — это не билет на Парнас. Таланты среди психопатов так же редки, как и в жизни. Среди гениев бывают и психопаты, и непсихопаты. А если и встречается сочетание психопатичности и гениальности, то столь атипичное, что лишь очень условно может быть расценено как сочетание гениальности и психопатической структуры личности.

Гениальность выводима лишь из таланта, а не из личности, хотя такое деление условно, механистично, приблизительно, оно вытекает из практической потребности и редко может быть безупречно аргументировано. (Человек живет в социальном окружении, влияние среды на человека неминуемо, оно может быть прямым и косвенным — все это никогда нельзя забывать. И поскольку это аксиома, мы не будем лишним раз возвращаться к напоминанию ее абсолютной справедливости и всеобщности).

В силу же специфики своей профессии врач может говорить исключительно о носителе таланта, а не о природе таланта.

Еще с начала XIX столетия считалось, что великим людям свойствен печальный взгляд на жизнь. Это, вероятно, так. Зная жизнь лучше, чем кто бы то ни было, гений грустит и от обилия своих знаний, и от отсутствия у него того обычного человеческого счастья, которое есть у совершенно заурядных людей, грустит и от многого иного.

Одинок я в мире: не дал бог мне сына,

Чтоб затеплить свечку дома в день помина,

Чтоб поминки справить обо мне, убогом...

Вот как я унижен всемогущим богом!

(Перевод Н. Заболоцкого).

А создал эти печальные строки Давид Гурамишвили —
мудрец и воин, проживший такую бурную жизнь, ^{какая} и
не снилась большинству его современников.

94935930
2022010333

..будь я даже к небу вознесен —
Меня и там никто не приголубит.

(Перевод Д. Беридзе).

Это написал Галактион.

Ему тоже было очень грустно. Не спасли его от печали ни вино, ни лекари, ни санатории. Что-то другое ему нужно было. И не получил он этого от мира, как не получили этого другого (всегда разного у разных людей) ни Пиросмани, ни Ван Гог.

Нет, видно, не зря писано в книге Экклезиаста: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножат скорбь».

Но действительно ли так всеобъемлюща мудрость гения? В чем она обнаруживалась, допустим, у Пиросмани? Ведь был бы он на самом деле мудр в житейском смысле слова, не умер бы неизвестно где?

Житейской мудрости у гениев почти никогда не было, хотя не следует забывать, что некоторые гении были весьма практичными людьми. Впрочем, это не доставляло им счастья, и какими-то иными неурядицами они сводили на нет свою житейскую удачливость, если она, конечно, была. Да и что такое житейская мудрость? У премудрого пескаря одна, у другого — другая. Тут тоже нет единого взгляда. Далеко не всегда гении были образованны и могли внятно выражать свои мысли.

Нет, главное тут не в информированности, не в наборе знаний, не в университетском образовании. Голова гения — не библиотека, переполненная сведениями из разных сфер. В гении поражает интуиция, т. е. спрессованная информация на бессознательном уровне. Гений оперирует понятиями и фактами, которые обычный ум будет еще долго пытаться доказывать и уточнять. Гений же использует эти понятия как давным-давно уже доказанные (им или кем-то другим). Одни шагают по ступенькам, другие — перепрыгивая через одну или две, гении проскакивают целые лестничные марши. Большую помощь в выяснении этого удивительного феномена может оказать принцип установки, разработанный Д. Н. Узнадзе и его последователями.

Уверенность в своем призвании и будущем признании нейтрализует у гениальной личности ее сомнения и колебания. Тактика бессознательно, но строго подчиняется стратегии. Даже Лев Толстой, этот символ человека, раздираемого бесконечными спорами с самим собой, даже этот, казалось бы, хрестоматийный пример человека, никак не понимающего, что же ему нужно на самом деле, даже Лев Толстой никогда не подвергал сомнению свое особое призвание. Он оспаривал искусство и политику, Христа и Магомета, открытия наук и разоблачения мифов, он все подвергал мучительному анализу, кроме одного. Он мог предполагать, что талант его мал, что он не в силах справиться с той колоссальной нагрузкой, которую он на себя возложил, но Лев Толстой никогда не сомневался, что он рожден для того, чтобы совершить нечто такое, на что не способны другие. И все это удивительно сочетается с самокопанием, с постоянными поисками подтверждения, что талант все-таки есть, с бесконечными сомнениями, однако в тайниках своей души гений никогда не сомневается в себе, в своем чутье, в своем призвании. Он делает так, будто все давно уже высчитал и определил. Он видит не процесс, а результат. Истинный гений не может быть нескромным: он слишком возвышается над людьми, чтобы шокировать их и унижать. Он печален от сознания или ощущения, как он далек от своего времени. Поэтому он снисходителен к современникам — ведь он общается с потомками. В этом отношении настоящими современниками Пиромани являемся мы, живущие спустя 60—70 лет после его кончины. Мы понимаем его творчество куда лучше, чем его сверстники, да не исключено, чем и он сам.

Впрочем, нередко одаренному человеку неудержимо хочется обратить на себя внимание современников. Чаще всего это делается неумело, без чувства меры, иногда глупо. Все это — как и демонстративное самовосхваление («Я гений, Игорь Северянин, своей победой упоен...») — вызывает справедливое раздражение со стороны окружающих, приводит к конфликтам, изоляции и нередко к гибели способной личности.

В некоторых случаях гений сам вызывает огонь на себя, словно предчувствуя, что мученическая смерть поставит логическую точку в его биографии и обеспечит ему видное место в истории. Как ночная бабочка вьется возле костра и рано или поздно попадает в огонь, так и такие люди — делают они это сознательно.

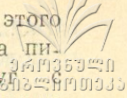
Хотя феномен талантливости относительно самостоятелен,

он не отделен китайской стеной от других компонентов психической жизни человека, от его социального окружения. Взаимоотношения между одаренностью и личностью не всегда такие, какие бывают, допустим, между цветом глаз и одаренностью: с любым цветом глаз можно иметь какой угодно талант, либо вообще его не иметь. Гениальный человек — это сложнейшее сочетание личности и таланта, одно постоянно влияет на другое, сливается с другим. Если личность развита на уровне таланта, достигает его степени, то такой человек может быть расценен как гармоничный субъект (примеров тут много, назовем хотя бы Илью Чавчавадзе). Бывает и иное: талант громаден, а личность не доросла до него, она относительно мала. Не будь у этого индивида какой-либо одаренности, ничего страшного не было бы, что у него такая, а не иная личность. Но если талантливость высока, а личностные свойства ничтожны, остается лишь пожалеть такого человека и тех, кто его окружает. Всякая дисгармония печальна, нелпа и страшна — когда же она обнаруживается у одаренного человека, всегда бывает уныло на душе.

Всякий талант соединяет людей, облагораживает их, сближает, он морален по своей сути, но от личности зависит, на что будет направлен талант. Дисгармоничных гениев было немало — с нелегким характером, завистливостью, злопамятностью, болезненной амбициозностью, которые бы не так бросались в глаза, если бы носителем их был какой-нибудь обычный человек, но которые кажутся ужасающим абсурдом, издевательством над родом человеческим, если отмечались у гения.

Из-за такой психической дисгармонии многим великим приклеивали ярлык душевнобольных. На первый взгляд действительно трудно было понять, как какой-нибудь безусловный гений может быть одновременно ничтожнейшим и подленьким человечком. Первое, что приходит некоторым в голову, — что он сумасшедший, а потом, поразмыслив, любознательный человек убеждается, что это не медицинская категория, а результат несоответствия таланта личностным свойствам его обладателя, во многом сформировавшихся средой.

Всякое искусство — это проекция душевной жизни человека на бумагу, кинолентку, холст. Поэтому о чем бы ни писал, что бы ни рисовал, что бы ни запечатлевал художник, в конечном итоге он пишет о себе, а через себя обо всем мире. Проблемы, волнующие художника, — это проблемы че-

ловечества, пропущенные через психическую сферу этого художника. Когда из нескольких десятков букв алфавита писатель составляет слова, идеально взаимосвязанные друг с другом, слова, означающие плохое и хорошее, призывающие к борьбе за добро, когда писатель говорит о любви и смерти, о надежде и отчаянии, он заполняет этот лист бумаги своими мыслями и чувствами, испытывая при этом удивительное ощущение освобождения от груза собственного опыта — реального и придуманного.

Катарсис творческого процесса — вот в чем стимул, результат, процесс и венец труда художника, труда, куда более тяжелого, чем труд шахтера.

Заполнив этот чистый лист бумаги, художник испытывает спокойное, умиротворяющее чувство усталости, окрашенное в радостные тона: ведь он преодолел свой страх, он покорил этот лист бумаги, он расположил слова таким образом, что они взаимоукрепляют друг друга, что они уже невозможны в ином порядке.

Чувство гордости и сознание хорошо исполненного долга переполняют художника. В этом его счастье и его драма: ведь пройдет некоторое время после завершения работы и он вновь — в который уже раз! — ощутит неясную тревогу, которая будет нарастать и очень скоро заполнит его душу. В результате этой тревоги, вследствие чувства неудовлетворенности, мощного творческого импульса, из-за этой всепожирающей, ни на минуту не покидающей страсти примирить свое сознание с реальностью художник мучается, не находит себе места. Потом наступает некое озарение, соединяющее разнородные элементы сознания художника в нечто связанное, — этот момент и венчает длинную цепь поисков и страданий. После этого художник вновь садится за письменный стол и запечатлевает себя (и благодаря этому весь мир, как он его понимает) — противоречивого, разламывающегося на части, неспособного соединить в единое целое свою мятущуюся душу, делающую художника самым несчастным, печальным и неприкаемым на свете. Он покажет себя со всеми своими проблемами, слабостями, поисками и находками, отчаянием и самоедством, постижениями и достижениями.

В этом процессе нет ни начала, ни конца, а есть одна непрерывная череда откровений и напряженного высекания из собственной души того, что потом окажется полезным человечеству. Истинный художник всегда ставит перед собой большие задачи, часто невыполнимые. Искусство всегда мак-

сималистично, оно неизменно требует полной отдачи, здесь господствует закон «все или ничего».

О чем может просить художник высшие силы, распыляя, что именуемые судьбой?

Да только об одном: чтобы дано ему было столько дней, сколько нужно, чтобы закончить начатое дело, чтобы выразить себя, чтобы сказать людям самое сокровенное и важное. Всякий творец убежден, что его искусство поможет человечеству усовершенствоваться, стать более совестливым и человечным. Совесть и красота — вот две основные сферы искусства. Человек искусства не может не призывать людей к нравственности и красоте. Даже если он сам в своей индивидуальной жизни далек и от того, и от этого.

Какие еще уроки можно вынести, изучая жизнь гениев?

Назовем хотя бы некоторые.

Никогда не следует забывать о личной ответственности индивида перед самим собой и перед обществом. Тем более одаренным людям. Многолетний наш опыт работы с людьми, находящимися на разных этапах необычного (болезненного или просто выраженного; заостренного, но в общем непатологического) душевного состояния, показывает, что крайне редко встречаются такие расстройства, при которых человек не может себя контролировать, не может установить разумные отношения с другими людьми. Однако, к сожалению, некоторые индивиды (в том числе и талантливые) распускаются, плохо себя сдерживают, их поведение начинает определяться ненасытным эгоизмом и эгоцентризмом, вседозволенностью, наплевательским отношением к окружающим. Коли так, то нечего пенять на общество, зачем винить в своих неудачах других? Короче говоря, талантливые люди сами должны стать немного поосторожней, не лезть на рожон. Талант их от этого не оскудеет, зато жить будут дольше и больше себя выразят.

Должны ли люди оберегать неразумного человека, губящего себя на глазах окружающих? Любого нужно оберегать, а таких тем более. Ведь отбираем же мы у малышей спички, которыми они играют: ребенок плачет, требует вернуть ему игрушку, а взрослые спички ему не возвращают — ведь играя, он по неразумению своему может спалить дом. Нужно беречь таланты, более снисходительно относиться к ним, оберегать от ошибок, даже зная, что человек может это и не оценить.

Таким образом, максимальная взаимная ответственность

личности перед обществом и общества перед личностью (особенно талантливой) может быть способом предотвращения тех ошибок, которых в истории было очень много, — я говорю о тяжелой доле выдающихся людей, раздавленных обстоятельствами, безжалостностью окружающих, меривших гениев на свой аршин.

Мы порой мрачно шутим: люди сознательно создают себе препятствия, чтобы потом их преодолеть. Но ведь это все правда. Правда и то, что без стрессов жизнь невозможна, что, закаляя себя преодолением трудностей, личность обнаруживает и развивает свои способности. Не потому ли гении усложняют себе жизнь, чтобы максимально выявить свой дар?

Высокая температура — результат защитной реакции живого существа, борющегося с попавшим в него микроорганизмом или ядом. Но иногда эта защитная реакция бывает столь непропорционально сильной, что какая-то система макроорганизма не выдерживает и человек погибает. Температура губит инородное тело, но может разрушить сердце или мозг — и тогда смерть. Не так ли и у гениев, создающих себе препятствия ради развития таланта, которые оказываются неспособными для других компонентов психики? И тогда пьянство, самоубийство...

Как от болезней врачи ищут противоядия, так и от этого тоже нужно найти социальные лекарства. Ведь сколько же можно ждать, когда изменится судьба гениев сама по себе.

На пороге XXI век. Научно-технические революции, сотрясающие нашу цивилизацию последние два столетия, будут развиваться ускоренным путем и неузнаваемо изменят лицо планеты. Неужели эти перевороты не затронут отношения гения к самому себе и к микросоциальному окружению?

Искусство и литература — всегда сострадание, помощь, призыв к добру. Писатель и человек искусства — всегда адвокат, а не следователь или прокурор.

Однако почему же так редко общество выступает в отношении художника в качестве адвоката? Отчего оно не может быть прокурором и приговаривать человека искусства к высшей мере наказания, выискивая у него в глазу соринку?

Пусть мы не решим эти вопросы, но задуматься обязаны. Обязаны рано или поздно что-то сделать в широких масштабах, чтобы наладить гармоничное сотрудничество одаренной личности и общества.

Василий МЖАВАНАДЗЕ

От Пулково

до Праги

П О С Л Е окончания войны с белофиннами Восьмая армия, где я состоял комиссаром штаба армии, была расквартирована на территории Эстонии. Шли занятия в подразделениях, на стрельбищах, полигонах. Восьмая армия находилась в состоянии боевой готовности.

Тут и застала нас война. После тяжелых и изнурительных боев соединения армии стали отступать под напором превосходящих сил противника. Командование приняло решение часть армии эвакуировать морем, а оставшимся вести оборонительные бои, сдерживая врага и отступая по направлению к Кингисеппу и Ленинграду.

Я был назначен комиссаром сухопутной группы, которой командовал полковник Сафронов. С кровопролитными стычками, минуя засады, мы подошли к Ораниенбауму (Ломоносово). Тут и получили указание занять оборону и приказ.. ни шагу назад. Вскоре я был назначен комиссаром Приморской оперативной группы — ПОГ.

Ориенбаумский «пяточок» был изолирован от блокадного Ленинграда, тем не менее он являлся важным плацдармом будущих наступлений, в которые мы все глубоко верили. А ждать их пришлось два года.

Это был действительно «пяточок»: по фронту — кило-

В прошлом году мы отметили сорокалетие Победы нашего народа в Великой Отечественной войне. Эхо войны прорвалось в наши дни, его не ослабило время, оно лишь обострило память бывших солдат и военачальников. Чем более отдаляется от нас во времени эта всемирно-историческая трагедия, тем сильнее память тревожит живых.

В истории нашего поколения нет событий, по масштабу и значению равных Великой Отечественной войне и Великой Победе в ней. И потому каждая строка воспоминаний ветеранов является ценнейшим достоянием, из которого слагается документальная летопись освободительной войны.

Казалось бы, уже сполна восславлен подвиг Ленинграда в литературе, в искусст-

ве, в документах, но не оценима значимость личного восприятия событий, из которого складывается общий образ военного времени.

Суши и вместе с тем выпуклы своей скупой выразительностью, своим реализмом и душевным строем строки воспоминаний Василия Павловича Мжаванадзе, которому довелось быть от первого до последнего дня участником этой героической эпопеи.

Его рассказы об огромной организаторской работе Коммунистической партии в деле разгрома фашизма, об исторических боях на Пулковских высотах и на других дорогах войны не только представляют собой документальную ценность, но звучат как страстный призыв к совместной борьбе народов всей планеты против войны.

метров двадцать пять, а в глубину — восемнадцать; впереди немцы, а в тылу — Балтика.

Период с ноября 1941 года по март 1942 года был самым тяжелым периодом в жизни Ораниенбаума и его жителей. Не было электроэнергии, прекратилась подача воды и, что самое главное, — не было хлеба. Но ораниенбаумцы и защитники «пяточка» проявили высокий героизм, отражая яростные попытки врага захватить плацдарм: умирали, но не сдавались.

Приморская оперативная группа состояла из нескольких бригад морской пехоты и стрелковых дивизий, которой командовал генерал-майор А. Н. Аставин. Главная задача — укрепить оборону, вести активные боевые действия на занятом рубеже и энергичную разведку, брать пленных. Стремясь захватить обороняемый нами плацдарм, тысячи гитлеровцев нашли свою смерть.

Политработники развернули широкую агитационно-массовую работу, осуществляя коллективные мероприятия и про-

водя индивидуальные беседы по поддержанию боевого духа солдат и укреплению их веры в нашу грядущую победу.

Воспитание убежденности в правоте нашего дела, ради которого каждый воин отдаст все свои силы, — это было главное в нашей работе со всеми соединениями и подразделениями группы. С каждым месяцем в ней росли ряды коммунистов и комсомольцев.

Ленинград, несмотря на жесточайшую блокаду, оказывал Ораниенбауму посильную помощь. Это помогло жителям и защитникам «пяточка» выстоять в неравной в те первые месяцы кровопролитной борьбе. Кроме того, это сослужило хорошую службу войскам в предстоящих наступательных боях.

В декабре 1942 года Военный Совет фронта назначил меня членом Военного Совета Второй ударной армии.

В течение нескольких месяцев армия готовилась к наступлению на Нарву. Однако решением Ставки Верховного Главнокомандования эта операция была отложена.

В связи с этим я был назначен членом Военного Совета Сорок второй армии. Ею командовал генерал-полковник Иван Иванович Масленников. Начальником штаба был Буховец, командующим артиллерией — генерал-майор Г. М. Михалкин.

Сорок вторая армия вела активные оборонительные бои на ответственном участке Ленинградского фронта — Пулковских высотах. Руководство фронта и армии понимало, что захват Пулково давал врагу ключевые позиции для наступления на город. Необходимо было укрепить еще весьма нестабильную оборону и не давать немецким захватчикам двинуться вперед.

Приказ Гитлера гласил: «В городе все живое должно быть уничтожено». Ежедневно Пулковские высоты, одновременно с Ленинградом, подвергались обстрелам и бомбежкам.

Неимоверно тяжелой и трагичной была зима 1941-42 гг. Таких бедствий не знало человечество: в январе сорок второго ежедневно умирало от голода, погибало от бомбежек несколько тысяч человек.

Фашисты делали все, чтобы взять измором Ленинград, уничтожить его любыми средствами. Весь мир облетели слова ветерана-путиловца, рабочего Кировского завода: «Камни будем есть, а Ленинград не сдадим».

Сорок вторая активно оборонялась. Пополнялся личный состав, по мере возможности поступала современная техника, оттачивалась боевая выучка, повышалась готовность к предстоящим сражениям и наступлениям.

Городской комитет партии, который возглавлял А. А. Кузнецов, систематически направлял в армию коммунистов. Во всех ротах и подразделениях существовали полнокровные партийные и комсомольские организации.

В 1942—1943 годах положение Ленинграда и его защитников еще оставалось очень тяжелым. Снабжение продовольствием было недостаточным из-за трудностей с доставкой. Немецкая авиация и дальнобойная артиллерия вели систематические налеты и методический обстрел города.

Были дни, когда непрекращающийся обстрел и интенсивные налеты продолжались 19 часов подряд. Шла своего рода психическая атака с земли и воздуха, чтобы сломить волю его защитников, подавить и уничтожить все живое.

Наша крупнокалиберная, корабельная и береговая артиллерия и артиллерия бронепоездов не давали покоя немецким дальнобойным батареям, нанося им ответные удары.

В отражении вражеских налетов и уничтожении живой силы противника большую роль играла ленинградская авиация. Ее мощь с каждым днем росла.

Ленинград по справедливости называли «городом-фронтом». В одном строю с воинами сражались жители города.

Во фронтовой зоне в труднейших боевых условиях при ожесточенных обстрелах и бомбежках работали уцелевшие ленинградские предприятия. Я был свидетелем, как по окончании артналета в цехах Кировского завода ремонтировали танки и орудия.

Меня как политработника очень интересовала созданная по нашей просьбе мортира для разброса листовок над вражескими позициями. Она была успешно опробована прямо с территории завода.

Защитники и население осажденного и блокированного Ленинграда представляли собой единую, крепко спаянную семью. Городу оказывала помощь вся страна, его защита стала делом всего советского народа. В город шли письма и посылки из далекого Приморья, Красноярска, из Закавказья, с Кольского полуострова. О нем слагались незабываемые стихи, звучали исполняемые и в настоящее время симфонии. Здесь творили Дмитрий Шостакович, Ольга Берггольц, Николай Тихонов и другие.

Силы ленинградцев крепили от сознания того, что они не одиноки. Только беспримерным героизмом и верой в победу можно объяснить тот факт, что вооруженные до зубов гитлеровские полчища, пройдя от границы до Ленинграда свыше

750 км, не смогли за 900 дней блокады преодолеть последние два с половиной километра, чтобы через Пулковское в город.

Безграничную помощь и поддержку оказывала Верховного Главнокомандования. По Ладоге переправлялись пополнения, военная техника, продовольствие.

Когда к нам, в Сорок вторую армию, были влиты прибывшие части 75 укрепленного района, мы все стали понимать, как начинает меняться соотношение сил на фронте. И это вдохновляло всех защитников на борьбу за полное освобождение Ленинграда из тисков блокады.

В октябре 1942 года в Смольном состоялось заседание Военного Совета фронта. Рассматривались и утверждались планы наступательных операций. Перед Сорок второй армией была поставлена задача — решительным наступлением прорвать оборону противника на главном направлении. Незамедлительно началась подготовка и продолжалась она два месяца, в условиях непогоды, днем и ночью. Одновременно шло пополнение личного состава, поступление новой техники.

Руководство фронта во главе с генералом армии Л. А. Говоровым и весь командный состав целыми днями находились на учебных полях. Была установлена очередность отвода частей для подготовки. На занятиях бойцы атаковали, преодолевали препятствия, захватывали окопы противника, тренировались в рукопашных схватках.

Шла напряженная работа по подготовке наступления по всему фронту. И шла она в перерывах между боями.

Роли в кровопролитной войне резко переменились. Теперь командующий 8-й вражеской армией генерал-полковник Иденманн, по показаниям пленных, требовал от своих солдат: «Ни шагу не отступать от занятых позиций!».

А перед политработниками фронта стояла довольно-таки сложная задача. После 900 дней оборонительных боев, лишений, холода, голода психологически трудно было настроить войско на решительные наступательные действия по разгрому немецко-фашистских войск, блокирующих Ленинград. Другого выхода не было: любой ценой победа.

Проходили митинги, собрания, доклады, беседы, встречи с делегациями трудящихся Ленинграда. В частях и соединениях в ходе подготовки к наступлению совершенно изменилось настроение солдат. Зарождалась, росла и крепла глубокая уверенность в успехе наших наступательных операций.

Вера в правоту и справедливость нашего святого дела — освобождения от фашизма обрела реальные контуры.

Передовые воины перед наступательными боями изъявляли желание вступить в партию, в комсомол. В течение нескольких дней было подано до 600 заявлений о приеме в партию и 150 — в комсомол. Среди них были прежде всего те, кто проявил настойчивость и храбрость в оборонительных боях. Только в одном прославленном Тридцатом гвардейском корпусе насчитывалось в дивизиях до 2200 коммунистов и до 1800 комсомольцев. Это была мощная ударная сила, которая под руководством своих командиров-коммунистов успешно наступала в авангарде с Пулковских высот.

Всю ночь с 13 на 14 января 1943 года бомбардировочная авиация наносила удары по артиллерии противника и его войскам. В 9 часов 25 минут утра 15 января был нанесен сильный артиллерийский удар по обороне врага. Огонь вели 2300 орудий и минометов, 1000 установок реактивной артиллерии. И эта огромная сила обрушилась на семнадцатикилометровый участок вражеских позиций.

К исходу дня 15 января войска Сорок второй армии прорвали оборону противника и продвинулись вперед на четыре с половиной километра. А на следующий день передовые отряды 30 корпуса с тяжелыми боями продвинулись еще на 8 километров.

Враг отчаянно сопротивлялся и контратаковал при первой же возможности. Командующий 18-й фашистской армией поднял всю имеющуюся под рукой живую силу (вплоть до стрелительных батальонов), чтобы задержать прорыв. Но ему не удалось.

К вечеру 16 января противник был выбит из деревни Александровка. Ею овладела дивизия полковника Введенского.

При штурме дота погиб начальник штаба батальона, старший лейтенант И. Д. Свойский — известный в Ленинграде скрипач-концертмейстер оркестра Академического театра оперы и балета имени Кирова.

Сорок вторая армия, преодолевая сопротивление, все ближе подходила к Красному селу, откуда дальнобойная артиллерия гитлеровцев уже более двух лет систематически и методично обстреливала Ленинград.

Когда начались бои за Красное село, я находился в частях вплоть до его полного освобождения.

Я увидел те гигантские орудия, которыми обстреливался Ленинград, из пяти два были разбиты нашим огнем. Когда

Красное село было взято, навсегда прекратился обстрел Ленинграда.

Продвигаясь вперед, освобождая города и села, видели ужасающую картину разрушений архитектурных памятников, уничтожения исторических ценностей. В Пушкино, Павловске все было разграблено, увезено или сожжено.

К утру 27 января 123 стрелковый корпус героя Советского Союза Г. М. Трубачева освободил разрушенную и сожженную Гатчину. Мне довелось там быть, когда старшина Силин прикрепил на балконе одного чудом сохранившегося здания красный флаг.

Сорок вторая армия вышла на ближние подступы к Пскову. Она прошла около 200 км с ожесточенными боями за полтора месяца. Войскам требовалась передышка. Армия вместе с другими частями фронта была приостановлена для перегруппировки. Шла подготовка к решающим наступлениям.

После снятия блокады надо было обезопасить город Ленина с севера. Ведь в 30 км от Ленинграда стояли финские войска.

На Карельском перешейке в течение многих лет финны восстанавливали и строили долговременные сооружения. Особое внимание уделялось созданию укрепленных узлов на Выборгском направлении. Война показала, что они были выполнены по последнему слову техники. Готовилась новая операция, в новом направлении, с новыми силами.

Двадцать первая армия прибыла на Ленинградский фронт из резерва Ставки Верховного Главнокомандования в мае 1944 года и была размещена в районе Ропци — в Стрельне, Гостилице. Штаб армии находился в Ропце.

Командующим был назначен начальник штаба Ленинградского фронта Дмитрий Николаевич Гусев, начальником штаба — Георгий Константинович Бухаец, командующим артиллерией — Георгий Михайлович Михалкин, я — членом Ротного Совета. Кроме Гусева — все мы из Сорок второй армии.

Учитывая важность и ответственность предстоящей операции на Карельском перешейке, Двадцать первая армия была обеспечена всем необходимым. Весь состав трех стрелковых корпусов доукомплектован. В оперативном подчинении армии находились части 22 укрепрайона, арткорпус прорыва и все другие средства усиления наступательных действий.

По планам Военного Совета фронта Двадцать первая армия должна была нанести главный удар по противнику на Выборгском направлении. Время подготовки операции было

ограничено немногим больше месяца. Был составлен подробнейший план подготовки наступления. В районе дислокации армии были созданы учебные поля, воспроизводящие систему финской обороны. Особенно готовились артиллеристы, саперы, штурмовые группы по захвату опорных пунктов. Командный состав изучал на рекогносцировках, фотоснимках и картах районы финских укреплений.

Для политработников сложность состояла в том, что рядовой и младший командный составы до выхода на исходные позиции не должны были знать о предстоящих сражениях с финнами: армия готовилась сражаться с гитлеровцами, и она была предельно отмобилизована к борьбе с самым коварным и опытным противником.

Вся операция по передислокации и размещению армии на исходные рубежи проведена всего за два дня—7—8 и часть 9 июня. Она прошла блестяще и не была замечена противником.

Именно тут, на исходных рубежах, была осуществлена более конкретная пропагандистско-агитационная работа и четко, ясно разъяснены поставленные командованием задачи: прорвать укрепления финнов, разгромить врага и обезопасить Ленинград с севера.

10 июня в 4 часа утра войска в полной боевой готовности находились на исходных позициях. В это время на КП армии прибыл генерал армии Л. А. Говоров.

Финны узнали о предстоящем наступлении лишь тогда, когда ровно в 6 часов утра мощная канонада артиллерии и минометов возвестила о начале боевых действий.

В 8 часов 20 минут армия перешла в наступление и за день продвинулась вперед на 5—15 км. Противник упорно защищался и пытался контратаковать. Видя решительное наступление, части 65 гвардейской дивизии прорвали оборону, овладев старинным городом Белоостровом: они далеко продвинулись по Выборгскому шоссе.

11 июня Москва салютовала войскам Ленинградского фронта (конкретно это относилось к Двадцать первой армии).

«Новая победа велика и знаменательна, — писала в передовой «Правда». — В операции, начатой с таким блеском, мы видим те черты, что и в прорыве блокады Ленинграда»...

В ходе наступательных боев, когда войска встречали сильно укрепленные пункты, сложную систему заграждений, подкрепленную упорным сопротивлением противника, пытавшегося задержать наше стремительное наступление на Выборг, вся устная и печатная пропаганда была направлена на поднятие

духа, боеспособности бойцов, в них всеялась вера в победный исход сражения.

К этому призывали плакаты, размещенные на Выборгу, боевые листки, оперативные номера фронтовых газет...

В 8 часов утра 14 июня начался прорыв главного оборонительного рубежа на пути к Выборгу. Наступлению войск предшествовал разрушительный обстрел тяжелой артиллерией бронеколпаков. Сорок минут авиация вела бомбардировку огневых позиций и траншей противника. Огневой удар с земли и с воздуха был эффективным.

После этого соединения армии пошли на штурм главной оборонительной линии противника.

Английская «Дейли мейл» писала: «Укрепления, которые прорвали русские, относятся к числу самых сильных в мире».

16 июня генерал армии Л. А. Говоров и член Военного Совета фронта А. А. Кузнецов прибыли в соединение Двадцать первой армии и тепло поздравили воинов с успешным прорывом обороны и решительным наступлением.

Стремительность наступления продолжала нарастать.

18 июня 1944 года по радио был передан Указ Президиума Верховного Совета СССР и постановление Советского Правительства о присвоении воинских званий. Это было поздно вечером. Генерал Говоров находился на нашем командном пункте, когда сообщили о присвоении ему звания Маршала Советского Союза, А. А. Жданову и Д. Н. Гусеву — генерал-полковника, а мне — генерал-лейтенанта.

Все меры, принимаемые Маннергеймом, — призывы, требования, перегруппировки войск под Выборгом не давали желаемых результатов. И 20 июня в 11 часов утра Выборг был взят. Среди отличившихся — корпус генерала Алферова и 90 стрелковая дивизия под командованием генерала Н. Г. Лященко.

В ночь с 20 на 21 июня столица Родины салютовала доблестным войскам Ленинградского фронта, прорвавшим линию Маннергейма и овладевшим городом-крепостью Выборгом.

Мощные удары, нанесенные советскими войсками, крах стратегии «блиц-крига» обострили внутреннее положение и обстановку Финляндии, где прогрессивные силы сумели, наконец, на фоне проигранных сражений убедиться в необходимости пересмотра внутренней и внешней политики в

стране: президент Рюти ушел в отставку, а Маннергейму ничего не оставалось, как подчиниться воле и требованию широких масс, которые настаивали на заключении быстрого перемирия с Советским Союзом.

Финляндия приняла все условия советской стороны и направила в Москву делегацию.

В эти дни я был в частях, которые нами были оставлены и занимали оборону. Я впервые за последние годы остро ощутил радость победы и тишину, напоминавшую о мирной жизни.

Финские солдаты с красными и белыми флажками пытались перейти к прямым переговорам. Наши бойцы держали себя строго и с достоинством, занимали оборонительные рубежи, огня не открывали.

К нам на КП дивизии привели двух финских полковников, пожелавших приступить к реализации перемирия. Я ответил им, что мы не уполномочены вести переговоры. Сказав это, я предложил им выпить с нами чаю, после чего их проводили через линию фронта к своим.

Завершив военные действия на Карельском перешейке, 21 армия готовилась к отправке на Первый Украинский фронт. Пополненная личным составом и хорошо экипированная, эта 130-тысячная армия в хорошем настроении, предвкушая ожидаемую победу и окончание войны, перебазировалась в состав Первого Украинского фронта.

Она участвовала в освобождении Польши — Кракова, Катовице. Нас несколько задержали блокированные бои под Бреслау, где была окружена большая группировка гитлеровцев. Наши войска уже подходили к Берлину, а Двадцать первая армия во взаимодействии с Пятой армией завершала разгром гитлеровцев. Было пленено 60 тысяч немецко-фашистских солдат с большим количеством трофеев.

После Бреслау Двадцать первая армия получила приказ выйти к Зальцбургу и вместе с танковой армией Рыбалко была направлена в Чехословакию на помощь чешскому народу. В Братиславе Двадцать первая армия устремилась на помощь словацкому народу и дальше — на Прагу.

Планета уже праздновала Победу, а воины Двадцать первой армии воевали, ликвидируя остатки групп противника.

Через несколько дней с чувством до конца выполненного интернационального долга солдаты нашей армии присоединились к ликующему народу-победителю.

НАВСТРЕЧУ
XXVII СЪЕЗДУ КПСС

Мира ПИЧХАДЗЕ

ПО ВЕЛЕНИЮ СЕРДЦА

ТЕМА патристизма, верности своему народу, партии всегда занимала значительное место в грузинской советской музыке. И, как во все времена, произведения, созданные по велению сердца, обретали жизнь, способствуя развитию многих жанров.

Среди этих жанров — ораториальный, кантатный, симфонический, массовая песня. В них проблемы масштабные, общественно-значимые находили наиболее полноценное художественное выражение.

Все эти жанры — закономерный продукт эпохи, ибо их появление было продиктовано огромными преобразованиями, имеющими место в жизни советского, в частности грузинского, народа.

В 20-х годах нашего столетия в грузинском национальном искусстве рождается новый феномен — грузинская советская музыка. В процессе своего мужания она приобретает самобытные стилистические черты, ее волнуют грандиозные замыслы, влекут неведомые дали. Она готова к воплощению самых животрепещущих вопросов общественной жизни.

Новая тематика рождает

новые формы, настойчиво зовет на поиски современных интонаций в окружающей действительности, к обострению музыкального языка.

Ставка на массовость, демократизм становится одной из основных творческих задач при создании новых жанров. Лучшие произведения, воплощающие коллективные чувства народа — чувство любви к Родине, преданности социалистическому строю, верности своему долгу, — находят путь к массовой слушательской аудитории. Щедро привнося в них образцы богатейшего музыкального фольклора, грузинские композиторы тем самым обогащают традиционные формы, в результате чего многие жанры приобретают качественно новое звучание.

Грузинское песнетворчество издревле отражало и обобщало сокровенные помыслы народа. Многогранное хоровое творчество, эпическое по содержанию, мужественное и величавое по духу, монументальное по форме, являлось неиссякаемым источником для грузинской профессиональной музыки на всем протяжении ее существования и развития от классического периода до сего времени. Широко проникнув в национальную классическую оперу, оно затем, в советский период, особенно способствовало созданию ярких образцов кантатно-ораториальных, хоровых сочинений, массовой песни.

Вместе с тем грузинская музыка развивалась в общем русле всего советского музыкального искусства. В лучших произведениях, как вокально-симфонических, так и чисто симфонических, а также в массовой песне синтезировались самобытные черты народного творчества с тенденциями, характерными для русской советской музыки. Так появились сочинения, отразившие свое время и не утратившие художественной значимости и по сегодняшшний день. Но ведь написано было и немало произведений утилитарных, не имеющих точного адреса, с музыкой общего плана, лишенной живой, трепетной интонации. В таких произведениях, формально приуроченных к какой-либо официальной дате, глубина замысла и высокий гражданский пафос подменялись внешней плакатностью. Очень скоро они превращались в произведения-однодневки и закономерно были преданы забвению.

Жанры, как и само искусство, эволюционируют. И процесс этот безостановочен и естествен.

Музыкальное искусство 80-х годов ищет новые формы, приемы и средства выражения. К этому призывает время, изменившее течение всей нашей жизни, психологию людей, преобразившее современное общество. Но к какой бы тематике ни

обращалось искусство, какие бы волнующие проблемы оно ни воплощало, непререкаемыми остаются для него категории красоты, демократичности, художественной правды. И как всегда так и сегодня в творчестве, пожалуй, все решают степень дарования, профессионализм, умение услышать свое время. С этих позиций и следует подходить к оценке каждого нового произведения, тем более, когда оно навеяно значительными событиями нашей действительности.

К славной дате — XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза грузинские композиторы создали целый ряд произведений, тем самым внося свою лепту в общий процесс развития советской музыкальной культуры на нынешнем этапе. Это сочинения самых разных жанров, написанные композиторами разных поколений, творческих устремлений. Среди них увертюра О. Тактакишвили, посвященная борцам за мир, и «Торжественная увертюра» Б. Квернадзе, кантаты, оды, песни О. Гордели, Ш. Милорава, Г. Цабадзе, М. Хателишвили, Г. Бзванели. В большинстве из них сочетаются черты, характерные для советских массовых песен, кантатно-ораториальных образцов с фольклорными элементами.

В общем потоке разнородных произведений явными художественными достоинствами выделяются торжественные увертюры С. Цинцадзе и Н. Мамисашвили. Неформальное отношение к избранной теме, яркая индивидуальность, высокий профессионализм, глубина композиторского мышления отличают эти сочинения.

«Торжественная увертюра на тему «Интернационала» — так называется новое произведение Сулхана Цинцадзе. Небольшое, броское, эффектное симфоническое полотно, воссоздающее зримую картину народного ликования, слушается с подъемом, на одном дыхании. Глубокая мысль облачена в емкую, лаконичную форму. Умение сказать значительное, весомое коротко, сжато и убедительно — в творческой природе композитора. Эти стилистические черты творчества ярко проявились в «Торжественной увертюре». Слушатель сразу же погружается в стихию борьбы, становится ее участником. Пройдя через яростную схватку, обретая новые жизненные силы, он приходит к желанной победе.

Тема «Интернационала» — лишь отправная точка, главное интонационное зерно, на основе которого рождается динамичная, насыщенная симфоническим дыханием партитура.

Тема звучит во всю мощь с первых же тактов увертюры в оркестровом тутти. Выразительная, впечатляющая завязка внутренне организует, зовет к борьбе. В промелькнувшей на мгновение теме — огромная скрытая сила. Стремительные, напряженные эпизоды, таящие в себе неистраченный внутренний заряд, то обгоняя друг друга, то сливаясь в непрерывный поток, образуют единую полифоничную ткань. Во всех этих эпизодах явно, либо завуалированно, звучит главная интонация — интонация пролетарского гимна. Вычлененная из основной мелодии, она постоянно мелькает в разных группах — ударных, струнных, деревянных, создавая оркестровое многоцветье. За счет сопоставления интонационных ячеек, их столкновения, полифонизации фактуры происходит накопление внутренней энергии, нарастание динамики. Грандиозное, монументальное звучание «Интернационала» в финале подготовлено всем предыдущим развитием тематического материала, что закономерно приводит к идейно-эмоциональной кульминации всего произведения. С. Цинцадзе не только услышал и ощутил в «Интернационале» дух непримиримости и борьбы, он сумел зримо передать главный характер песни, воссоздав ярко-декоративную, театрализованную картину общечеловеческого праздника.

Торжественная увертюра С. Цинцадзе — творение мастера, который подошел к ее созданию с высоких позиций гражданина и художника своего времени. В этом плане «Увертюра» продолжает линию его оратории «Бессмертие», посвященной 100-летию со дня рождения Ленина, пожалуй, одного из самых ярких произведений на эту тему в грузинской музыке.

«Торжественную увертюру» Н. Мамисашвили смело можно отнести к творческим достижениям композитора. Уже несколько лет этот широко мыслящий, остро чувствующий свое время художник не заявлял о себе. Его новое произведение заслуживает пристального внимания не только как образец неординарного воплощения значительной темы, но еще и потому, что намечает в его творчестве определенный поворот в сторону демократизации музыкального языка. Музыка увертюры способна взволновать и захватить. Чувства, выраженные в ней, искренни и естественны. Замысел композитора ясен и прост: его Родина, его народ дорожат своим прошлым, настоящим, своими духовными ценностями и вместе со всем народом страны, во главе с партией будут отстаивать свое законное право на будущее. Увертюра Н. Мамисашвили име-

ет точного адресата — авторская задача предельно ясна и определена до конца. Коллективные чувства воплощены здесь в четких, доходчивых музыкальных образах. От частного к обобщенному, от частного к всенародному — так выстраивается концепция произведения.

Торжественные фанфары — это обобщенный образ Государства, его мощи, силы, величия. Начальный образ получает дальнейшее развитие, он обрывает вспомогательными темами-мотивами (принцип мотивной разработки), обогащается, углубляется, выполняя важнейшую роль в музыкальной драматургии. Этот образ становится носителем главной идеи произведения. Фанфары сменяет тема, близкая по характеру, ритмическому рисунку грузинским походным песням (типа «Лашкрули»). В процессе развития, взаимообогащения эти две темы сливаются воедино, вобрав в себя помыслы, чаяния, надежды всех народов нашей Родины. Торжественно разливается по всей стране перезвон кремлевских курантов — ведь с них начинается отсчет времени. Музыкальный символ — кремлевские куранты, мастерски использованный композитором, естественно вписывается в общую ткань произведения, звуча «во весь голос» в наиболее приподнято-торжественных моментах. Придавая этому символу решающее смысловое значение, Н. Мамисашвили создал два варианта своего произведения. В одном из них, предназначенном для слушания в записи, композитор, применив прием коллажа, использует записанное на пленку звучание кремлевских курантов. В другом варианте, рассчитанном для концертного исполнения, переключка курантов заменяется звучанием колоколов и удвоенной духовой и ударной групп. Эта своеобразная краска создает полную иллюзию торжественного перезвона. Не приходится сомневаться, что оба эти варианта обретут право на творческую жизнь.

Итак, тема патриотизма, верности своему народу, партии — эта величественная, грандиозная тема воплощена в музыкальных образах. Лучшие произведения грузинских композиторов, посвященные важнейшей дате, выдержат испытание временем. Они будут звучать, их будут слушать, ибо созданы они по велению сердца.

ВЛАДИМИР МАЧАВАРИАНИ

УШЕЛ от нас старейший член редколлегии журнала «Литературная Грузия» со дня его основания, наш добрый друг, замечательный грузинский писатель и общественный деятель Владимир Мачавариани.

Владимир Мачавариани родился 18 августа 1906 года в г. Батуми в семье таможенного чиновника. В 1931 году он закончил планово-экономический факультет Тбилисского государственного университета, учился в аспирантуре Академии наук Грузинской ССР. После окончания аспирантуры работал в ЦК ЛКСМ Грузии заместителем заведующего отделом пропаганды, заведующим ближневосточным отделом молодежного коммунистического интернационала, заведующим отделом агит-массовой работы Тбилисского городского комитета партии, заместителем начальника управления по делам искусств, ученым секретарем Института языка, истории и материальной культуры, главным редактором журнала «Дроша».

В первые же дни Великой Отечественной войны Владимир Мачавариани ушел добровольцем на фронт, где редактировал фронтовые газеты.

После возвращения с фронта работал ученым секретарем Академии наук Грузинской ССР, директором кино-

студии «Грузия-фильм», министром кинематографии Грузинской ССР, директором педагогического института иностранных языков, первым заместителем министра просвещения, первым заместителем министра культуры, преподавателем основ марксизма-ленинизма педагогического института имени А. С. Пушкина, заведующим кафедрой истории КПСС педагогического института иностранных языков.

Литературную деятельность Владимир Мачавариани начал в 1924 году. Его теоретические и литературно-критические статьи систематически печатались в грузинской и русской прессе.

Владимир Мачавариани был неутомимым общественным деятелем, активным участником симпозиумов и дискуссий как у нас в стране, так и за рубежом, где достойно представлял советскую культуру и искусство, встречался с выдающимися русскими и зарубежными писателями и художниками. Он был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Светлый образ Владимира Мачавариани, верного сына нашей Родины, прекрасного писателя и общественного деятеля навсегда сохранится в памяти его друзей, коллег и соратников по перу.

**КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ И РЕДКОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ»**

ЛАУРЕАТЫ ИЗВЕСТНЫ

ПРИСУЖДЕНЫ премии Совета Министров Грузинской ССР «Летопись пятилетки» за 1985 год.

Среди награжденных — писатели А. Самсония (за рассказы последних лет) и А. Абшилава (за художественно-публицистическую книгу «Иду из Фазиса»).

ИНТЕРЕСНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Художественная литература» выпустило в свет сборник известного грузинского писателя Тамаза Чиладзе.

В издание включены роман «Вот кончилась зима», повести и рассказы «Кто живет на звездах?», «Дворец Посейдона», «Бассейн» и «Постояльцы» в переводах Анаиды Беставашвили.

Автор вступительной статьи к этой книге — литературный критик Евгений Сидоров — отмечает связь творчества Т. Чиладзе с традицией грузинской повествовательной прозы, берущей свое начало в средневековые и воплотившейся в произведениях видных грузинских писателей А. Казбеги, Д. Клдиашвили, В. Барнова.

«НОДАР ДУМБАДЗЕ»

ТАК назван новый сухогруз, которым пополнилась флотилия морских и океанских судов Грузинского пароходства.

Одна из кают судна превращена в мемориал, где собраны произведения замечательного грузинского писателя, устроена экспозиция фотографий и других архивных материалов, посвященных его жизни, литературной и общественной деятельности.

Главный редактор Т. П. БУАЧИДЗЕ

Редакционная коллегия:

Ч. И. АМИРЭДЖИБИ, Э. Г. АНАНИАШВИЛИ, Р. Н. АСАЕВ, А. Н. БЕСТАВАШВИЛИ, Х. Л. ГАГУА, А. Н. ГОГУА, Э. В. ЕЛИГУЛАШВИЛИ, М. И. ЗЛАТКИН, Н. Г. КАРАШВИЛИ (ответственный секретарь), М. Ю. ЛОХВИЦКИЙ, Г. Г. МАРГВЕЛАШВИЛИ, Л. Ш. СТУРУА, Г. В. ХАРАИДЗЕ (заместитель главного редактора), Г. Ш. ЦИЦИШВИЛИ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

4

ИНДЕКС 76117

061935340
3023010333

